

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Псковский государственный университет

М. А. Николаев, С. Е. Демидова, М. М. Балог

**МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

Часть I

Коллективная монография

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета*

Псков
Псковский государственный университет
2018

УДК 332.142
ББК 65.04
Н632

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета*

Рецензенты:

— Ю. Г. Баринов, доктор технических наук, профессор Псковского государственного университета;

— Е. С. Губанова, доктор экономических наук, профессор Вологодского государственного университета.

Николаев, М. А., Демидова, С. Е., Балог, М. М.

Н632 Методология управления экономической безопасностью на региональном уровне. Часть I : коллективная монография. — Псков : Псковский государственный университет, 2018. — 220 с.

ISBN 978-5-91116-757-8 (Часть I)

ISBN 978-5-91116-756-1 (общий)

Монография посвящена развитию теоретико-методологических аспектов управления экономической безопасностью на региональном уровне с учетом современных вызовов и угроз, включая механизм управления экономической безопасностью, позволяющий обеспечить устойчивость экономики территорий, эффективные формы пространственной организации экономики регионов и межрегионального взаимодействия в сфере обеспечения экономической безопасности.

Монография адресована студентам экономических специальностей, преподавателям, научным работникам, аспирантам, практическим работникам, осуществляемым деятельность в сфере экономической безопасности, региональным органам власти, разрабатывающим законодательство в области реализации социально-экономической политики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Методология управления экономической безопасностью на региональном уровне», проект № 17-12-60003/17-ОГОН от 05.06.2017.

Табл. 26. Ил. 10.

УДК 332.142
ББК 65.04

ISBN 978-5-91116-757-8 (Часть I)
ISBN 978-5-91116-756-1 (общий)

© Николаев М. А., Демидова С. Е., Балог М. М., 2018
© Псковский государственный университет, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	7
1.1. Сущность и виды региональной экономической безопасности	7
1.2. Факторы обеспечения региональной экономической безопасности	13
1.3. Систематизация понятийного аппарата теории экономической безопасности региона»	16
ГЛАВА 2. СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕАЛЬНОМ СЕКТОРЕ И В ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ	31
2.1. Обеспечение экономической безопасности в реальном секторе экономики регионов	31
2.2. Обеспечение экономической безопасности в инвестиционно-инновационной сфере региональной экономики	42
ГЛАВА 3. СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ РЕГИОНА	57
3.1. Теоретические подходы к категориям «финансовая система региона» и «финансовая безопасность региона»	57
3.2. Анализ уровня развития финансовой системы на региональном уровне и состояния ключевых сфер финансовой безопасности регионов	80
3.3. Анализ финансовой безопасности в субъектах Российской Федерации	102

ГЛАВА 4. СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ, МИНИМИЗАЦИИ ТЕНЕВОГО СЕКТОРА В ЭКОНОМИКЕ И ПОДДЕРЖАНИЯ ПРИЕМЛЕМОГО КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ	115
4.1. Состояние экономической безопасности в регионах России в сфере минимизации теневого сектора в экономике	115
4.2. Состояние экономической безопасности в регионах России в сфере противодействия коррупции	126
4.3. Состояние экономической безопасности в регионах Российской Федерации в сфере поддержания приемлемого качества и уровня жизни населения	147
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	159
ПРИЛОЖЕНИЯ	176

ВВЕДЕНИЕ

Исследование экономической безопасности регионов является обязательным условием для достижения результативности многоуровневой системы экономической безопасности и сохраняет особую значимость для обеспечения национальной безопасности государства. Только при условии устойчивого развития территорий и наращивания их социально-экономического потенциала могут быть обеспечены национальные интересы.

Существующая модель развития экономики с приоритетом на развитие сырьевых отраслей не позволяет эффективно использовать региональный потенциал. Усиление дифференциации территорий по уровню и темпам социально-экономического развития рассматривается в качестве одной из угроз экономической безопасности. Преодоление этих диспропорций — способ решения проблемы по эффективному освоению и использованию пространства (большой вызов).

Особенности размещения производительных сил в субъектах Российской Федерации, качество и уровень развития человеческого потенциала, нестабильность инвестиционного климата и низкий инновационный интерес связаны с существенными отличиями в показателях, характеризующих экономическую безопасность регионов. Размер валового регионального продукта на душу населения в крайних регионах различается в 17 раз, денежные доходы на душу населения — почти шестикратно. Проблемные регионы практически на порядок отстают от регионов-лидеров по уровню бюджетной обеспеченности и разрыв по этому показателю только увеличивается. Демографические показатели в ряде регионов, особенно в сельской местности, значительно отстают от средних значений по стране.

Существенное различие между регионами наблюдается также и по другим важнейшим социально-экономическим показателям: реальные доходы населения, индекс физического объема инвестиций в основной капитал, уровень безработицы и др. Таким образом, мы можем констатировать существенно различный уровень устойчивости экономики регионов к дестабилизирующему воздействию внутренних и внешних факторов.

И если проблеме низкой устойчивости экономики России к внешним шокам уделяется большое внимание в научной литературе, то проблеме устойчивости экономики регионов от неблагоприятного воздействия внешних и внутренних факторов посвящено гораздо меньше исследований. Между тем, устойчивость национальной экономики определяется параметрами, формируемыми на уровне регионов. Следовательно, обеспечение экономической безопасности регионов должно стать одной из ключевых задач управления на национальном и региональном уровнях. А механизм обеспечения экономической безопасности обоснованно встроится в механизм управления региональным развитием как важнейший структурный элемент.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. Сущность и виды региональной экономической безопасности

Актуализация вопросов обеспечения экономической безопасности в условиях преодоления кризисных явлений обусловила принятие в 2017 году Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года [6]. В документе представлен понятийный аппарат, основные вызовы и угрозы, дана оценка состояния экономической безопасности, определены цели и задачи государственной политики в этой сфере, а также этапы и основные механизмы реализации. Данный документ определен в качестве основы проведения политики в сфере обеспечения экономической безопасности как на всех властных уровнях: федеральном, региональном и муниципальном, так и на отраслевом уровне.

Несмотря на декларируемую универсальность данного документа, региональному аспекту экономической безопасности в Стратегии, на наш взгляд, уделяется недостаточное внимание. Так, в документе очередной раз констатируется усиление дифференциации территорий по уровню и темпам социально-экономического развития, и это явление рассматривается в качестве одной из угроз экономической безопасности. Кроме этого в очередной раз сбалансированное пространственное и региональное развитие, укрепление единства экономического пространства определены в качестве целей политики в сфере обеспечения экономической безопасности.

Для достижения данных целей планируется совершенствование системы территориального планирования, а также развитие межрегионального взаимодействия, в том числе и за счет создания межрегиональных кластеров.

Таким образом, Стратегия с одной стороны является основой для формирования региональной политики экономической безопасности, а с другой — в документе представлены только фрагменты федерального аспекта региональной политики эконо-

мической безопасности: снижение межрегиональной дифференциации и развитие межрегионального взаимодействия. Не умаляя важности данных проблем, их решения явно недостаточно для обеспечения региональной экономической безопасности. Данная ситуация актуализирует проблему теоретико-методологического обеспечения политики экономической безопасности, проводимой на уровне субъектов Российской Федерации.

В научной литературе существуют различные подходы к определению модели экономической безопасности региона. В большинстве публикаций вопросы экономической безопасности региона рассматриваются в основном в контексте обеспечения экономической безопасности на национальном уровне. Так в работе [50] отмечается, что «экономическая безопасность региона должна рассматриваться как проекция общей проблемы национальной экономической безопасности на региональный уровень в плане обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от различного рода внутренних и внешних угроз».

Противоположная точка зрения на взаимосвязь национального и регионального уровней в вопросах экономической безопасности представлена в работе [145]. Авторы отмечают, что «для укрепления общенациональной экономической безопасности все большее значение приобретает повышение эффективности регионального управления, поскольку держава устойчива и непоколебима только тогда, когда такими качествами обладают ее субнациональные единицы». Подобная точка зрения представлена в работе [119]: «экономическая безопасность России складывается из экономической безопасности ее регионов».

Таким образом, если в рамках первого подхода региональная экономическая безопасность выступает в качестве производной от национальной безопасности, то второго — является основой национальной безопасности.

Третий подход рассматривает сущность региональной экономической безопасности с учетом относительной обособленности региональной системы. В этом контексте авторы делают попытку выделить основные параметры региональной экономики, обеспечивающие состояние безопасности. К числу таких параметров в работе [94] отнесены следующие: способность обеспечить достой-

ное качество жизни, устойчивость к влиянию внутренних и внешних угроз, социально-экономическую стабильность. Ряд важнейших аспектов экономической безопасности региона представлен в работе [171]: «экономическая самостоятельность, стабильное и устойчивое развитие региональной экономики, а также поддержание непрерывного ее роста». Таким образом, в рамках третьего подхода регион рассматривается как относительно самостоятельная подсистема национальной экономики и определяется перечень его важнейших характеристик, обеспечивающих состояние экономической безопасности.

При анализе точек зрения авторов по вопросу сущности региональной экономической безопасности можно выделить также и четвертый подход. Его авторы, наряду с внутренними характеристиками региона, большое внимание уделяют интегрированности региональной экономики в национальную, а также сбалансированности региональных и общенациональных интересов [119]. Следует отметить, что в программных документах в сфере безопасности понятие «интересы» имеет широкое распространение. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития выступают в качестве национальных интересов. Аналогичный подход представлен также и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года.

В результате проведенного анализа мы выделили четыре подхода к определению сущности понятия «экономическая безопасность региона». Эти подходы можно рассматривать в качестве основы соответствующих концепций региональной экономической безопасности, т. е. системы взглядов на данную проблему. Таким образом, можно выделить следующие концепции: национальная, региональная, «регион-квазигосударство» и концепция баланса интересов.

Национальная концепция исходит из того, что региональная экономическая безопасность определяется состоянием национальной безопасности. В рамках региональной концепции региональная экономическая безопасность рассматривается в качестве основы национальной безопасности. В рамках концепции «реги-

он-квазигосударство» регион рассматривается как относительно обособленная подсистема национальной экономики. Взаимодействие федеральных и региональных властей, а также разные формы межрегиональных экономических отношений обеспечивают функционирование региональных экономик в рамках национальной экономики. Объективной основой данной модели является процесс регионализации, т. е. повышения значимости регионального уровня управления и сосредоточение существенной части общенациональных ресурсов на уровне территорий. Концепция баланса интересов является развитием концепции «регион-квазигосударство» в направлении учета уровня сбалансированности региональных и общенациональных интересов.

С точки зрения практики управления экономической безопасностью региона нам представляется наиболее адекватной концепция «регион-квазигосударство». В ее рамках появляется возможность использования методологии управления экономической безопасностью на национальном уровне с учетом особенностей региональной системы. Так при определении важнейших показателей региональной экономической безопасности целесообразно ориентироваться на показатели, представленные в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации с учетом региональной специфики. К числу основных показателей следует отнести следующие: ВРП на душу населения, доля инвестиций в ВРП, степень износа основных фондов, государственный долг региона, доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения, доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

В рамках концепции «регион-квазигосударство» необходимо также обеспечить баланс региональных и общенациональных интересов. Подходы к решению данной задачи, на наш взгляд, могут быть различными. Мы предлагаем оценивать баланс интересов региона и федерального центра на основе уровня различия показателей региона и Российской Федерации (федерального округа). Такой подход нам представляется вполне логичным, так как во всех документах в сфере экономической безопасности рост дифференциации регионов по основным социально-экономическим показателям рассматривается в качестве угрозы, а снижение дифференциации в качестве важнейшего направления улучшения состояния экономической безопасности.

При оценке допустимого уровня различия показателей можно ориентироваться на следующий подход: «экономическое и социальное пространство не может быть полностью однородным, и определенный уровень дифференциации регионального социально-экономического пространства является естественным и даже полезным, он «вносит динамизм» в развитие экономики, создавая некую напряженность, однако чрезмерный уровень дифференциации вызывает острые экономические проблемы» [114].

При определении понятия «экономическая безопасность» национальной экономики можно выделить два основных подхода. Первый определяет «экономическую безопасность» как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, а второй — через ее устойчивость к воздействию внутренних и внешних факторов, нарушающих нормальное функционирование процесса общественного воспроизводства.

В рамках концепции «регион-квазигосударство» нам представляется наиболее адекватным второй подход, так как в методологии регионального управления в качестве важнейшего рассматривается принцип устойчивого развития. В этом случае за основу можно взять сформулированное Л. И. Абалкиным [45] определение — экономическая безопасность — это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию.

Следует отметить, что в большинстве исследований, посвященных вопросам региональной экономической безопасности, аспекты устойчивости рассматриваются в качестве приоритетных. Так в работе [107] региональная экономическая безопасность определяется как «состояние региональной экономики, при котором за счет внутренних ресурсов обеспечивается необходимый уровень жизни, полная занятость населения, устойчивость регионального экономического развития, компенсация экзогенных воздействий внешней среды». Таким образом, представленный подход соответствует модели «регион-квазигосударство» и в качестве важнейшего атрибута выступает устойчивость региональной системы.

Аспект устойчивости подчеркивается и в работе [92]: «экономическую безопасность региона следует понимать, как совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость развития экономики и социальной сферы региона, органически интегрированной в экономику Российской Федерации».

В работе [174] выделяются два вида устойчивости региональной системы — внутренняя и внешняя. Внутренняя устойчивость региона характеризуется развитием отраслей народного хозяйства, сохранением стабильного положительного сальдо вывоза-ввоза продукции, обеспечением занятости и соответствующего уровня жизни населения.

Внешняя устойчивость региона характеризуется местом региона в общем государственном разделении труда, устойчивостью платежного баланса региона, стабильностью положительного внешнеторгового сальдо, наличием стабилизационного фонда, а также эффективностью равноправных отношений между федеральным центром и регионом.

Экономическая безопасность является достаточно многофункциональным и многогранным явлением. Данная ситуация обуславливает необходимость его структуризации и выделения уровней и видов экономической безопасности. В качестве основных в большинстве случаев выделяют уровни личности, общества и государства. Кроме этого различают уровень национальной экономики, региональный уровень и уровень хозяйствующего субъекта. В нормативных документах в сфере национальной безопасности выделяются следующие виды безопасности: государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая, безопасность личности. В то же время в научной литературе основное внимание уделяется таким видам экономической безопасности как инновационная, инвестиционная, финансовая, энергетическая, промышленная, технологическая, информационная и продовольственная.

В публикациях, посвященных экономической безопасности региона, вопросам выделения важнейших видов региональной экономической безопасности также уделяется большое внимание. Так в работах [108, 169] представлены следующие

виды безопасности: инвестиционная, производственная, научно-техническая, внешнеэкономическая, финансовая, энергетическая, демографическая, продовольственная, инфраструктурная, экологическая, уровня жизни, безопасность рынка труда и безопасность в сфере правопорядка. Схожий перечень представлен также в работе [192]: инвестиционная, производственная, научно-техническая, финансовая, социальная, демографическая, безопасность рынка труда и безопасность в сфере правопорядка. Кроме этого в данной работе представлены показатели для оценки каждого вида экономической безопасности. Так для оценки состояния инвестиционной безопасности предлагается использовать показатели доля инвестиций в ВРП и отношение инвестиций к стоимости основных производственных фондов. В работе [165] акцентируется внимание на недостаточной изученности проблемы инновационной безопасности и обосновывается необходимость ее выделения как отдельного вида безопасности на национальном и региональном уровнях.

Таким образом, региональная экономическая безопасность большинством авторов рассматривается с позиции обеспечения устойчивого развития всех сфер жизнедеятельности и характеризуется способностью его экономики функционировать в режиме устойчивого развития для обеспечения достойных условий жизни населения, развития личности, противостоять дестабилизирующему воздействию внутренних и внешних социально-экономических факторов.

1.2. Факторы обеспечения региональной экономической безопасности

Необходимость обеспечения устойчивости региональной системы актуализирует проблему анализа факторов устойчивого развития. В научной литературе большое внимание уделяется проблеме устойчивости национальной экономики. При этом выделяются такие проблемы, как чрезмерная открытость, высокий уровень зависимости от состояния на сырьевых рынках, высокий уровень внешнего корпоративного долга и др. [74, 111, 120]. Вопросы устойчивости экономики регионов от неблагоприятно-

го воздействия внешних и внутренних факторов представлены в плановых документах субъектов Российской Федерации, а также в научной литературе. Актуальность данного вопроса обусловлена тем обстоятельством, что устойчивость национальной экономики в существенной мере определяется параметрами, формируемыми на уровне регионов [128].

Рассмотрим факторы, определяющие экономическую безопасность региона, представленные в плановых документах. В стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года [11] отмечается, что система целей стратегии призвана обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие Санкт-Петербурга. Кроме этого, обеспечение устойчивого экономического роста определено в качестве одного из стратегических направлений развития города. К числу факторов устойчивого развития в стратегии отнесены следующие: опережающие инвестиции в социальный, человеческий и природный капитал; сохранение балансов, пропорций в процессе роста; устойчивое обеспечение потребителей энергией и коммунальными ресурсами; достаточность финансовых ресурсов; создание устойчивого экономического базиса на основе высокотехнологичного и наукоемкого сектора.

В Концепции социально-экономического развития Ленинградской области [20] необходимость устойчивого развития зафиксирована в основной стратегической цели на долгосрочную перспективу — достижение показателей роста экономики и развития социальной сферы темпами выше среднероссийских, достижение нового качества социально-экономического роста, обеспечивающего устойчивость и сбалансированность развития области. Таким образом, в данном документе устойчивое развитие основывается на высоких темпах и новом качестве экономического роста. К числу факторов устойчивого развития в Концепции определены следующие: обеспечение бюджетной устойчивости; повышение экологической устойчивости территории; секторальная сбалансированность; долгосрочное устойчивое развитие высокотехнологичных секторов.

В Республике Карелия в качестве стратегической цели социально-экономического развития сформулировано повышение качества жизни населения на основе устойчивого сбаланси-

рованного развития экономики [13]. К числу факторов устойчивого развития отнесены следующие: развитие инфраструктуры и оптимизация системы расселения; формирование условий для устойчивого повышения заработной платы; устойчивое снабжение энергоресурсами; устойчивое воспроизводство лесного богатства; обеспечение экологической устойчивости территории за счет осуществления мер по охране и воспроизводству природных ресурсов; участия в международных туристских проектах и наличие устойчивых международных связей; повышение устойчивости финансового сектора экономики.

Ряд факторов устойчивого развития представлен также в стратегии социально-экономического развития Новгородской области до 2030 года [14]: формирование диверсифицированной экономики, устойчивой к динамической системе вызовов; опережающее развитие энергетического комплекса, транспортной инфраструктуры; комплексное решение демографических, миграционных, социальных и экономических вопросов; создание благоприятных условий для устойчивого развития сельского хозяйства, туризма и охотничьего хозяйства; обеспечение долгосрочной сбалансированности и устойчивости бюджетной системы.

В стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2020 года [10] вопросам устойчивого развития уделяется незначительное внимание. В качестве основных факторов устойчивости выделяются устойчивость бюджетной системы, сельских территорий и агропромышленного комплекса.

Таким образом, в плановых документах субъектов Федерации основное внимание уделяется следующим факторам устойчивого развития:

- устойчивый рост экономики;
- устойчивость бюджетной системы;
- диверсификация экономики;
- устойчивость отраслей специализации.

Большое внимание факторам региональной экономической безопасности уделяется также в научной литературе. Так в работе [92] выделены следующие факторы: конкурентоспособность региона, природно-ресурсный потенциал, уровень развития отраслей реального сектора экономики, состояние региональных финансов и уровень коррупции.

В работе [66] в качестве фактора устойчивого развития экономики регионов рассматриваются инновационные кластеры, включающие ведущие предприятия обрабатывающей промышленности, технопарки, бизнес-инкубаторы, университет, фонды поддержки инновационного бизнеса и другие структуры. Таким образом, в качестве фактора обеспечения экономической безопасности авторы рассматривают формирование инновационной модели развития промышленного комплекса региональной экономики. В связи с этим традиционную оценку устойчивости социально-экономических систем, которая проводится по трем группам показателей — экономическим, социальным и экологическим, авторы предлагают дополнить показателями инновационной активности и уровня развития институциональной среды. В работе [93] в качестве фактора устойчивого развития экономики регионов рассматривается уровень развития инновационной инфраструктуры, включающей технопарк, центр трансферта технологий, венчурные фонды, бизнес-инкубатор и др. На основании проведенных исследований авторы делают вывод, что недостаточный уровень развития инновационной инфраструктуры следует рассматривать в качестве угрозы экономической безопасности региона.

1.3. Систематизация понятийного аппарата теории экономической безопасности региона

Для обеспечения экономической безопасности на всех уровнях территориально-пространственной организации страны необходим упорядоченный и систематизированный понятийно-категориальный аппарат теории экономической безопасности, поскольку теоретическое понимание сущности безопасности напрямую влияет на качество её практического обеспечения. Теория и методология экономической безопасности находятся в состоянии своего совершенствования и развития. При этом многие из представленных в современной литературе определений базовых категорий не содержат полного перечня необходимых компонентов. В связи с этим необходимо проанализировать, обобщить и уточнить определения базовых категорий экономи-

ческой безопасности. В рамках данной работы будут рассмотрены определения категорий безопасность, экономическая безопасность, экономическая безопасность региона и управление экономической безопасностью региона.

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» не содержит определения термина безопасность [2]. Предшествующий ему Федеральный закон от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности» определяет безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз [3].

Толковый словарь С. Н. Ожегова определяет безопасность как состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности [194].

В. Сенчагов понимает под безопасностью состояние сбалансированности всех сторон жизни общества, обеспечивающее возможность его настоящего и будущего развития [191, с. 15].

По мнению А. Юрченко, безопасность в общем смысле — это защищённость от различных опасностей такого состояния общественных отношений, при котором обеспечивается прогрессивное развитие общества в конкретных исторических и природных условиях [189, с. 23].

С. Казанцев определяет безопасность как отсутствие опасности, а при её наличии, как ситуацию полной или частичной защищённости объекта [176, с. 17].

Обобщив подходы, существующие в литературе к определению категории безопасность, можно сделать следующие выводы.

1. Безопасность является категорией, содержание которой меняется в зависимости от конкретных условий места и времени нахождения объекта безопасности.

2. Предмет безопасности можно понимать в широком смысле — как состояние сбалансированности различных сфер жизни общества обеспечивающее его развитие, или в узком — как защищенность объекта от внешних и внутренних опасностей и угроз.

3. Объектом безопасности являются личность, общество и государство.

4. Целями безопасности выступают защищенность, а также прогрессивное развитие объектов обеспечения безопасности.

Утратившая с 2017 года силу Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения) не содержит в своем тексте определение термина экономическая безопасность. Однако в документе указана цель экономической безопасности — обеспечение такого развития экономики, при котором создались бы приемлемые условия для жизни и развития личности, социально-экономической и военно-политической стабильности общества и сохранения целостности государства, успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз [5]. С. Казанцев полагает, что сделанный в данном документе акцент на создании неких *приемлемых условий*, из которых должна сформироваться экономическая безопасность, а не *состояния экономики*, вызван сформировавшимся в 1990-е годы курсом на сокращение присутствия государства в экономической системе [176, с. 39].

Утвержденная указом Президента от 13 мая 2017 года № 208 Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года отличается от предшествующего документа наличием более развитого понятийного аппарата. Экономическая безопасность в стратегии определяется как состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации [6].

Проанализировав подходы к определению экономической безопасности, содержащиеся в данных документах, мы можем сделать два вывода. Во-первых, произошло смещение внимания с развития экономической системы в целом на защищенность национальной экономики от различных угроз. Во-вторых, в отличие от документа 1996 года, определение экономической безопасности, представленное в стратегии 2017 года, не содержит в качестве целевого ориентира создание необходимых условий для достойного существования и развития личности. Таким образом определение экономической безопасности, представленное в действующей стратегии, характеризу-

ется более узким пониманием предмета экономической безопасности и отсутствием должного внимания к обеспечению надлежащего качества жизни граждан.

Л. Абалкин предлагает следующее определение экономической безопасности: это «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, её стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию» [44, с. 5]. Далее, ведущим субъектом обеспечения экономической безопасности исследователь определяет государство. При этом Л. Абалкин подчёркивает важную роль общества, представители которого должны осознать неразрывность личной судьбы и судьбы державы и выработать установку на совместные с государством действия по защите страны от внутренних и внешних угроз.

Согласно исследованию А. Архипова, А. Городецкого и Б. Михайлова, «экономическая безопасность представляет собой совокупность внутренних и внешних условий, благоприятствующих эффективному динамичному росту национальной экономики, её способности удовлетворять потребности общества, государства, индивида, обеспечивать конкурентоспособность на внешних рынках, гарантирующую от различного рода угроз и потерь» [49, с. 38–39]. В рамках своей работы, авторы делают два принципиальных вывода. Во-первых, обеспечение экономической безопасности не должно быть замкнуто исключительно в компетенции спецслужб, оно должно осуществляться всей системой государственных органов, в том числе гражданскими министерствами. Во-вторых, наряду с государством, субъектом обеспечения экономической безопасности выступает сама экономика, защищающая себя высокой производительностью труда, качеством продукции и т. д.

По мнению А. Илларионова, «под экономической безопасностью страны понимается такое сочетание экономических, политических и правовых условий, которое обеспечивает устойчивое в длительной перспективе производство максимального количества экономических ресурсов на душу населения наиболее эффективным способом» [87, с. 49]. Определяющую роль в обеспечении экономической безопасности страны исследователь отводит государственной экономической политике. Однако

понимание государства ключевым субъектом обеспечения экономической безопасности соседствует у А. Илларионова с тезисом о том, что повышение уровня экономической безопасности необходимо требует сокращения масштабов государственного вмешательства в экономику.

Е. Бухвальд, Н. Гловацкая, С. Лазуренко определяют экономическую безопасность как важнейшую качественную характеристику экономической системы, определяющую её способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами развития народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов России [62, с. 25]. Здесь вместо факторов и условий под предметом экономической безопасности понимается качество, т. е. состояние экономической системы. Ряд исследователей считает такой подход более оправданным, поскольку условия далеко не всегда порождают требуемое состояние безопасности, хотя они и необходимы.

В. Сенчагов под экономической безопасностью предлагает понимать «такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов» [191, с. 49]. По мнению исследователя, ведущая роль в реализации национальных интересов принадлежит институтами власти, их готовности и способности создавать механизмы экономического развития и обеспечения социально-политической стабильности.

В результате обобщения приведенных выше определений можно выявить следующие характеристики термина «экономическая безопасность».

1. Объектами экономической безопасности являются личность, общество, государство, а также национальная экономика в целом.

2. Субъектами экономической безопасности выступают органы государственной власти и экономическая система.

3. Предметом экономической безопасности являются условия и факторы, а также состояние экономики и институтов власти, обеспечивающие достижение заявленных целей.

4. Целями экономической безопасности выступают создание приемлемых условий для жизни и развития личности и обеспечения социально направленного развития страны в целом, конкурентоспособность и эффективность отечественного бизнеса, устойчивость экономической системы в сочетании с её эффективным динамичным ростом, единство экономического пространства страны, независимость национальной экономики, социально-экономическая и военно-политическая стабильность общества, реализация национальных интересов, обеспечение достаточного оборонного потенциала, успешное противостояние внутренним и внешним угрозам и др. Данное многообразие целей определяется наличием целого ряда сложных по своей структуре объектов экономической безопасности.

Далее необходимо определиться с тем, что мы будем понимать под регионом в контексте обеспечения экономической безопасности. С. Шерстюк в качестве такого территориально-пространственного образования предлагает использовать федеральный округ. По его мнению, реализация категории «безопасность территории» с организационной и правовой точек зрения наилучшим образом может быть реализована именно в рамках федеральных округов [188, с. 4].

А. Бабкин, В. Трысячный настаивают на том, что под регионом следует понимать исключительно субъект Федерации, т.к. экономический район или федеральный округ не соответствуют такому методологическому принципу определения региона как наличие сформировавшихся и действующих органов управления социально-экономическими процессами [50, с. 201]. Согласимся с данным подходом, т. к. социально-экономические показатели субъектов Российской Федерации в рамках одного Федерального округа могут серьезно различаться — следовательно, объединять их в единое целое будет не вполне корректно. Помимо этого, объединять в рамках объекта исследования экономической безопасности несколько субъектов Федерации не следует ещё и потому, что отношения между субъектами Федерации, входящими в один Федеральный округ помимо со-

трудничества, зачастую носят и характер конкурентной борьбы. Республики, края и области конкурируют между собой за квалифицированные кадры, инвестиции, доступ к инновационным технологиям и производствам, а также за особые условия ведения бизнеса (например, за статус особой экономической зоны).

Экономическая безопасность страны и входящих в её состав регионов взаимосвязаны, поэтому содержание категорий, определяющих безопасность на федеральном и региональном уровне также должны быть логически связаны между собой. На основании этого ряд исследователей переносят определения экономической безопасности, принятые на уровне национальной экономики на уровень региона [176, с. 36–37]. Недостаток содержательной стороны данного подхода заключается в том, что экономическая безопасность на уровне страны рассматривается не только в экономической сфере, но и в областях пересечения экономики со смежными внеэкономическими сферами, а также непосредственно в смежных неэкономических сферах (внешнеполитической, военной и др.) [2, с. 15]. Однако влияние региональных властей на указанные смежные сферы по существу отсутствует, т. к. последние находятся в ведении исключительно федерального центра.

Существующая в настоящее время нормативно-правовая база субъектов Российской Федерации по обеспечению экономической безопасности представлена весьма ограниченным количеством документов, некоторые из которых не содержат системы определений основных терминов. Так в утверждённом постановлением правительства Кабардино-Балкарской Республики от 04 марта 2000 года № 102 Концепции экономической безопасности Кабардино-Балкарской Республики отсутствует определение термина экономическая безопасность [16].

Концепция экономической безопасности Волгоградской области, одобренная постановлением Волгоградской областной Думы от 28 июня 2001 года № 12/211 определяет экономическую безопасность региона как совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики области, частичной независимости и интеграции с экономикой Российской Федерации [15].

Утратившие в настоящее время силу Концепция экономической безопасности Республики Коми, утвержденная указом главы Республики Коми от 4 июня 1998 г. № 209 и Концепция экономической безопасности Республики Бурятия, утвержденная указом Президента Республики Бурятия от 18.10.99 № 232 содержат идентичные определения экономической безопасности региона — это возможность и готовность экономики обеспечить достойные условия жизни и развития личности, социально-экономическую и политическую стабильность общества и государства, противостоять влиянию внутренних и внешних угроз [17; 18].

Распоряжением правительства Москвы от 16 апреля 2010 года № 707-РП была утверждена Концепция комплексной безопасности города Москвы, которая утратила силу уже в 2011 году [19]. Данный документ не содержал определения термина экономическая безопасность.

Перейдем к определениям термина экономическая безопасность региона содержащимся в научной литературе.

Е. Пузов и С. Яшин полагают, что в интересах оценки уровня экономической безопасности территории посредством учета первичных показателей и построения их агрегированных групп экономическую безопасность региона следует понимать, как:

- обеспеченность региона ресурсами на уровне достаточном для экономической независимости;
- участие в кооперации и интеграции с другими субъектами Федерации;
- эффективное использование потенциала, отражающееся в устойчивости, способности к саморазвитию и прогрессу [149, с. 18].

А. Татаркин и А. Куклин полагают, что экономическая безопасность территориального образования — «это совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития, степень ее самостоятельности в процессах интеграции с экономикой Российской Федерации» [162, с. 29].

Согласно мнению Т. Феофиловой, «экономическая безопасность региона является оценочной категорией, характеризующей

состояние социально-экономической системы субъекта Российской Федерации, при котором обеспечиваются институционально закреплённые эталонные потребности населения, посредством противодействия влиянию рисков и угроз, способных нанести ущерб социально-экономической системе региона» [180, с. 5]. Очевидна социальная направленность цели экономической безопасности региона, далее определяемой автором как улучшение качества жизни населения или как минимум не ухудшение данного показателя. Увеличение ВРП рассматривается исследователем исключительно как инструмент достижения поставленной цели. Условием экономической безопасности Т. Теофилова считает создание подразделения экономической безопасности в структуре исполнительных органов власти региона.

В. Титов рассматривает экономическую безопасность «экономической системы субъекта Российской Федерации как такое состояние динамично развивающейся экономической системы субъекта Российской Федерации, при котором обеспечивается её оптимальное функционирование, защищённость жизненно важных экономических интересов» [172, с. 219].

В. Сенчагов определяет экономическую безопасность региона как «состояние, при котором отсутствуют, сведены к минимуму или устранены внутренние и внешние угрозы сохранения социально-экономического и финансового потенциала региона ниже уровня, достаточного для повышения благосостояния его населения» [157, с. 84]. По мнению исследователя, рост благосостояния населения обеспечит минимизацию социальных конфликтов и сепаратистских настроений в регионе.

Г. Маханько полагает, что экономическая безопасность региона — это «не столько состояние защищённости региональных интересов, сколько способность региональной власти создавать эффективные механизмы по обеспечению конкурентоспособности экономики региона, социально-экономической стабильности и устойчивости развития территории как относительно самостоятельной структуры, органически интегрированной в экономику Российской Федерации» [119, с. 239].

С. Потокина, О. Бочарова и О. Ланина рассматривают экономическую безопасность региона как «такое состояние экономики и институтов государственной власти, при котором

обеспечиваются стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики территории, создается потенциал, обеспечивающий конкурентоспособность региональной экономики, гарантированную защиту экономических интересов региона и населения, проживающего в нем, от внутренних и внешних деструктивных воздействий» [147, с. 82].

Т. Ускова и И. Кондаков под экономической безопасностью региона понимают «совокупность условий и факторов, характеризующих стабильность экономики, устойчивость и поступательность её развития, степень независимости и интеграции с экономикой страны, а также способность региональных органов государственной власти создавать механизмы реализации и защиты интересов хозяйствующих субъектов, поддержания социально-экономической стабильности территориального сообщества» [177, с. 39].

В результате анализа приведенных выше определений категорий «безопасность», «экономическая безопасность» и «экономическая безопасность региона» были сделаны следующие выводы.

В качестве объекта экономической безопасности региона в большинстве случаев понимается экономическая система субъекта Федерации. Со столь обобщающим подходом сложно согласиться поскольку здесь из поля зрения выпадают объекты, которые были выявлены еще на национальном уровне экономической безопасности: личность, общество и государство. Кроме того, большинство исследователей не выделяют бизнес-структуры в качестве самостоятельного объекта экономической безопасности. Однако именно от эффективности деятельности предпринимательских структур зависит множество показателей определяющих экономическую безопасность территории. Таким образом, *в качестве объекта экономической безопасности региона мы предлагаем понимать личность, общество, органы государственной власти, бизнес-структуры, а также систему отношений между ними.*

Субъектом экономической безопасности региона исследователи как правило определяют региональные органы государственной власти. Мы полагаем данное понимание субъектов не полным. Как это было показано М. Николаевым при обобщении

экспертных подходов к государственной региональной политике, существуют два уровня управления регионом: политика, проводимая федеральными органами государственной власти и политика, проводимая органами власти самого субъекта Федерации в отношении территорий, находящихся под их управлением [136, с. 9]. На основании вышесказанного определим *субъектами экономической безопасности региона органы государственной власти федерального и регионального уровней*.

Предметом экономической безопасности региона в литературе называют совокупность условий и факторов, а также определенное состояние (экономической системы региона, институтов власти и т. д.). Обратим внимание на следующее: при определении категории *Безопасность*, выступающим начальным звеном в нашей терминологической цепочке, большинство исследователей называли её предметом состояние защищенности. Основываясь на данном подходе, уточним формулировку предмета экономической безопасности региона, которым является *совокупность условий и факторов, обеспечивающих состояние защищенности объектов экономической безопасности региона*.

В экономической литературе присутствует значительное количество разнообразных целей экономической безопасности региона. К ним относятся: создание достойных условий для жизни и развития личности, увеличение благосостояния проживающего на территории населения, обеспечение региональной властью конкурентоспособности экономики и защита интересов хозяйствующих субъектов, участие в кооперации с другими регионами, определенная степень самостоятельности в процессах интеграции с экономикой Российской Федерации, поступательность развития региональной экономики, минимизация или устранение внутренних и внешних угроз и др. Мы считаем нужным систематизировать и обобщить цели экономической безопасности региона используя сочетание принципов экономической и социальной эффективности как *формирование устойчивого развития экономики региона и обеспечение высокого качества жизни населения*.

Таким образом, под экономической безопасностью региона мы предлагаем понимать *совокупность условий и факторов, обеспечивающих состояние защищенности личности, об-*

щества, бизнес-структур, институтов власти субъекта Федерации и отношений между ними, формируемое органами государственной власти федерального и регионального уровней в целях обеспечения устойчивого развития экономики региона и высокого качества жизни населения.

В современной научной литературе определению термина *управление экономической безопасностью региона* уделяется достаточно мало внимания. Многие исследователи ограничиваются в своих исследованиях определением термина *экономическая безопасность региона*. Кроме того, в работах большинства авторов отсутствует целостное определение рассматриваемого термина, а лишь представлены отдельные его элементы.

Д. В. Доценко определяет *управление экономической безопасностью региона* как непрерывный процесс обеспечения и защиты экономических интересов территории от внутренних и внешних угроз, обеспечиваемый путем осуществления комплекса мер, направленных на поддержание устойчивости и потенциала развития экономики региона [83, с. 13]. *Управлению экономической безопасностью региона* предшествует этап мониторинга угроз и причин их возникновения. Вместе эти два этапа определяются автором как обеспечение экономической безопасности в регионе.

В. В. Гребник и А. П. Павлов предложили структуру целей управления экономической безопасностью региона, в рамках которой предполагается одновременное сосуществование стратегических, оперативных и тактических целей. Стратегические цели заключаются в создании безопасной среды проживания, соответствующей сложившимся потребностям населения региона. Оперативные — в профилактике причин возникновения критической ситуации, предотвращении самой критической ситуации и смягчении последствий возникновения критической ситуации. Тактические — зависят от объекта и субъекта управления экономической безопасностью, а также от фактора времени [78, с. 4–5].

В работе А. В. Бабкина и В. И. Трысячного выделены два уровня управления экономической безопасностью региона: федеральный и субфедеральный. Как пишут исследователи, предметом управления на федеральном уровне являются «территориальные

проблемы национальной экономики (в том числе и межрегиональные), отношения Центра с субъектами Федерации, комплексное регулирование факторов, влияющих на социально-экономическое развитие» [50, с. 202]. Предметом управления на субфедеральном уровне по мнению авторов являются «социально-экономическое развитие, отношения субъекта Федерации с муниципальными образованиями». В качестве цели управления экономической безопасностью территории А. В. Бабкин и В. И. Трысячный выделяют «повышение благосостояния населения, качества жизни, гармоничное развитие личности» [50, с. 203].

Т. Ю. Феофилова разработала концептуальную модель управления экономической безопасностью субъекта Федерации, в которой определила цель, условие, объекты и субъекты управления экономической безопасностью территории [180, с. 9–11]. К сожалению при этом исследователь не сформулировала целостное определение категории управление экономической безопасностью региона.

В приложении 1 представлены результаты обобщения подходов в определении категории «управление экономической безопасностью региона».

Основываясь на изучении подходов к определению термина *управление экономической безопасностью региона*, а также приведённых ранее определениях терминов безопасность, экономическая безопасность и экономическая безопасность региона можно сделать следующие выводы.

1. Управление экономической безопасностью представляет собой непрерывный двухуровневый процесс, осуществляющийся субъектами — органами государственной власти федерального и регионального уровней. Также субъектами управления экономической безопасностью на уровне региона являются функционирующие на его территории общественные объединения (профессиональные союзы, объединения работодателей, общественные советы и пр.).

2. Обобщёнными объектами управления экономической безопасностью на федеральном уровне являются экономические системы регионов и органы государственной власти субъектов Федерации; на региональном — личность, общество, биз-

нес-структуры совместно с органами государственной и муниципальной власти отдельного субъекта Федерации.

3. Предметом управления экономической безопасностью на федеральном уровне является обеспечение состояния защищённости экономических систем и органов государственной власти регионов России посредством управления отношениями между субъектами Федерации и Центром, решения территориальных проблем и управления факторами социально-экономического развития регионов; предмет управления экономической безопасностью на региональном уровне — обеспечение состояния защищённости объектов управления экономической безопасностью соответствующего уровня посредством регулирования системы многосторонних отношений между основными элементами экономической системы и обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона.

4. При определении цели управления экономической безопасностью региона мы считаем нужным использовать сочетание принципов экономической и социальной эффективности. Экономическая эффективность, выраженная в росте валового регионального продукта, рассматривается в качестве инструмента обеспечения эффективности социальной. В свою очередь социальная эффективность, проявляющаяся в улучшении качества жизни населения, должна рассматриваться в качестве генерального принципа целеполагания. Данный подход согласуется с Конституцией Российской Федерации — согласно основному закону, Россия является социальным государством «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Соответственно, целью управления экономической безопасностью региона является обеспечение такого уровня развития экономики субъекта Федерации, при котором достигается формирование высокого качества жизни проживающего на его территории населения.

На основании приведенных выводов управление экономической безопасностью региона на федеральном уровне представляет собой *деятельность органов государственной власти федерального уровня по обеспечению состояния защищённости экономических систем и органов государственной власти субъектов Федерации посредством управления отношениями меж-*

ду субъектами Федерации и Центром, решения территориальных проблем и управления факторами социально-экономического развития регионов в целях обеспечения такого уровня развития экономики регионов, при котором достигается формирование высокого качества жизни населения.

В свою очередь управление экономической безопасностью субъекта Федерации на региональном уровне — это деятельность органов государственной власти и общественных объединений региона по обеспечению состояния защищенности личности, общества, бизнес-структур и институтов власти субъекта Федерации посредством регулирования системы многосторонних отношений между основными элементами экономической системы и обеспечения устойчивого социально-экономического развития региона с целью формирования высокого качества жизни проживающего на его территории населения.

Отметим высокую значимость разработки понятийно-категориального аппарата теории экономической безопасности, поскольку единообразное понимание объекта, субъекта, предмета, и цели управления экономической безопасностью региона будет способствовать повышению качества осуществления данного процесса на практике.

ГЛАВА 2. СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕАЛЬНОМ СЕКТОРЕ И В ИНВЕСТИЦИОННО-ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ

2.1. Обеспечение экономической безопасности в реальном секторе экономики регионов

При оценке уровня экономической безопасности территории широкое распространение получила методика Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, основанная на диагностики сфер жизнедеятельности региона [108]. К числу важнейших для большинства регионов Российской Федерации относится производственная сфера, под которой понимается совокупность отраслей материального производства. При этом наиболее важными компонентами производственной сферы являются промышленность и сельское хозяйство. Эти отрасли определяют конкурентоспособность экономики регионов, обеспечивают занятость и доходы населения, а также существенную часть налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Развитие реального сектора экономики является важнейшим направлением обеспечения экономической безопасности. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики определен в качестве угрозы экономической безопасности. В данных условиях актуализируется задача развития реального сектора экономики как фактора устойчивого развития и обеспечения экономической безопасности регионов.

Для оценки уровня экономической безопасности в производственной сфере нами был выполнен анализ динамики отраслевой структуры экономики для регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов за два периода — 2005–2012 и 2012–2015 гг. (табл. 1).

Таблица 1

**Отраслевая структура валовой добавленной стоимости
(в текущих основных ценах; в процентах к итогу)**

	Российская Федерация из суммы регионов			ЦФО			СЗФО		
	2005	2012	2015	2005	2012	2015	2005	2012	2015
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	5,2	4,2	5,2	2,9	2,9	3,7	3,8	2,1	2,6
Рыболовство, рыбоводство	0,3	0,2	0,3	0,0	0,0	0,0	0,8	0,6	1,0
Добыча полезных ископаемых	12,8	11,2	11,2	0,8	0,8	0,5	7,6	7,0	6,7
Обрабатывающие производства	18,5	17,3	17,1	17,1	16,0	16,3	24,0	21,4	20,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	3,8	3,8	3,6	3,9	4,0	3,6	4,1	4,0	3,7
Строительство	5,7	7,1	6,9	5,1	5,1	6,2	6,6	9,1	6,6
Оптовая и розничная торговля; ремонт	21,8	18,2	18,1	35,2	27,0	27,1	16,3	14,3	16,5
Гостиницы и рестораны	0,9	1,0	1,1	1,2	0,9	0,9	1,0	1,1	1,0
Транспорт и связь	10,6	10,4	9,4	8,7	10,5	8,5	14,1	11,5	12,0
Финансовая деятельность	1,1	0,6	0,5	2,6	1,0	0,9	0,4	0,5	0,3
Операции с недвижимым имуществом, аренды и предоставление услуг	9,0	11,9	12,7	13,1	17,6	18,8	8,2	13,0	13,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	2,9	5,6	5,2	2,5	5,6	5,3	3,6	5,7	5,1
Образование	2,8	3,1	3,1	2,2	2,8	2,7	3,4	3,3	3,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,1	4,0	4,1	2,4	3,7	3,6	4,3	4,9	5,2
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,5	1,4	1,5	2,3	2,1	1,9	1,8	1,5	1,8

Анализ показывает, что за период 2005–2012 гг. в экономике Российской Федерации снизили свой удельный вес в структуре ВРП следующие отрасли: сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства и торговля. При этом в ЦФО сохранилась доля сельского хозяйства в структуре добавленной стоимости, а в СЗФО она снизилась на 1,6 %. Существенно снизился в СЗФО и удельный вес обрабатывающих производств. К отраслям, доля которых в ВРП выросла, относятся, прежде всего, строительство, операции с недвижимым имуществом и государственное управление. Несколько увеличили свой удельный вес также образование и здравоохранение.

Таким образом, в качестве негативной тенденции структурных изменений в экономике следует отметить снижение удельного веса отраслей реального сектора экономики — сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых и обрабатывающих производств. В то же время решение актуальной задачи повышения уровня экономической безопасности связано с развитием, прежде всего, этих отраслей.

В течение второго периода (2012–2015 гг.) структурные изменения в основном связаны с ростом удельного веса сельского хозяйства. По Российской Федерации в целом это увеличение составило 1,0 %, по ЦФО — 0,8 % и СЗФО — 0,5 %. Рост доли отрасли обусловлен тем обстоятельством, что в данный период сельское хозяйство оказалось одной из немногих достаточно благополучных отраслей. За 2013–2015 гг. производство продукции отрасли выросло на 12,4 %. Позитивная динамика в отрасли продолжилась и в последующие годы. Кроме этого, сельское хозяйство и агропромышленный комплекс в целом вошли в число отраслей, добившихся реальных успехов в политике импортозамещения [75].

Рассмотрим далее динамику удельного веса сельского хозяйства и обрабатывающих производств в разрезе регионов ЦФО и СЗФО. В табл. 2 представлены доли отраслей в валовой добавленной стоимости за 2005, 2012 и 2015 годы. В течение первого периода (2005–2012 гг.) в целом по России произошло снижение удельного веса, как сельского хозяйства, так и обрабатывающих производств. При этом в разрезе регионов ситуация существенно

различается. Так в Белгородской области удельный вес сельского хозяйства существенно увеличился с 11,6 % до 17,3 %. При этом в Брянской области он снизился с 14,3 до 6,9 %. В Калужской области доля обрабатывающих производств в структуре добавленной стоимости увеличилась с 27,8 % до 40,2 %, а в Липецкой области снизилась с 55,4 % до 32,1 %.

Таблица 2

Динамика удельного веса отраслей реального сектора экономики (в текущих основных ценах; в процентах к итогу)

	Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство			Обрабатывающие производства		
	2005	2012	2015	2005	2012	2015
Российская Федерация из суммы субъектов	5,5	4,4	5,5	18,5	17,3	17,1
ЦФО	2,9	2,9	3,7	17,1	16,0	16,3
Белгородская область	11,6	17,3	20,8	23,1	18,1	18,5
Брянская область	14,3	6,9	15,4	21,7	19,3	18,3
Владимирская область	10,9	6,1	6,6	34,3	30,3	32,6
Воронежская область	10,5	13,8	15,3	20,0	13,8	14,5
Ивановская область	8,7	4,4	4,9	20,7	19,6	15,9
Калужская область	11,3	6,6	8,3	27,8	40,2	32,1
Костромская область	16,9	9,8	9,9	21,3	23,9	23,4
Курская область	15,1	15,2	18,9	11,9	16,7	19,0
Липецкая область	7,1	9,3	12,6	55,4	32,1	40,6
Московская область	4,4	2,0	2,0	25,2	17,8	17,9
Орловская область	14,4	14,5	19,9	23,7	16,7	16,4
Рязанская область	12,0	8,7	9,9	23,1	26,6	28,7
Смоленская область	11,4	6,6	6,4	22,3	21,9	22,4
Тамбовская область	15,5	17,3	25,8	14,9	13,1	12,6
Тверская область	8,3	5,5	6,6	22,0	21,1	18,0
Тульская область	8,8	5,6	6,8	36,6	34,1	39,9
Ярославская область	4,9	3,9	4,7	32,1	26,7	26,0
г. Москва	0,0	0,1	0,0	12,1	12,5	12,7
СЗФО	4,6	2,8	3,6	24,0	21,4	20,7
Республика Карелия	6,8	4,9	5,1	17,6	12,6	15,6
Республика Коми	2,9	1,8	1,9	11,7	10,7	11,4
Архангельская область	6,5	4,3	5,1	18,9	12,6	14,8
Вологодская область	7,5	3,9	4,5	46,6	36,1	39,0
Калининградская область	8,1	5,9	7,7	17,3	22,2	24,7
Ленинградская область	9,3	5,6	7,6	29,1	22,8	29,4
Мурманская область	8,8	8,0	10,6	25,5	13,3	11,3
Новгородская область	9,4	7,5	8,0	34,6	35,8	36,5
Псковская область	10,8	6,4	9,8	18,0	17,1	15,0
г. Санкт-Петербург	0,0	0,0	0,1	20,9	23,2	18,3

Группировка субъектов Федерации по показателю снижения (роста) удельного веса сельского хозяйства и обрабатывающих производств за период 2005–2012 гг. представлена в табл. 3. Если в регионе удельный вес отрасли изменился менее чем на один процент, то он отнесен к группе «сохранение».

Таблица 3

Группировка субъектов Федерации по показателю снижения (роста) удельного веса отраслей реального сектора (период 2005–2012 гг.)

		Обрабатывающие производства		
		рост	сохранение	снижение
Сельское хозяйство	рост			Белгородская Воронежская Липецкая Тамбовская
	сохранение	Курская Санкт-Петербург	г. Москва	Орловская Ярославская Мурманская
	снижение	Калужская Костромская Рязанская Калининградская Новгородская	Тверская Коми Псковская	Брянская Владимирская Ивановская Московская Смоленская Тульская Карелия Архангельская Вологодская Ленинградская

Единственным регионом, увеличившим удельный вес обрабатывающих производств и сохранившим долю сельского хозяйства, является Курская область. Увеличение доли обрабатывающих имело место также в Санкт-Петербурге. Пять регионов: Калужская, Костромская, Рязанская, Калининградская и Новгородская области, увеличили долю обрабатывающих производств при снижении доли сельского хозяйства. Четыре региона: Белгородская, Воронежская, Липецкая и Тамбовская области, увеличили долю сельского хозяйства при снижении доли обрабатывающих производств. Наиболее многочисленную группу образуют регионы, у которых произошло снижение удельного веса обеих отраслей реального сектора (табл. 3). Эти регионы следует рассматривать в качестве наиболее проблем-

ных с точки зрения обеспечения экономической безопасности в реальном секторе экономики.

Рассмотрим далее динамику удельного веса отраслей реального сектора за период 2012–2015 гг. (табл. 3). В целом по Российской Федерации доля сельского хозяйства увеличилась на 1,1 % и возвратилась к уровню 2005 года. Увеличение доли сельского хозяйства произошло также и в ЦФО, и в СЗФО. Ситуация с обрабатывающими производствами не является столь однозначной. В Российской Федерации в целом доля отрасли снизилась на 0,2 %. При этом в ЦФО она увеличилась на 0,3 %, а в СЗФО снизилась на 0,7 %.

Группировка субъектов Федерации по показателю снижения (роста) удельного веса сельского хозяйства и обрабатывающих производств за период 2012–2015 годы представлена в табл. 4.

Таблица 4

Группировка субъектов Федерации по показателю снижения (роста) удельного веса отраслей реального сектора (период 2012–2015 гг.)

		Обрабатывающие производства		
		рост	сохранение	снижение
Сельское хозяйство	рост	Белгородская Курская Липецкая Рязанская Тульская Калининградская Ленинградская	Брянская Воронежская Орловская Тамбовская	Калужская Тверская Псковская Мурманская
	сохранение	Владимирская Карелия Архангельская Вологодская	Костромская Московская Смоленская Ярославская г. Москва Коми Новгородская	Ивановская Санкт-Петербург
	снижение			

Анализ показывает существенной увеличение удельного веса отраслей реального сектора экономики у большей части регионов ЦФО и СЗФО. Семь регионов: Белгородская, Курская, Липецкая, Рязанская, Тульская, Калининградская и Ленинградская области, увеличили удельный вес как сельского хозяйства,

так и обрабатывающих производств. Восемь регионов увеличили долю одной из отраслей реального сектора при сохранении доли другой. Проблемные, с точки зрения экономической безопасности реального сектора экономики, регионы следует разделить на две группы. К первой группе следует отнести Ивановскую область и Санкт-Петербург. В Ивановской области при незначительном росте удельного веса сельского хозяйства с 4,4 % до 4,9 %, доля обрабатывающих производств снизилась с 19,6 % до 15,9 %. Существенное снижение доли данной отрасли имело место и в Санкт-Петербурге.

Вторую группу составляют регионы, у которых произошло снижение удельного веса обрабатывающих производств. В нее вошли Калужская, Тверская, Псковская и Мурманская области. При этом надо отметить, что у этих регионов доля сельского хозяйства увеличилась. При всей важности данной отрасли с точки зрения обеспечения национальной безопасности, обрабатывающие производства обеспечивают большую занятость и имеют существенно больший удельный вес в экономике этих регионов. Так в ЦФО доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре добавленной стоимости в 2015 году составила 16,3 %. При этом доля отрасли «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» лишь 3,7 %. При этом в ряде регионов доля обрабатывающих производств существенно выше показателя федерального округа: Владимирская область — 32,6 %, Калужская область — 32,1 %, Липецкая область — 40,6 %, . Подобная ситуация характерна и для регионов СЗФО. В целом по федеральному округу доля обрабатывающих производств в отраслевой структуре добавленной стоимости составляет 20,7 %. При этом в Вологодской области показатель равен 39,0 %. Таким образом, развитие обрабатывающих производств является важной составляющей экономической безопасности большинства регионов Российской Федерации.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что на первом этапе (2005–2012 гг.) региональном уровне имела место тенденция снижения удельного веса отраслей реального сектора экономики, которая оказывает негативное влияние на состояние экономической безопасности. Данная ситуация актуализирует вопрос анализа факторов негативной динамики этих отраслей и обоснования направлений их развития.

В качестве основного фактора, на наш взгляд, следует рассматривать высокий уровень производственной зависимости экономики России от импорта. В условиях достаточно стабильного официального курса рубля, имевших место вплоть до 2013 года, и его реального укрепления, обусловленного инфляционными процессами в экономике Российской Федерации, российские предприятия увеличивали долю импорта в расходах на сырье, материалы, покупные полуфабрикаты и комплектующие изделия для производства и продажи продукции (табл. 5). Так в машиностроении эта доля увеличилась с 13,4 % в 2006 году до 36,5 % в 2013 году [56].

Таблица 5

Официальные курсы иностранных валют по отношению к российскому рублю (на конец года; рублей за единицу национальной валюты)

Наименование иностранной валюты	2010	2011	2012	2013	2014
евро	40,33	41,67	40,23	44,97	68,34
доллар США	30,48	32,20	30,37	32,73	56,26

Россия в цифрах. 2015: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2015. 543 с.

Увеличение импорта часто происходило в ущерб развитию кооперативных связей с российскими поставщиками. Так проведенный анализ взаимосвязи темпов роста добывающих и обрабатывающих отраслей показывает, что коэффициент корреляции между ними равен 0,11. Данная ситуация свидетельствует об отсутствии необходимого уровня взаимодействия добывающих и обрабатывающих производств, что может быть обусловлено низким уровнем использования местного сырья региональными предприятиями обрабатывающей промышленности. Таким образом, сформировавшаяся в условиях завышенного курса рубля тенденция развития российского машиностроения, ориентированная на сборочные производства с низким уровнем локализации, обусловила высокий уровень его зависимости от иностранных материалов и комплектующих и неспособность использовать преимущества резкого ослабления рубля.

Второй фактор низкой устойчивости российской промышленности и экономике в целом связан с высоким уровнем

зависимости от зарубежных технологий. Данная ситуация является следствием структурных проблем обрабатывающей промышленности Российской Федерации (табл. 6). Основной является сравнительно низкий удельный вес наиболее высокотехнологичной подотрасли промышленности — производство машин и оборудования. По данному показателю Россия отстает не только от Германии, но и от Норвегии и Польши.

Таблица 6

Структура обрабатывающих производств

Страна	Год	Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	Текстильное и швейное производство, производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	Обработка древесины и производство изделий из дерева, целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность	Производство кокса и нефтепродуктов	Химическое производство, производство резиновых и пластмассовых изделий	Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	Производство машин и оборудования
Россия	2013	15,7	1,1	4,2	23,3	9,5	4,5	14,6	22,4
Германия	2009	11,7	1,3	5,3	5,9	14,1	2,7	11,9	41,4
Латвия	2007	23,6 ⁹⁾	4,8	28,2	...	6,2	6,6	12,3	11,2
Норвегия	2007	19,5	1,1	12,3	0,6	9,4	3,6	17,3	33,7
Польша	2009	21,7	2,2	6,6	7,9	12,3	3,8	10,0	25,3
Великобритания	2008	18,1	1,8	6,4	8,5	16,8	2,9	10,7	27,3

Россия и мира. 2014.: Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 382 с.

Кроме сравнительно небольшого удельного веса отрасли производство машин и оборудования в структуре обрабатывающих производств отечественное машиностроение характеризуется также низким уровнем инновационной активности. Так в 2013 году удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации в отрасли «производство машин и оборудования» составлял лишь 14,9 %, что в разы меньше, чем у зарубежных конкурентов.

Второй этап (2012–2015 гг.) характеризуется некоторой стабилизацией доли отраслей реального сектора экономики (табл. 2). К числу позитивных тенденций развития сельского хозяйства следует отнести увеличение удельного веса отрасли в валовой структуре добавленной стоимости, а также позитивная

динамика объемов производства. За период 2013–2016 гг. индексы производства продукции сельского хозяйства по Российской Федерации в целом составил 117,7 % (табл. 7). В СЗФО самые высокие темпы развития отрасли показала Псковская область. За анализируемый период объемы производства в отрасли практически удвоились.

Таблица 7

Индексы производства продукции сельского хозяйства
(в процентах)

Регион	2013–2016	Регион	2013–2016
Российская Федерация	117,7	Калининградская область	121,6
СЗФО	110,7	Ленинградская область	104,5
Республика Карелия	1,6	Мурманская область	40,5
Республика Коми	99,7	Новгородская область	121,6
Архангельская область	80,6	Псковская область	191,7
Вологодская область	101,9		

В то же время развитие сельского хозяйства сдерживается рядом неблагоприятных факторов. В качестве основного следует выделить низкий уровень инвестиционной активности в отрасли. Так индекс физического объема инвестиций в основной капитал по виду деятельности сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство за период 2014–2016 гг. составил лишь 87,8 %.

Ряд негативных факторов развития агропромышленного комплекса представлен в работе [33]:

- недостаточное использование новых технологий;
- длительный инвестиционный цикл;
- низкие финансовые результаты и недостаток собственных финансовых ресурсов обуславливают высокий уровень зависимости от государственных субсидии;
- высокая стоимость кредитных ресурсов и их недоступность для большинства предприятий агропромышленного сектора.

Рассмотрим далее развитие обрабатывающей промышленности на втором этапе. В целом по Российской Федерации произошло некоторое снижение удельного веса отрасли в валовой структуре добавленной стоимости с 17,3 % до 17,1 % (табл. 2). При этом большая часть регионов ЦФО и СЗФО сумели увеличить или сохранить долю отрасли в экономике. Объемы промышленного про-

изводства в отрасли в целом по Российской Федерации имеют негативную тенденцию. За период 2014–2016 гг. снижение составило 2,9 %. При этом в ЦФО показатель вырос на 4,4 %, а в СЗФО снизился на 7,1 %, что в первую очередь обусловлено негативной динамикой отрасли в Санкт-Петербурге, ведущем промышленном центре СЗФО. Негативную динамику имеют и инвестиции в основной капитал в обрабатывающей промышленности. Так за период 2014–2016 гг. инвестиции упали на 16,1 %.

В работе [41] в качестве негативных факторов развития отрасли авторы отмечают ограниченностью финансовых ресурсов и как следствие низкий уровень показателя обновления основных фондов. Кроме этого к числу проблем отрасли в работе отнесены недостаток конкурентоспособных производственных мощностей.

В результате проведенного анализа нами выявлен ряд угроз экономической безопасности в отраслях реального сектора экономики регионов [129]:

- снижение удельного веса отраслей реального сектора экономики — промышленности и сельского хозяйства;
- негативная динамика ведущей отрасли специализации — обрабатывающей промышленности;
- неспособность отечественной обрабатывающей промышленности использовать возможности резкого ослабления курса рубля, обусловленная высоким уровнем ее зависимости от импорта материалов и комплектующих;
- низкий уровень взаимодействия обрабатывающих и добывающих отраслей промышленности.

В этих условиях в качестве главного направления повышения экономической безопасности региона следует рассматривать повышения эффективности региональной промышленной политики [153]. В рамках этой политики в качестве одного из направлений улучшения динамики развития обрабатывающей промышленности необходимо рассматривать увеличение глубины переработки сырья, развитие кооперативных связей предприятий добывающих и обрабатывающих отраслей.

В условиях плановой экономики комплексное использование местных ресурсов достигалось в рамках создания территориально-производственных комплексов (ТПК). Это группа

территориально сконцентрированных предприятий, технологически связанных процессом переработки сырья и энергии. Данное понятие достаточно сходно с определением кластера, но в отличие от кластера в ТПК обязательны технологическая связь между предприятиями и их вертикальная интеграция от добычи сырья до его полной переработки.

В современных условиях перспективным направлением развития промышленности является формирование кластеров, как эффективной формы взаимодействия производителей готовой продукции с поставщиками сырья, комплектующих, а также специализированных производственных услуг. Следует отметить, что в региональных программных документах вопросам формирования кластеров, обеспечивающих комплексное использование территориальных ресурсов, уделяется большое внимание. Так в программных документах Новгородской области отмечается что, опираясь на собственные сырьевые ресурсы, область способна сформировать два полноценных кластера полного цикла: лесопромышленный и льняной, где на каждой технологической операции имеется возможность сформировать добавленную стоимость. В Псковской области перспективным является формирование высокотехнологичного кластера, включающего в себя добычу, переработку, систему транспортировки и хранения, потребления местных видов топлива, а также производство оборудования [130]. Таким образом, повышение эффективности промышленной политики является важнейшим направлением обеспечения устойчивости и экономической безопасности регионов.

2.2. Обеспечение экономической безопасности в инвестиционно-инновационной сфере региональной экономики

При определении видов региональной экономической безопасности большинство авторов в качестве приоритетного выделяют инвестиционную безопасность. Обусловлено это тем обстоятельством, что инвестиции являются главным фактором как роста региональной экономики, так и ее устойчивости.

Устойчивость различных моделей региональной экономики в период кризиса 2014–2016 гг. исследована в работе [131]. Проведенный авторами анализ показал, что в научной литературе основное внимание уделяется инвестиционной, инновационной и кластерной стратегиям развития экономики региона. В региональных плановых документах этим стратегиям также уделяется приоритетное внимание. Комплексный статистический анализ позволил выполнить группировку регионов, использующих данные стратегии. В ЦФО и СЗФО наибольшее распространение получила инвестиционная и инвестиционно-инновационная стратегии развития. Анализ показал различную устойчивость стратегий, сложившихся в регионах в предкризисный период, к внешним шокам. Наибольшую устойчивость показала инвестиционно-инновационная стратегия развития экономики региона. Таким образом, инвестиционная и инновационная активность являются ведущими факторами экономической безопасности региона.

В рассмотренных публикациях подчеркивается роль инновационной модели развития промышленного комплекса в качестве фактора устойчивого развития экономики региона. При этом рост промышленного производства на существующей технологической базе вряд ли следует рассматривать в качестве фактора повышения уровня устойчивости и, соответственно, безопасности экономики региона. В работе [135] выполнен анализ влияния уровня развития обрабатывающих производств на устойчивость экономики регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов в период кризиса 2014–2016 гг.. Уровень развития обрабатывающих производств оценивался показателем удельного веса обрабатывающих производств в структуре экономики, а устойчивость оценивалась по показателям инвестиций и доходов населения. Корреляционный анализ не позволил выявить явной взаимосвязи между показателями. Данную ситуацию можно объяснить низкой конкурентоспособностью отечественной обрабатывающей промышленности. В этих условиях сложно рассчитывать на роль данной отрасли в качестве основного драйвера выхода экономики из кризиса в среднесрочной перспективе и фактора устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Повышение роли обрабатывающей

промышленности в экономике страны и ее регионов требует длительных усилий по привлечению масштабных инвестиций в модернизацию промышленного комплекса на современной технологической основе.

В этих условиях особую значимость приобретает проблема обеспечения инвестиционной безопасности. Таким образом, инвестиционная безопасность является важнейшим видом экономической безопасности, и ее уровень определяется степенью обеспечения воспроизводственных процессов как в экономике в целом, так и в отраслевом и территориальном разрезе. В связи с этим для оценки состояния инвестиционной безопасности целесообразно использовать показатели, характеризующие воспроизводство основных фондов в экономике.

В качестве основного показателя целесообразно использовать «удельный вес валового накопления основного капитала в ВВП». Так, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» определена необходимость увеличения объема инвестиций, не менее чем до 25% ВВП к 2015 году и до 27 % — к 2018 году.

Большое внимание данному виду безопасности уделяется и в научной литературе. Основной акцент делается на роли инвестиций в обеспечении воспроизводственных процессов в экономике. При этом выделяются различные аспекты этого процесса. Так, по мнению С. Нарышкина, политика инвестиционной безопасности должна обеспечить не только необходимый для устойчивого развития объем инвестиций, но и оптимизацию отраслевой и территориальной структуры инвестиций [127]. В работе М. А. Николаева воспроизводственные процессы рассматриваются с позиции создания материальных предпосылок для повышения качества жизни населения, а также обеспечения структурных изменений в экономике, способствующих повышению ее конкурентоспособности [134]. Воспроизводственный аспект инвестиционной безопасности акцентируется также в работе Г. С. Вечканова [66].

В работе [135] сформулированы следующие направления обеспечения инвестиционной безопасности:

- обеспечение воспроизводственных процессов в экономике в целом;
- оптимизация отраслевой структуры инвестиций;
- оптимизация территориальной структуры инвестиций;
- обеспечение инновационной составляющей инвестиционного процесса;
- создание предпосылок для повышения качества жизни населения.

Таким образом, можно выделить следующие составляющие инвестиционной безопасности: воспроизводственную, отраслевую, инновационную, качества жизни и региональную (территориальную). Для оценки уровня инвестиционной безопасности в разрезе этих составляющих необходимо определить соответствующие индикаторы и их пороговые значения.

Для оценки воспроизводственной составляющей инвестиционной безопасности целесообразно использовать следующие показатели: удельный вес валового накопления основного капитала в ВВП (ВРП) и степень износа основных фондов. Представленные показатели являются взаимодополняющими. Так, если первый характеризует инвестиционные затраты, то второй — результаты инвестиционной деятельности.

Для характеристики отраслевой составляющей инвестиционной безопасности могут быть использованы показатели структуры инвестиций в основной капитал и степени износа основных фондов в отраслевом разрезе. Аналогичный подход целесообразно использовать и для оценки территориальной составляющей инвестиционной безопасности. В качестве территориальных единиц могут быть использованы федеральные округа и субъекты Федерации. Для оценки составляющей качества жизни могут быть использованы показатели таких отраслей экономики, как образование и здравоохранение. Для оценки инновационной составляющей инвестиционной безопасности целесообразно использовать показатели высокотехнологичных отраслей промышленности.

При анализе состояния экономической безопасности важной проблемой является формирование пороговых значений по-

казателей [95]. В частности, в статье Л. И. Абалкина предлагается следующий принцип определения индикаторов: «если тот или иной индикатор (показатель) приближается к своему пороговому значению, то возникает угроза экономической безопасности; если же он переходит через пороговое значение, то это уже не просто угроза, а реальный ущерб» [45].

Мы предлагаем определять пороговые значения затратных показателей, исходя из принципа обеспечения позитивной динамики результирующих показателей. Рассмотрим использование данного принципа для оценки инвестиционной безопасности с точки зрения обеспечения воспроизводственных процессов в экономике в целом (табл. 8).

Таблица 8

Динамика показателей валового накопления
и степени износа основных фондов

Год	Валовое накопление, в процентах к ВВП	Степень износа основных фондов, процентов
2002	20,0	44,0
2004	20,9	45,3
2006	21,4	46,3
2008	26,0	45,3
2010	22,5	47,1
2012	22,9	47,7
2014	21,0	49,4
2015	20,1	50,5

Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. 543 с.

В качестве затратного показателя здесь представлена доля валового накопления в процентах к ВВП, а в качестве результирующего — степень износа основных фондов в процентах. Анализ показывает, что в период 2002–2006 гг. преобладала негативная тенденция результирующего показателя. Однако при увеличении показателя валового накопления до 26 % в 2008 году негативную тенденцию удалось преодолеть, и степень износа несколько снизилась. При этом в последующие годы в связи со снижением инвестиционной активности деградация основного капитала возобновилась. Таким образом, показатель валового накопления основного капитала на уровне 26 % следует рассматривать в качестве порогового для оценки воспроизводственной

составляющей инвестиционной безопасности. Данная норма накопления является минимальной. Кроме этого в экономической литературе выделяют оптимальную и сверхоптимальную норму накопления: «При минимальной норме — сохраняется достигнутый уровень фондовооруженности. Оптимальная норма накопления должна обеспечивать сбалансированный рост национальной экономики и устойчивый рост потребления. Сверхоптимальная норма накопления используется в некоторых странах в отдельные периоды с целью ускоренной индустриализации» [115].

Рассмотренный принцип обеспечения позитивной динамики результирующих показателей может быть представлен и для анализа состояния других составляющих инвестиционной безопасности: отраслевой, территориальной, инновационной и качества жизни.

Рассмотрим состояние инвестиционной безопасности в отраслевом разрезе (табл. 9). В таблице представлена динамика показателей степени износа основных фондов и удельного веса отрасли в структуре инвестиций в основной капитал. Отрасль «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» имела наибольший удельный вес в структуре инвестиций в 2007 и 2008 годах. В результате, произошло улучшение состояния основных фондов. Однако последующее снижение инвестиционной активности в отрасли обусловило возобновление тенденции деградации основного капитала. Таким образом, для данной отрасли в качестве порогового значения следует рассматривать долю инвестиций на уровне примерно 5 %. При анализе динамики показателей износа и инвестиций следует учитывать также значение показателя «валовое накопление в процентах к ВВП» (табл. 8). Для отраслей «добыча полезных ископаемых» и «обрабатывающие производства» доля инвестиций на уровне примерно 14 % в 2007 и 2008 годах позволила несколько стабилизировать степень износа основных фондов. При этом увеличение доли этих отраслей в последующие годы в условиях снижения показателя валового накопления до уровня 20 % привело к росту показателей износа. Таким образом, для добывающей и обрабатывающей промышленности в качестве пороговых значений могут быть приняты инвестиции в основной капитал на уровне 14 % к итогу при показателе валового накопления 26 % ВВП.

Таблица 9

Динамика показателей воспроизводства основных фондов

	2005	2007	2008	2010	2012	2014	2015
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство							
Износ основных фондов, %	46,3	46,2	42,2	42,1	43,2	43,5	44,4
Инвестиции в основную капитал (% к итогу)	3,9	5,0	4,6	3,3	3,8	3,7	3,7
добыча полезных ископаемых							
Износ основных фондов, %	54,8	53,3	50,9	51,1	51,2	55,8	56,3
Инвестиции в основную капитал (% к итогу)	13,9	13,8	13,4	13,8	14,8	15,4	18,5
обрабатывающие производства							
Износ основных фондов, %	47,8	47,1	45,6	46,1	46,8	46,9	48,0
Инвестиции в основную капитал (% к итогу)	16,4	14,7	14,0	13,2	13,4	15,0	15,7
производство и распределение электроэнергии, газа и воды							
Износ основных фондов, %	55,6	52,2	51,2	50,5	47,8	47,3	48,7
Инвестиции в основную капитал (\$ к итогу)	6,8	6,9	7,0	9,0	9,3	8,5	6,8

Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. 543 с.

Рассмотрим далее динамику показателей в инфраструктурной отрасли — «производство и распределение электроэнергии, газа и воды». Здесь так же, как и в ранее рассмотренных отраслях, достаточно высокое значение показателя валового накопления в 2007–2008 гг. обеспечило переход к положительной динамике степени износа основных фондов. При этом в последующие годы данная тенденция сохранилась за счет существенного увеличения доли отрасли в структуре инвестиций. Таким образом, для отрасли «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» в качестве пороговых значений могут быть приняты инвестиции в основной капитал на уровне 7 % к итогу при показателе валового накопления 26 % ВВП.

Рассмотрим далее инновационную составляющую инвестиционной безопасности. В качестве показателя инновационной активности будем рассматривать «доля организаций, осуществлявших технологические инновации». Данный показатель определен в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года в качестве одного из показателей состояния экономической безопасности. В разрезе отраслей экономики значение показателя в 2014 году составило: «добыча полезных ископаемых» — 6,5 %; «обрабатывающие производства» — 12,2 %; «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» — 4,5 %; «связь» — 10,7 % [193]. Среди отраслей обрабатывающей промышленности наибольшее значение показателя имеют: «производство кокса и нефтепродуктов» — 21,6 %; «химическое производство» — 23,3 %; «производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» — 26,5 %. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 08.12.2011 г.) в качестве целевого значения индикатора определено на уровне 15 % в 2016 году и 25 % в 2020 году. Таким образом, при общем невысоком уровне инновационной активности лучший результат имеет обрабатывающая промышленность. В связи с этим инновационный аспект инвестиционной безопасности может быть сведен к рассмотренному выше анализу обрабатывающей промышленности.

Для оценки составляющей качества жизни рассмотрим показатели образования и здравоохранения (табл. 10). Для анализируемых отраслей социальной сферы наибольший объем инвестиций также характерен для периода 2007–2008 гг.. Однако в отличие от отраслей промышленности эти инвестиции не смогли обеспечить стабилизацию износа основных фондов. При анализе динамики инвестиций в образование необходимо учитывать, что доля инвестиций в образование в первой половине 2000-х годов возрастала с 1,3 % в 2000 году до 1,9 % в 2005 году. В результате, как видно из данных табл. 3, удалось стабилизировать процесс деградации основных фондов. Таким образом, долю инвестиций в образование в районе 1,8 % можно рассматривать в качестве порогового значения.

Со здравоохранением ситуация несколько иная. Удельный вес инвестиций в отрасль в период 2000–2008 гг. составлял примерно 2,5 %. После кризиса 2009 года доля инвестиций в отрасль стала уменьшаться, и в 2012 году статистика зафиксировала значение показателя на уровне 2,0 %. Процесс деградации основных фондов в здравоохранении возобновился, в связи с резким снижением инвестиций, начиная с 2014 года. Таким образом, в качестве порогового значения доли инвестиций в здравоохранение следует ориентироваться примерно на 2,5 %.

Таблица 10

Динамика показателей воспроизводства основных фондов

	2005	2007	2008	2010	2012	2014	2015
образование							
Степень износа основных фондов	37,0	43,8	51,0	53,2	54,3	52,5	53,0
Инвестиции в основной капитал (в процентах к итогу)	1,9	2,2	1,9	1,8	1,7	1,7	1,6
здравоохранение и предоставление социальных услуг							
Степень износа основных фондов	45,2	47,8	50,6	53,3	52,7	55,2	57,4
Инвестиции в основной капитал (в процентах к итогу)	2,6	2,5	2,4	2,1	2,0	1,4	1,3

Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. 543 с.

При анализе инвестиционной активности на отраслевом уровне необходимо принимать во внимание также динамику ВВП. Как уже выше отмечалось, в период 2000–2008 гг. средний темп прироста ВВП составлял 6,9 %. При этом темп прироста инвестиций в Российской Федерации в среднем составил 12,3 % в год [128]. Однако даже в этих сравнительно благополучных экономических условиях продолжалась деградация основных фондов в отраслях социальной сферы. Главной причиной данной ситуации является общее недостаточное финансирование этих отраслей. Так, в сравнительно благополучном 2013 году доля государственных расходов на образование в России составляла 4,4 % ВВП. У партнеров Российской Федерации по БРИКС Бразилии и Китая эти расходы составляли 5,3 % и 4,3 %. Расходы Российской Федерации на здравоохранение составили 3,5 %, у Бразилии — 4,9, Китая — 5,6 % [58].

На заключительном этапе рассмотрим региональную составляющую инвестиционной безопасности. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года в качестве угрозы экономической безопасности определена «неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития». Следует отметить, что негативному влиянию фактора территориальной дифференциации на все сферы жизнедеятельности общества уделяется большое внимание как в научной литературе, так и в нормативных документах. Ученые и политики сходятся во мнении, что в качестве важнейшего направления модернизации Российской экономики следует рассматривать обеспечение сбалансированного пространственного развития. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года в качестве целей региональной политики определены «обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни».

Для анализа регионального аспекта инвестиционной безопасности необходимо рассмотреть различные подходы к определению содержательных характеристик региона. В частности, в работе [79] представлены административно-территориальный, экономико-географический и воспроизводственный подходы. «Воспроизводственный подход нацелен на рассмотрение региона как первичного звена территориальной формы общественного производства, в границах которого происходит согласование конкретных территориальных и отраслевых форм хозяйственной деятельности, сохраняется целостность воспроизводственного процесса» [79].

Современные модели региона представлены в работах [130, 182]. Наибольшее распространение получили четыре модели региона: регион — квазигосударство, регион — квазикорпорация, регион — рынок, регион — социум. При рассмотрении региона в качестве квазигосударства важным аспектом является завершенность цикла воспроизводства во всех сферах жизнедеятельности. Таким образом, региональный аспект инвестиционной безопасности связан с обеспечением воспроизводственных процессов в рамках определенной территории. В большинстве случаев в качестве территории рассматриваются или федеральный округ или субъект Федерации.

В работе [142] выполнен анализ уровня дифференциации регионов Северо-Западного федерального округа на основе следующих показателей: ВРП, инвестиции в основной капитал, среднедушевые доходы населения. Для анализа «экономического» неравенства использовались показатели ВРП и инвестиции на душу населения, а «социального» — среднедушевые доходы. Изменение неоднородности показателей в различных регионах страны оценивалось с помощью коэффициента вариации. Автор делает вывод, что «экономическое» и «социальное» неравенство территорий сильно различаются. Представленный автором анализ показал, что на этапе подъема экономики имела место тенденция увеличения различий показателя ВРП. Так, если в 2001 году коэффициент вариации ВРП на душу населения составлял 28,2 %, то к 2011 году он увеличился до 31,2 %. При этом ситуация со среднедушевыми доходами развивалась в противоположном направлении. Коэффициент вариации за аналогичный период

снизился с 32,8 до 21,4 %. Таким образом, результаты анализа, свидетельствуют о росте дифференциации экономических показателей регионов Северо-Западного федерального округа при некотором сглаживании социальных. Особенно проблемной является ситуация в инвестиционной сфере. Достаточно высокое значение коэффициента вариации показателя инвестиции на душу населения в 2001 году (43,8) увеличилось в 2011 году до 58,5.

Выполним анализ распределения инвестиций из всех источников, а также бюджетных инвестиций на уровне федеральных округов. В 2005 и в 2015 году максимальные инвестиции на душу населения имел Уральский ФО (48769 руб.), а минимальные — Северо-Кавказский (10351 руб.). Что касается бюджетных инвестиций, то максимальное значение имел Дальневосточный ФО (4731 руб.), а минимальное — Сибирский ФО (1224 руб.). При этом Северо-Кавказский ФО наряду с Центральным входил в число лидеров по среднедушевым бюджетным инвестициям. В 2015 году ситуация существенно не изменилась. По общему объему инвестиций лидером остался УФО (204531 руб.), а аутсайдером — С-КФО (52439 руб.). По бюджетным инвестициям лидерство сохранил ДФО (16912 руб.), а на последнем месте оказался ПФО (4404 руб.). Следует также отметить некоторое снижение различий показателей. Так, коэффициент вариации инвестиций на душу населения федеральных округов снизился с 49,8 % в 2005 году до 45,9 % в 2015. Для среднедушевых бюджетных инвестиций коэффициент вариации снизился с 42,4 % до 39,8 %. Таким образом, на уровне федеральных округов за период 2005–2015 гг. произошло некоторое снижение дифференциации показателей среднедушевых инвестиций.

Рассмотрим далее воспроизводственные процессы на макрорегиональном уровне. Для их оценки целесообразно использовать следующие показатели: удельный вес валового накопления основного капитала в ВРП и степень износа основных фондов (табл. 11).

Таблица 11

Динамика валового накопления основного капитала и степени износа основных фондов (валовое накопление/степень износа)

	2010	2012	2014
Центральный ФО	17,7/38,1	18,4/39,0	18,5/41,1
Южный ФО	39,7/42,0	40,1/42,6	34,9/40,0
Уральский ФО	30,5/57,1	29,7/57,5	30,4/60,4

Показатель доли накопления основного капитала в ВРП имеет существенные различия в разрезе федеральных округов. Так, в ЦФО за анализируемый период он не достигал и 19 %. При этом в Южном ФО в отдельные годы валовое накопление превышало 40 %, что во многом обусловлено масштабными бюджетными расходами на завершающем периоде подготовки к Олимпиаде в Сочи. При таком резком различии затратных показателей, динамика степени износа основных фондов федеральных округов во многом схожа. Данная ситуация обусловлена как существенным различием валового регионального продукта этих федеральных округов, так и достигнутым уровнем развития инженерной и социальной инфраструктуры. Анализ нормы накопления на страновом уровне представлен в работе [46]. Автор отмечает, что развитым странам для обеспечения средних темпов роста экономики и поддержания в хорошем состоянии основных фондов достаточно нормы накопления примерно на уровне 20 % ВВП. У развивающихся стран эта норма должна быть существенно выше.

Пороговое значение показателя доли валового накопления зависит также и от отраслевой специализации региона (макрорегиона). Так, самые высокие показатели износа основных фондов имеет Уральский ФО. При этом макрорегион имеет достаточно высокие показатели доли валового накопления — около 30 % (табл. 11). Обусловлена данная ситуация специализацией макрорегиона на капиталоемких отраслях тяжелой промышленности.

Рассмотрим далее воспроизводственные процессы на уровне субъектов Федерации Северо-Западного ФО (табл. 12). Динамика показателей валового накопления и износа основных фондов во многом повторяет процессы на макрорегиональном

уровне. Так, Санкт-Петербург при невысоких показателях доли валового накопления имеет относительно неплохое состояние основных фондов. При этом республике Коми для стабилизации состояния основных фондов надо иметь показатель валового накопления основного капитала, превышающий 40 % ВРП. Для Псковской области в силу меньшей капиталоемкости отраслей специализации и более высокого уровня развития инфраструктуры валовое накопление в объеме около 30 % ВРП обеспечило воспроизводственные процессы в экономике.

Таблица 12

Динамика валового накопления основного капитала и степени износа основных фондов (валовое накопление/степень износа)

	2010	2012	2014
Республика Коми	33,2/54,6	50,7/44,2	43,1/45,1
Псковская область	20,2/41,0	31,8/39,9	24,4/43,0
г. Санкт-Петербург	25,0/40,0	17,9/39,2	19,9/37,5

Таким образом, пороговые значения валового накопления на региональном уровне определяются специализацией региона, а также уровнем развития инфраструктуры.

Негативная динамика уровня инвестиционной безопасности во многом обусловлено проблемами финансовой сферы региональной экономики. Иными словами, инвестиционная безопасность имеет тесную связь с финансовой безопасностью. Сущность и роль финансовой безопасности в системе национальной безопасности представлена в работе [85]: «финансовая безопасность государства — состояние национальной финансовой системы, характеризующееся высоким уровнем развития, устойчивостью и конкурентоспособностью, обеспечивающим необходимую основу для осуществления эффективной финансовой политики в целях обеспечения национальной безопасности». В качестве угрозы финансовой безопасности автор рассматривает недостаточный уровень взаимодействия финансового и реального сектора экономики. Таким образом, финансовая безопасность определяется уровнем ее развития и устойчивости. Подобный подход представлен также в работе [178]. Автор определяет финансовую безопасность как способность финан-

совой системы сохранять стабильность при негативном воздействии внутренних и внешних факторов. В состав финансовой безопасности государства в цитируемой работе включены: бюджетная, налоговая, долговая, безопасность банковской системы, валютная, денежно-кредитная, инвестиционная, безопасность фондового и страхового рынка. В качестве угроз финансовой безопасности в работе определены: неэффективность налоговой системы, уклонение от налогов, несовершенство бюджетной политики, нецелевое использование бюджетных средств. При проецировании представленных видов финансовой безопасности на региональный уровень в рамках концепции «регион-квазигосударство» следует выделить следующие основные виды региональной финансовой безопасности: бюджетная, налоговая и долговая. Инвестиционную безопасность вряд ли стоит включать в состав финансовой безопасности. Эти два вида безопасности имеют тесную связь. В то же время инвестиционная безопасность во многом определяется инвестиционным климатом региона, который определяется совокупностью факторов, в число которых входит и уровень развития финансовой системы. Представленные выше угрозы финансовой безопасности актуальны и для регионального уровня. При этом на региональном уровне можно выделить и ряд дополнительных угроз:

- концентрация финансовых ресурсов на федеральном уровне, сопровождаемая «перекладыванием» социальных обязательств на региональный уровень, существенно ограничивает инвестиционные возможности региональных бюджетов;

- необходимость финансирования социальных расходов обуславливает рост бюджетного дефицита, который финансируется в основном за счет кредитов банков;

- низкая рентабельность отраслей обрабатывающей промышленности не позволяет сформировать необходимые для развития собственные финансовые ресурсы;

- высокий уровень «закредитованности» российских предприятий в условиях высоких процентных ставок существенно ограничивает их доступ к банковским кредитам в качестве источника финансирования инвестиционной деятельности.

ГЛАВА 3. СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ РЕГИОНА

3.1. Теоретические подходы к категориям

«финансовая система региона»

и «финансовая безопасность региона»

Состояние финансовой системы является важнейшей составляющей экономического здоровья страны, от которого зависят возможности проводить независимую экономическую политику в соответствии с государственными приоритетами и национальными интересами. Внушительное количество исследований доказывают, что экономики с более развитыми финансовыми системами в долгосрочной перспективе растут быстрее, эту зависимость исследуют как зарубежные, так и российские ученые [31, 32, 35]. Финансовое развитие способствует решению важнейшей социально-экономической проблемы — бедности населения через совершенствование механизмов распределения доходов [34].

Финансовая система обеспечивает функционирование экономики как на макро-, мезо-, так и на микроуровнях.

Анализ структуры и функций финансовой системы, механизмов, инструментов и внутренних взаимосвязей является необходимым этапом в комплексном подходе к изучению категории финансовой безопасности (financial security). На региональном уровне проблематика характеризуется высокой степенью дифференциации российских территорий в различных областях (ресурсная, финансовая, производственная, экспортная, географическая, экологическая, демографическая и др.). Дестабилизация финансовой системы превращает ее в источник продуцирования угроз для социально-экономической сферы и лишает ее свойств стимулирования экономического роста.

Неоднородность развития экономического пространства регионов Российской Федерации имеет тенденцию к усилению, по оценкам экспертов [186], потери экономики от неэффективной территориальной организации экономики составляют около 3 % ВВП. Проводимый анализ регионов России по уровню эко-

номической безопасности позволяет констатировать значительные различия субъектов Российской Федерации в социально-экономической сфере. Задача последовательного преодоления экономической дифференциации регионов была прописана в проекте Федерального закона «Об основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации». Законопроект успешно прошел первое и второе чтения в ГД Российской Федерации еще в 2000–2002 гг., но так и не был принят. Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации [7] одним из способов решения проблемы по эффективному освоению и использованию пространства (большой вызов) является преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии территории страны.

Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» к результатам реализации государственной политики регионального развития отнесены:

- сокращение различий в уровне и качестве жизни граждан Российской Федерации, проживающих в различных регионах, а также в городах и сельской местности;
- сокращение различий в уровне социально-экономического развития регионов;
- достижение необходимого уровня инфраструктурной обеспеченности всех населенных территорий Российской Федерации;
- дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций, как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках;
- повышение уровня удовлетворенности населения деятельностью органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Комплексное решение поставленных задач регионального развития создаст дополнительные условия для достижения безопасности в экономической сфере регионов.

В данном исследовании «регион» будет рассматриваться как публично-правовое образование, имеющее органы управления, единую территорию, относительно обособленную систему хозяйствования в границах субъектов Российской Федерации. Это согласуется с Основами государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года [24]. Субъекты Федерации имеют конституционный статус, могут самостоятельно определять приоритеты развития, экономическую политику, в том числе финансовую, формировать и использовать соответствующие финансовые фонды.

На сегодняшний день понятие и содержание финансовой системы не имеет нормативного закрепления [150] и разрабатываются как экономистами, так и в работах в области юриспруденции.

Кухал и Старицина характеризуют финансовую систему как комбинацию различных механизмов и отношений, каждая из которых характеризуется особенностями формирования и использования финансовых ресурсов и различной роли в социальном перераспределении [28].

Выделяются два подхода к исследованию данного понятия: функциональный, рассматривающий финансовую систему через совокупность сфер и звеньев, которые являются источниками финансовых отношений; институциональный, сутью которого является структурирование финансовой системы через совокупность институтов — финансовых учреждений.

Анализ публикаций позволяет прийти к выводу, что в настоящее время зарубежные исследования в большей степени развивают институциональный подход к структуре финансовой системы. Первостепенную роль в ее структуре занимают такие финансовые институты как финансовые рынки и банковский сектор [25]. По мнению М. Бэйли и Д. Эллиота современная финансовая система существует, прежде всего, для предоставления трех видов услуг: предоставление кредита, обеспечение ликвидности, управление рисками.

Российские исследователи В. Мандрица, И. Рукавишников в рамках институционального подхода предлагают рассматривать финансовую систему через комплекс финансовых институтов, государственных органов, учреждений, ведущих финансовую

деятельность [117]. М. Романовский и О. Врублевская [181] в рамках функционального подхода выделяют в финансовой системе две подсистемы: государственных и муниципальных финансов и финансов хозяйствующих субъектов. Первая подсистема включает такие звенья, как бюджетная система и государственный кредит. Вторая подсистема объединяет звенья коммерческих предприятий, некоммерческих организаций и финансовых посредников. Г. Колпакова представляет финансовую систему как совокупность блоков и звеньев: государственные финансы, местные финансы, финансы юридических и физических лиц [97]. М. Буянова и Д. Дятлов в структуре финансовой системы обозначают такие элементы: государственные и муниципальные финансы, корпоративные финансы, финансы населения.

В развитых странах в общем виде по функциональному признаку финансовая система включает следующие категории финансовых отношений [28]: система государственного бюджета; внебюджетные специальные государственные фонды; публичный кредит; частные фонды с различными формами собственности; рынок капитала.

Авторы пришли к вводу, что финансовая система региона и ее структура достаточно мало исследованы, не имеют однозначного определения ни в научной, ни в законодательной области, чаще всего понятие отождествляется с понятием «финансы региона» [63].

Определим финансовую систему региона [82] как систему экономических отношений, возникающих в процессе формирования, распределения и использования фондов денежных средств на региональном уровне с целью мобилизации финансовых ресурсов, их распределения и распределения для обеспечения устойчивого социально-экономического развития территории и воспроизводственных процессов.

Функции финансовой системы являются отдельным предметом исследований российской научной школы и зарубежных ученых.

М. Буянова и Д. Дятлов [63] выделяют три функции финансовой системы: мобилизационную, распределительную и контрольную, направленные на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития регионов.

В. Родионова [149] определила две ключевые функции распределительную и контрольную. Экономисты также выделяют: парораспределительную, воспроизводственную, оперативную, стимулирующую функции.

Л. Шевченко [187] в своем исследовании отмечает, что функции финансовой системы должны иметь более стабильный характер, чем институты и выделяет следующие ключевые функции: обеспечение перемещения экономических ресурсов во времени, через границы государств и из одних отраслей экономики в другие; обеспечения управления рисками; аккумулярования денежных средств; сберегательная; кредитования, информационная, планирования, стимулирующая контрольная.

По мнению Хана [30] основная задача финансовой системы — направлять средства из секторов, которые имеют профицит в секторах с нехваткой средств. При этом финансовый сектор выполняет две основные функции: сокращение затрат на информацию и транзакцию и содействие торговле, диверсификацию и управление рисками.

Боди и Мертон [27] выделили единую первичную функцию распределения ресурсов, на втором уровне выполняются следующие функции: клиринговые и расчетные платежи, объединение ресурсов и разделение акций, передача ресурсов через время и пространство, управление рисками, предоставление информации, работа с проблемами стимулирования.

Таким образом в работах американских и европейских исследователей финансовой архитектуры рассматриваются следующие функции: ликвидности, сохранения, управления рисками, информационная, формирования капитала, объединения ресурсов, функция контроля и мониторинга, передачи ресурсов через время и пространство, стимулирования, компенсации, реформистская функция.

Изученные выше подходы к категории «финансовая система региона», с учетом исследований, представленных в [26, 63, 150, 184, 184, 186] позволяют представить структуру финансовой системы региона через совокупность централизованных и децентрализованных сфер (рис. 1).

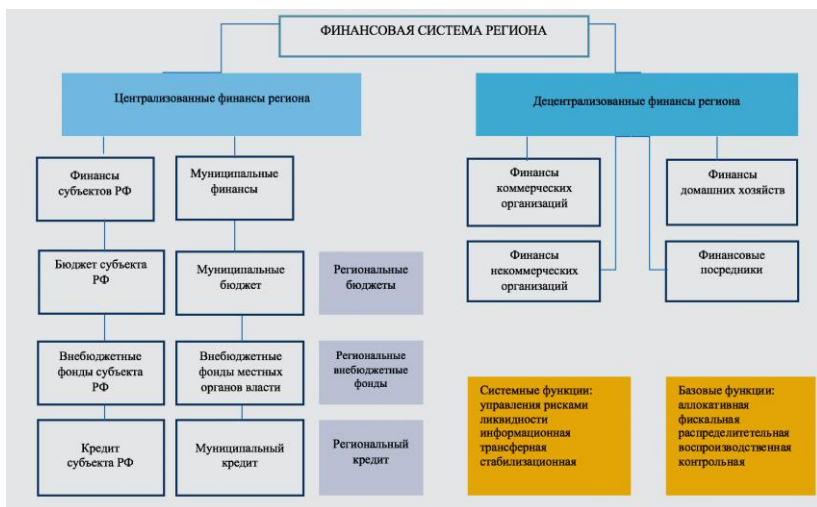

Рис. 1. Структура и функции финансовой системы региона

Финансовая система региона включает сферу централизованных финансов, которую составляют звенья: бюджетные фонды, внебюджетные фонды, государственный и муниципальный кредит; сферу децентрализованных финансов, включающую в качестве звеньев всю совокупность корпоративных финансов, включая финансовых посредников, и финансы домашних хозяйств (финансы населения).

Ряд авторов полагают, что финансы населения не могут быть выделены в отдельное звено финансовой системы, такого взгляда придерживаются, например, Е. Покачалова, Ю. Пятковская, обосновывая это тем что физические лица удовлетворяют свои личные потребности [40]. Мы не разделяем этот подход и относим финансы домашних хозяйств к децентрализованным звеньям финансовой системы по следующим основаниям:

финансы населения участвуют в воспроизводственном процессе [26]; в процессе формирования и использования собственных денежных фондов; сберегают часть совокупного дохода, формируемого в экономике; участвуют в процессе формирования и использования фондов государства (через налоговые отношения, финансовые санкции, другие обязательные плате-

жи), фондов предприятий (через движение ресурсов), фондов банковской системы (через депозитно-кредитные механизмы), фондов страховой сферы (через механизм страхования), участвуют в процессе формирования и использования капитала (через механизм сбережений);

финансы домашних хозяйств являются основой современной сферы финансовых отношений: в их мотивированной экономической деятельности отражается вся система экономических отношений общества [96]. От их участия в воспроизводственном процессе зависят доходы бюджетов и государственных внебюджетных фондов, емкость внутреннего рынка, объемы внутренних источников инвестиций.

Итак, ключевыми субъектами финансовых отношений в структуре являются органы власти и управления (распорядители централизованных финансов), хозяйствующие единицы, банковские учреждения, страховые организации, население региона (распорядители децентрализованных финансов).

Функции, присущие финансовой системе региона, обусловлены главной целью функционирования финансовой системы: эффективное распределение и перераспределение финансовых ресурсов, трансформация сбережений в инвестиции для достижения устойчивого социально-экономического развития территории.

Мы предлагаем выделить две группы функций. Первую группу функций обозначим как системные функции, к ним относятся: функция управления рисками, ликвидности, информационная, трансферная, стабилизационная. Вторая группа функций — базовые функции — предопределяется сущностью категории «финансы»: аллокативная, фискальная, воспроизводственная, стимулирующая, контрольная.

Рассмотрим группу системных функций финансовой системы региона. Важнейшей функцией финансовой системы является предоставление денежных средств для производства товаров и услуг (функция ликвидности). Движение капиталов неминуемо влечет за собой возникновение рисков (функция управления рисками), финансовая система призвана обеспечивать защиту доходов, жизни, здоровья от потенциальных угроз с использованием механизмов страхования. Распространение сигнальной информа-

ции (информационная функция) позволяет принимать экономические, финансовые, управленческие решения, и тем самым снижать риски проводимых операций. Финансовая система обеспечивает движение ресурсов во времени и пространстве (трансферная функция), используя посредническое звено: банки, страховые компании, пенсионные фонды. Перемещение ресурсов во времени связано с возможностью вложений для получения будущих выгод, в пространстве — с движением ресурсов между территориями и сферами, субъектами. Стабилизационная функция обусловлена целями устойчивого социально-экономического развития регионов и возможностями финансовых инструментов по стабилизации ситуации при нарушении пропорций и баланса в показателях экономики и социальной сферы.

Рассмотрим группу базовых функций финансовой системы региона. Функция по эффективному распределению финансовых ресурсов связана с распределением и перераспределением ВРП в экономике региона и в социально-культурной сфере, между отраслями региональной экономики, группами населения. Фискальная функция обусловлена формированием субфедеральных бюджетных фондов посредством налоговых изъятий. Аллокативная функция отражает финансирование общественных благ за счет субфедеральных бюджетов, внебюджетных фондов. Основой воспроизводственной функции является хозяйственная деятельность предприятий и организаций, в том числе финансовых, в результате которой финансовые ресурсы авансируются в закупки сырья, оплату труда и т. д., осуществляется кредитование и инвестирование. Завершением цикла является возврат денежных средств возвращаются как выручка. Контрольная функция связана с достижениями целей финансовой деятельности и контролем за финансовыми показателями. Контрольную функцию реализуют институты финансовой системы через выработку различных критериев, она связана с необходимостью достижения эффективности использования финансовых ресурсов на всех стадиях во всех сферах и звеньях.

Взаимосвязи внутри финансовой системы региона обеспечивают движение финансовых ресурсов между экономическими субъектами, параллельно порождая риски и угрозы. Дефицит доходов бюджета региона, снижение инвестиционных потоков,

сокращение банковских ресурсов негативным образом влияют на социально-экономическое развитие региона [82].

Анализ результатов исследований Шевченко Л. М., Усковой Т. В. [177, 186, 187] и др., посвященных категориям «устойчивость экономических систем», «финансовая система региона», «финансовая устойчивость региона» показал, что авторы чаще всего характеризуют устойчивость с позиции возможностей аккумуляирования, распоряжения и использования финансовых ресурсов. Это трактуется как «количественный подход» к устойчивости финансовой системы.

В плановых документах субъектов Российской Федерации по социально-экономическому развитию к числу факторов устойчивого развития в финансовой сфере также относятся количественные факторы, например: достаточность финансовых ресурсов [11].

Такие авторы как Демидова С. Е., Зотова А. И., Кириченко М. В. [81, 86] придерживаются концепции «структурной устойчивости» финансовой системы, когда первоочередными становятся не набор элементов, а качество взаимосвязей между ними.

Качественная и количественная сохранность финансовых ресурсов в меняющихся условиях может рассматриваться как ключевые факторы финансовой устойчивости региона.

Под устойчивым развитием в целом понимается относительная неизменность параметров системы. Зарубежные подходы к устойчивости основаны на триединой сущности этой категории: устойчивость рассматривается как целостная экономико-социально-экологическая система, в российской практике устойчивость связывается, прежде всего, с экономическими показателями роста. В соответствии с концепцией устойчивого развития¹, устойчивое развитие региона призвано удовлетворять разумные потребности настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

¹ Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс, 1989. 374 с. (Our Common Future [The Brundtland Report]. Oxford University Press, 1987. 383 p.).

На основе проведенного анализа авторы полагают, что под устойчивостью финансовой системы региона следует понимать относительную неизменность параметров финансовой системы региона в условиях неопределенности внешней среды, воздействия внешних и внутренних факторов, продуцирующих риски и угрозы для развития финансовой сферы.

В стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года [6] одним из направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности обозначено устойчивое развитие национальной финансовой системы. Устойчивость национальной финансовой системы определяется устойчивостью государственных и муниципальных финансов, финансового рынка, денежно-кредитной сферы, инвестиций, состоянием реальной экономики, уровнем теневой экономики.

Основными объединяющими задачами этих направлений можно определить: развитие внутренних источников финансовых ресурсов, инвестиционная ориентированность государственной политики, развитие финансовой инфраструктуры и финансовых институтов, обеспечение устойчивости и сбалансированности бюджетной системы.

Обеспечение долгосрочной сбалансированности и устойчивости бюджетной системы Российской Федерации, повышение качества управления государственными финансами и правового регулирования финансового рынка является целью реализуемой в 2013–2020 гг. государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков».

Индикаторы, с помощью которых предлагается оценивать достижение цели программы (табл. 13) следующие: долгосрочный кредитный рейтинг Российской Федерации по международной шкале ведущих международных рейтинговых агентств Standard&Poor's, Fitch Ratings, Moody's (место), средний индекс качества финансового менеджмента главных администраторов средств федерального бюджета (%), государственный долг страны по отношению к ВВП (%), собираемость налогов и сборов (%), индекс открытости бюджета Open Budget Index (балл), нефтегазовый дефицит по отношению к ВВП (%).

Таблица 13

Динамика показателей и индикаторов государственной
программы Российской Федерации
«Управление государственными финансами
и регулирование финансовых рынков»

Показатели/ индикаторы	2013	2014	2015	2016	2017	Целе- вой инди- катор
Ненефтега- зовый де- фицит по отношению к ВВП, %	9,4	9,8	9,3	9,03	8,0	6,1
Государ- ственный долг Рос- сийской Федерации по отноше- нию к ВВП, %	10,3	13,0	13,1	12,9	13,8	20
Собирае- мость нало- гов и сбо- ров, %	99,15	99,4	98,6	99,2	102,6	98,08
Долгосроч- ный кредит- ный рейтинг Российской Федерации Fitch Ratings	BBB стабиль- ный	BBB нега- тивный	BBB- нега- тивный	BBB- нега- тивный	BBB- стабиль- ный	A-
Долгосроч- ный кредит- ный рейтинг Российской Федерации Moody's	Baa1	Baa2 нега- тивный	Baa3 нега- тивный	Ba1 нега- тивный	Ba1 стабиль- ный	A3

Окончание таблицы 13

Долгосрочный кредитный рейтинг Российской Федерации Standard & Poor's	ВВВ стабильный	ВВВ-негативный	ВВ+негативный	ВВ+стабильный	ВВ+позитивный	А-
Индекс открытости бюджета/Open Budget Index, индекс (место)	74 (11)	–	74 (11)	–	72 (15)	81
Средний индекс качества финансового менеджмента главных администраторов средств федерального бюджета, %	60	67	63	62	72	68

По оценкам экспертов РАНХиГС, Фонда «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара» и ВАВТ [21] практически все предложенные показатели оценивают только состояние общественных финансов. На динамику финансовых рынков более значительное влияние оказывают решения Банка России, однако этот институт не представлен в программе. Также в документе не отражены показатели «профильной» Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года [23]. Другая «профильная» Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 г. [22] в скором времени будет обновлена и по заявлению Банка России будет охватывать более короткий целевой период 2019–2021.

Качество регулирования финансовых рынков частично отражают показатели кредитных рейтингов России. Суверенный кредитный рейтинг — инструмент оценки готовности государства своевременно и в полном объеме выполнять свои финансо-

вые обязательства. Рейтинги крупнейших специализированных агентств — Standart&Poore's (S&P), Moody's и Fitch — учитывают ряд показателей: общий государственный долг, баланс бюджета, риски. Рейтинг страны играет ключевым ориентиром при принятии инвесторами (инвестиционными фондами) решений о покупке государственных облигаций. Согласно целевым индикаторам Россия рассчитывает получить к 2020 году рейтинги «А-» (Fitch и S&P) и «А3» (Moody's).

Внесенные изменения в программу «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» от 9 декабря 2017 год заменили первоначальный показатель «Предельное количество человеко-часов, затрачиваемое на деятельность, связанную с уплатой налогов предприятиями малого и среднего бизнеса (в составе рейтинга Doing Business в части совершенствования налогового администрирования)» на показатель «Собираемость налогов и сборов». Это решение нельзя признать целесообразным с позиции оценки эффективности, конкурентоспособности и прозрачности налоговой системы. В общем рейтинге Doing Business российские показатели улучшаются с каждым годом: 2013 г. — 112 место, 2014 г. — 92 место, 2015 г. — 62 место, 2016 г. — 62 место, 2017 г. — 40 место. Doing Business признанный показатель оценки конкурентоспособности и легкости ведения бизнеса, разработанный Всемирным банком и PwC. Кроме того, собираемость налогов находится на стабильном уровне 98–99 %, имеет тенденции к повышению благодаря активному внедрению информационных технологий в процесс администрирования, в контрольную деятельность, совершенствование взаимодействия с налогоплательщиками, стандартизации работы налоговых органов в соответствии с лучшими практиками.

Этими же изменениями были снижены целевые значения показателя «индекс открытости бюджета» к 2020 году с 85 баллов до 81 балла. Индекс открытости бюджета составляется авторитетной неправительственной организацией International Budget Partnership. По итогам 2017 года место России в рейтинге действительно снизилось, однако это один из лучших рейтинговых показателей нашей страны относительно других, оценива-

ющих различные аспекты государственного управления, экономического и институционального развития.

Очевидно, что для повышения устойчивости финансовой системы страны недостаточно усилий, направленных на открытость бюджетных данных, эффективное использование, распределение и перераспределение бюджетных ресурсов, необходимо формировать национальную и региональную политику, сориентированные на комплексное развитие финансовой системы и обеспечение финансовой безопасности.

Каждый регион федеративного государства функционирует как открытая, целостная, неравновесная система [59], в которой формируются финансовые потоки, резервы и источники экономического роста, концентрируются и перераспределяются инвестиционные и кредитные ресурсы, поддерживается баланс бюджетно-налоговой системы.

К исследованию понятия «финансовая безопасность региона» обращались многие ученые [82, 97, 137, 141, 156, 164]. Одна группа исследователей рассматривает финансовую безопасность региона с позиции сохранения единства финансовой системы и ее целостности [191]. Другая группа исследователей придерживается мнения, что финансовую безопасность региона следует анализировать с позиции сохранения устойчивости финансовой системы [164]. Трактовки дефиниции различными авторами приведены в приложении 2.

Выявленная неоднозначность подходов к пониманию термина «финансовая безопасность региона» обусловлена в целом недостаточной разработанностью теории финансов, различными трактовками финансов как экономической категории и подходами к структурным элементам финансовой системы, с одной стороны, и значительной дифференциацией региональных систем по социально-экономическому развитию, особенностям административно-территориального деления и институциональной среды, с другой стороны.

Обоснованно необходимо выделить «финансовую безопасность» в отдельную, самостоятельную экономическую категорию [123]. В правовом поле отсутствует единое определение понятия «финансовая безопасность региона». Имеющиеся формулировки отражают лишь отдельные аспекты финансовой без-

опасности. Финансовая безопасность рассматривается с позиций ресурсно-функционального подхода, статического подхода, нормативно-правовой регламентации (таблица 14).

Таблица 14

Обобщение подходов к понятию
«финансовая безопасность региона»

Подход к определению	Содержание
Ресурсно-функциональный	защищенность финансовых интересов субъектов на всех уровнях финансовых отношений; обеспеченность регионов, отраслей, секторов экономики, населения финансовыми ресурсами, достаточными для удовлетворения их потребностей и выполнения соответствующих обязательств
Статический	состояние бюджетной, налоговой, денежно-кредитной, валютной, банковской, инвестиционной, фондовой систем, характеризующихся сбалансированностью, устойчивостью к внутренним и внешним негативным воздействиям, способностью обеспечить эффективное функционирование региональной экономической системы и экономический рост
Нормативно-правовой	создание таких условий функционирования финансовой системы региона, при которых отсутствует возможность направлять финансовые потоки в незакрепленные законодательными нормативными актами сферы их использования и снижается возможность злоупотребления финансовыми ресурсами

По нашему мнению для определения категории «финансовая безопасность региона» необходимо исходить из того, что это определение должно быть лаконичным и в свою структуру включать только те элементы, без которых трактовать понятие невозможно. Важно не потерять этимологическую сущность «безопасности», что значит отсутствие опасности, не нанесение вреда системе/субъекту/объекту.

Защищенность следует понимать как целевую функцию финансовой безопасности — недопущение нанесения вреда финансовой системе или противодействие влиянию негативных воздействий — опасностей.

Достижение результата возможно, если при наступлении опасности включается механизм, воздействие которого обеспечивает целевое состояние системы.

Предлагаем под финансовой безопасностью региона понимать устойчивое развитие финансовой системы и финансовых отношений в регионе, защищенность от влияния внешних и внутренних негативных факторов, снижение вероятности нанесения ущерба при возникновении рисков и угроз.

В качестве методологических положений исследования финансовой безопасности региона можно выделить следующие положения. Финансовая безопасность региона взаимообусловлена и логически взаимосвязана с характеристиками экономической безопасности региональной хозяйственной системы. Категории присущие следующие функции: регулирующая (в соответствии с необходимостью достижения безопасного состояния, определенного целевыми индикаторами, регулирует финансовую деятельность субъектов); распределительная (распределяет и перераспределяет финансовые потоки для достижения безопасного состояния); контрольная (контроль за соответствием целевым индикаторам, пороговым значениям, установленными нормативными документами).

Для отбора системы показателей финансовой безопасности региона, необходимо чтобы предложенные индикаторы отражали объективную картину, были бы приемлемы для субъектов хозяйственной деятельности, учитывали интересы региона в области финансовой безопасности и обеспечивали достижение устойчивости экономики региона. К таким индикаторам относятся те, которые отражают финансовое состояние в сферах и звеньях финансовой системы региона.

Финансовая безопасность региона по мнению Н. Никулиной и А. Синенко [137] может быть оценена с помощью индикаторов четырех модулей. В бюджетном модуле оцениваются отношение расходов бюджета к ВРП; теневая экономика, уровень коррупции; в социальном модуле оцениваются ИПЦ, среднеду-

шевые доходы; в финансовом модуле оцениваются уровень инфляции; в производственном модуле оцениваются кредиторская задолженность, сальдированная прибыль, платежеспособность предприятий, финансовая устойчивость предприятий. Завершающим этапом анализа является комплексная оценка безопасности с учетом всех модулей.

Уровень финансовой безопасности региона через параметрические показатели безопасности или интегральный показатель региональной финансовой системы предлагал оценивать В. К. Сенчагов [191], также для четырех сфер финансовой системы региона. Для бюджетно-налоговой сферы выбраны показатели, характеризующие бюджет (доходы, расходы, профицит, дефицит, налоговые доходы), задолженность организаций в бюджет и внебюджетные фонды. Для кредитно-банковской сферы предложены показатели, характеризующие деятельность региональных кредитных организаций, их филиалов, а объемы кредитов и депозитов, задолженности. Для сферы корпоративных финансов важными стали показатели, характеризующие финансовый результат, убыточность, задолженность и оборот предприятий, показатели ВРП. Для сферы фондовых рынков показатели не были предложены.

Следующие четыре сегмента финансовой безопасности региона выделяют А. Судаков и А. Синенко [159]. Первый сегмент — бюджетный, с показателями расходов и доходов к ВРП, а также дефицита/профицита. Второй сегмент — социальный, с показателями ИПЦ, денежных доходов населения, вкладов населения в банки. Третий сегмент — финансовый, с показателями монетизации и инфляции, долговых отношений. Третий сегмент — производственный, здесь показатели оценивают кредиторскую задолженность предприятий, платежеспособность и финансовую устойчивость, прибыльность предприятий.

Вечканов Г. С. [66] для оценки финансовой стабильности региона предлагает следующие индикаторы: финансово-денежные (приток капитала в регион, инфляция, экспортно-импортный баланс региона); бюджетные (уровень налогообложения, собираемость налогов, трансферты, отношения с федеральным бюджетом); состояние банковской системы региона

(структура системы, проблемность банков, состояние кредитной базы, капитальная база банков).

Ученый-экономист В. К. Сенчагов [156], выделяя такие сферы финансовой системы как бюджетно-налоговую; кредитно-банковскую; корпоративных финансов; фондовых рынков, отдает ключевую роль в обеспечении устойчивости финансовой системы бюджетно-налоговой сфере. Показатели этой сферы, в том числе, характеризуют уровень социально-экономического развития регионов.

Таким образом, основными сферами для оценки финансовой безопасности региона являются: бюджетно-налоговая; кредитно-банковская; сфера корпоративных финансов; фондовый рынок, а основным методом оценки финансовой безопасности является индикативный. При этом в плановых региональных документах основным фактором устойчивого развития в финансовой сфере выделяется устойчивость бюджетной системы.

Считаем важным выделить такой тип финансовой безопасности как частно-финансовая безопасность, которая охватывает финансы сектора домохозяйств и финансы населения. Разделяем мнение И. П. Хоминича и С. А. Зарецкого [183] о том, что финансовая безопасность домохозяйства является его способность проводить в жизнь самостоятельные финансово-экономические решения в соответствии со своими интересами в рамках действующего правового пространства. В условиях финансовой безопасности населения обеспечивается устойчивое развитие, расширенное воспроизводство обеспечивается распределительная функция бюджета. Финансово защищенные домохозяйства рассматриваются как инвестиционный потенциал региона.

Исходя из вышеизложенного структурно финансовую безопасность региона целесообразно представить как совокупность типов финансовой безопасности (рис. 2).

Рис. 2. Типовая структура финансовой безопасности

Ученые Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева совместно с ИЭ РАН предлагают оценивать проекцию бюджетно-финансовой безопасности региона, предлагаемые показатели: сальдо консолидированного бюджета субъекта Федерации, доля собственных источников в доходах консолидированного бюджета; отношение государственного долга к собственным средствам. Методика оценки бюджетно-финансовой безопасности основывается на расчете индикативных показателей для каждого из объектов исследования, затем анализируется ситуация в целом.

Оценка финансовой безопасности регионов может проводиться по модульному (бюджетный, социальный, финансовый модули), типовому (бюджетная, налоговая, кредитно-банковская, финансово-денежная, инвестиционная, инфляционно-ценовая, валютная безопасность и безопасность фондовых рынков) и системному подходу (состояние регионального бюджета, масштабы банковского сектора региона и благополучия кредитных организаций, эффективность деятельности организаций и предприятий, функционирующих на территории субъектов, финансового благополучия населения).

«Модульный подход» отражает четыре основные сферы экономики региона: бюджетную, социальную, финансовую, производственную. «Типовой подход» обобщает типы финансовой безопасности. В «системном подходе» в большей мере прослеживается взаимосвязь со сферами и звеньями финансовой

системы региона. Набор индикаторов различный, в зависимости от исследуемой сферы. Как видно, все исследователи единодушно выделяют бюджетно-налоговую сферу.

Стабильным комплексом «узких мест» в бюджетно-налоговой сфере современной России остаются — взаимоотношения федерального Центра с регионами, поиск оптимального распределения доходных источников и закрепления расходных обязательств, особенно в условиях существенной разности потенциала российских территорий, высокая долговая нагрузка региональных бюджетов.

Приоритетами бюджетно-налоговой безопасности являются:

- встраивание бюджетного планирования в формирование и реализацию долгосрочной стратегии развития путем полномасштабного внедрения проектного принципа организации деятельности органов исполнительной власти и программно-целевого формирования бюджетов;

- улучшение качества жизни человека, адресность в предоставлении социальных гарантий, повышение качества государственных и муниципальных услуг;

- стимулирование инвестиционно-инновационного развития;

- формирования рациональной сети государственных и муниципальных учреждений и улучшение качества оказываемых ими услуг;

- создание эффективной и стабильной налоговой системы;

- совершенствование процедур налогового администрирования;

- повышение качества налогового планирования.

В области инвестиционной безопасности приоритетными направлениями являются:

- создание условий для привлечения необходимого и достаточного объема инвестиций, их эффективное использование в экономике, что является жизненно необходимым для ее модернизации и перевода на инновационный тип развития;

- развитие инвестиционной инфраструктуры;

- формирование условий, стимулирующих превращение накоплений в инвестиции;

- формирование региональной инвестиционной политики с учетом всего комплекса местных региональных условий;
- развитие конкурентной среды во всех сферах отраслей экономики региона;
- оказание всесторонней помощи в активизации инвестиционной активности хозяйствующих субъектов.

Самым сложным остается вопрос выбора индикаторов безопасности и определение их пороговых значений для региона. Можно обоснованно утверждать, что количество показателей не является первостепенным, более важной задачей представляется качественное содержание выбранных показателей. Показатели, характеризующие бюджетно-налоговую сферу должны отразить необходимость развития собственных доходных источников регионального бюджета в свете обозначенных выше проблем российских регионов: дифференциация и ограниченности действия принципов бюджетного федерализма.

Финансовая система региона будет стремиться к безопасному состоянию, если параллельно будут протекать следующие процессы, способствующие повышению устойчивости системы: бюджет балансируется при условии снижения долговой нагрузки и объемов дотаций из федерального центра, увеличивается доля налоговых доходов, снижаются задолженности по платежам в бюджет, оздоравливается структура расходов и доходов бюджетов; улучшается инвестиционно-инновационный климат в регионе, повышается прибыльность, финансовая устойчивость и платежеспособность бизнеса; снижается уровень теневой экономики, административное давление и коррупционные проявления, количество финансовых преступлений.

Пусковым механизмом процесса обеспечения финансовой безопасности является мониторинг. Проведение мониторинга должно носить систематический характер и гарантировать своевременное выявление критических положений (нарушение пороговых границ). Мониторинг финансовой безопасности региона должен отвечать требованиям достоверности, комплексности, своевременности, систематичности.

Последовательность проведения мониторинга финансовой безопасности региона может быть представлена следующим образом (рис. 3).

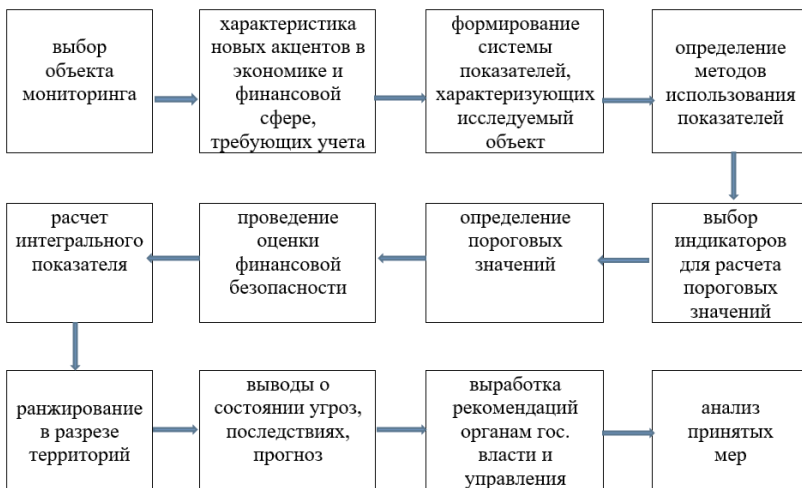

Рис. 3. Условная схема проведения мониторинга финансовой безопасности региона

Другим проблемным этапом является выбор методов использования показателей. На начальном этапе при помощи комплекса принципов и инструментов структурного и динамического анализа проводится анализ в исследуемых сферах финансовой безопасности. На следующем этапе применяется индикативный подход: сравнение имеющихся значений показателей за определенные в качестве базовых прошлые периоды; сравнение со средними показателями; сравнение с рассчитанными пороговыми значениями. На этом этапе может быть использован метод экспертных оценок. Выявление факторов, влияющих на финансовую безопасность, проводится с использованием метода факторного анализа — главных компонент. Классификация регионов проводится с использованием кластерного анализа, непараметрических методов статистического анализа (например, Паттерн).

Особенностью нашего федеративного государства является глубокая дифференциация территорий по уровню социально-экономического развития, природному, ресурсному, инвестиционному и инновационному потенциалам. Системы показателей финансовой безопасности на региональном уровне, их по-

пороговые значения могут значительно различаться по регионам в соответствии со спецификой структуры экономики, характером и остротой отдельных угроз экономической безопасности.

Информационными источниками могут служить данные Росстата, Центрального банка, контрольно-счетных органов, федеральных и региональных органов власти, публикуемая финансовая отчетность, данные рейтинговых агентств, научные публикации, социологические исследования, исследования Института экономики РАН и НГТУ им. Р. Е. Алексеева, Аналитического центра при Правительстве, Центра стратегических разработок, мониторинговые исследования Высшей школы экономики.

Общие методологические подходы к определению пороговых значений, безусловно, должны приниматься централизованно, на федеральном уровне [157].

Запустить мониторинг без формирования информационной системы экономической безопасности регионов России проблематично, разработка и апробация такой системы ведется на базе Нижегородского ГТУ им. Р. Е. Алексеева. Однако существующие ограничения по обработке ретроспективных данных требуют сравнения результатов с качественными экспертными прогнозами, а также моделирования с большим количеством параметров [122].

В системном мониторинге состояния финансовой системы по сформированному комплексу показателей должны быть заинтересованы соответствующие органы власти. Именно мониторинг является действенным инструментом, позволяющим своевременно выявить отклонения от нормы показателей или их негативную динамику. С научной точки зрения этот процесс требует методологической систематизации. На этапе активного развития стратегического планирования в нашей стране для поддержания стабильности финансовой системы требуется принятие отдельного документа — долгосрочной стратегии финансовой безопасности на национальном уровне и соответствующих региональных стратегий.

3.2. Анализ уровня развития финансовой системы на региональном уровне и состояния ключевых сфер финансовой безопасности регионов

Структурный дисбаланс российской экономики и финансовой системы явно проявился в период мирового кризиса. В этих условиях региональные финансовые системы столкнулись с проблемами возрастающей долговой нагрузки, увеличения дефицитности бюджетов, сопровождающееся переданными на исполнение из федерального центра социальными обязательствами. Эта тенденция устойчиво сохраняется последние годы.

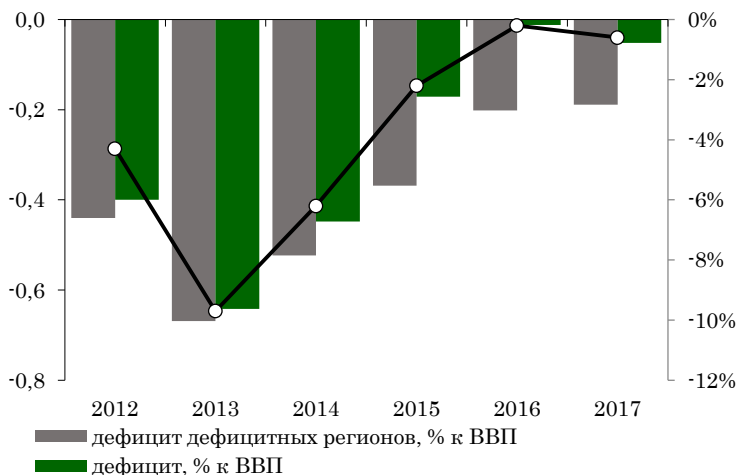
Консолидированные бюджеты регионов исполнены 01.01.2018 с дефицитом в сумме 51,9 млрд руб., если не учитывать профицитные бюджеты 38 регионов, то дефицит исчисляется в объеме 188,6 млрд руб. (47 регионов).

Таким образом, профицит составил 136,7 млрд руб., это существенные потери в балансировании бюджетных доходов и расходов, так как по оценке Счетной палаты на 01.12.2017 профицит оценивался в сумме 695,9 млрд руб.

Условия для оздоровления характеристик финансов общественного сектора создаются при улучшении качества сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации, повышении эффективности использования бюджетных средств, положительной динамики показателей долговой устойчивости (рис. 4).

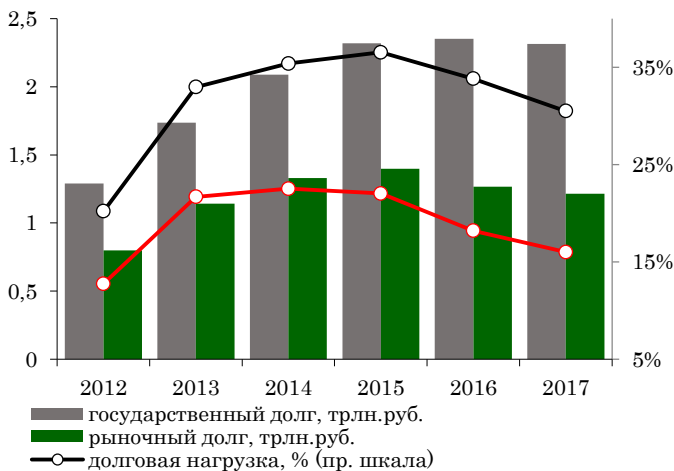
Начиная с 2013 года, когда дефицит бюджетов субъектов Российской Федерации достиг максимальных значений, началось сокращение показателя как по дефицитным регионам, так и в целом по субъектам. Прирост доходов за 2013–2016 гг. составил 22 %, расходы возросли только на 13 %. Однако государственный долг продолжал увеличиваться, рост объема долга составил 35 %, расходы на обслуживание увеличились почти на 70 % (рис. 5, 6).

Следствием наличия бюджетного дефицита становится увеличение государственного долга и, как следствие увеличение расходов на обслуживание государственного долга. Динамика объема государственного долга субъектов Российской Федерации, в 2012–2017 гг. представлена на рисунке 5.

Источник: Федеральное казначейство, Минфин, расчеты автора

Рис. 4. Дефицит бюджетов субъектов Российской Федерации в 2012–2017 гг.

Источник: Федеральное казначейство, Минфин, расчеты автора

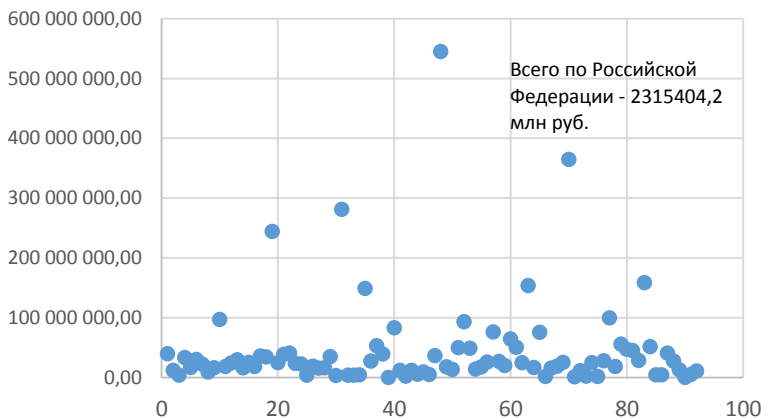
Рис. 5. Динамика объема государственного долга субъектов Российской Федерации в 2012–2017 гг.

На рисунке 5 в объеме рыночного долга учтены государственные ценные бумаги и кредиты кредитных организаций. Долговая нагрузка рассчитана как отношение объема государственного долга к налоговым и неналоговым доходам бюджета, нагрузка по рыночному долгу рассчитана как отношение объема рыночного долга к налоговым и неналоговым доходам бюджета.

По итогам 2017 года долговая нагрузка превысила 50 % у 42 субъектов начиная с 2013 года, когда дефицит бюджетов субъектов Российской Федерации достиг максимальных значений, началось сокращение показателя, как по дефицитным регионам, так и в целом по субъектам. Прирост доходов за 2013–2016 гг. составил 22 %, расходы возросли только на 13 %. Однако государственный долг продолжал увеличиваться, рост объема долга составил 35 %, расходы на обслуживание увеличились почти на 70 % (рис. 5, 6).

Следствием наличия бюджетного дефицита становится увеличение государственного долга и, как следствие увеличение расходов на обслуживание государственного долга. Динамика объема государственного долга субъектов Российской Федерации, в 2012–2017 гг. представлена на рисунке 5.

Более 100 % долговую нагрузку имели 3 региона: Республика Мордовия — 206,7 % (50 млрд руб.), Республика Хакасия — 131,4 % (24,6 млрд руб.), Костромская область — 133 % (22 млрд руб.), Республика Карелия — 111,1 % (25 млрд руб.). При этом в абсолютном выражении самый большой объем государственного долга у Краснодарского края — 149,2 млрд руб. (74 %). Распределение государственного долга представлено на рис. 6.

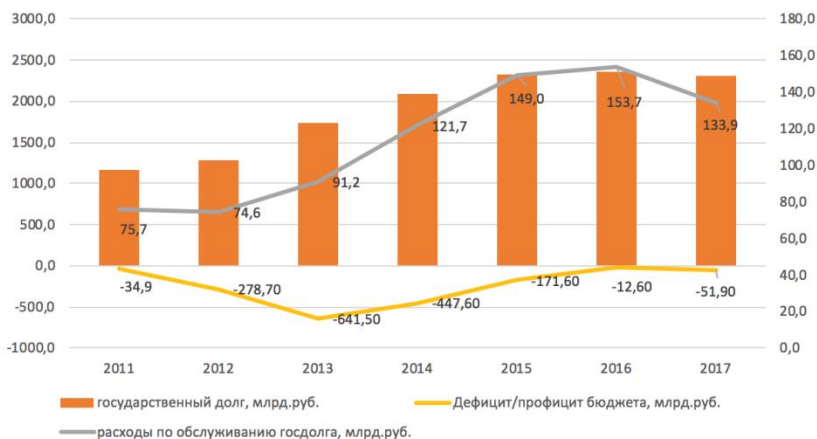

Источник: Федеральное казначейство, Минфин, расчеты автора

Рис. 6. Распределение показателей объема государственного долга субъектов Российской Федерации по состоянию 01.01.2018, тыс. руб.

Картина по долговой нагрузке в разрезе федеральных округов следующая. Наибольшая нагрузка (свыше 50 % к годовым бюджетным назначениям без учета безвозмездных поступлений) приходится на Приволжский ФО — 60 % (543,0 млрд руб.); Северо-Кавказский ФО — 61 % (77,3 млрд руб.); Южный ФО — 63 % (263,0 млрд руб.). В Сибирском ФО долговая нагрузка составила — 46,9 % (347,7 млрд руб.); в Центральном ФО — 45,4 % (481,6 млрд руб.); в Дальневосточном ФО — 37,7 % (164,0 млрд руб.); в Северо-Западном ФО — 24,8 % (235,2 млрд руб.); в Уральском ФО — 19,9 % (152,9 млрд руб.).

На рисунке 7 представлены характеристики сбалансированности бюджетов консолидированных субъектов Российской Федерации по показателю дефицита/профицита и расходов на обслуживание государственного долга в период 2011–2017 гг.

Источник: Федеральное казначейство, Минфин, расчеты автора

Рис. 7. Динамика характеристик сбалансированности консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в 2011–2017 гг.

Образовавшийся на конец 2017 г. профицит в субфедеральных бюджетах позволил частично снизить долговую нагрузку. На 1 января 2018 г. объем государственного долга впервые за анализируемый период сократился на 2 % или на 37,8 млрд руб., расходы на обслуживание госдолга сократились на 13 % или на 19,8 млрд руб.

Государственный долг субъектов Федерации снизился на 37,8 млрд руб. за 2017 года, или на 1,6 % и составил 2,32 трлн руб. Некоторая положительная динамика отмечается в расходах на обслуживание государственного и муниципального долга: в 2017 году расходы составили 133,9 млрд руб. и снизились по сравнению с предыдущим годом на 12,9 %. Последние два года отмечался рост указанных расходов на 3,2 % за 2016 год и на 22,4 % за 2015 год.

Наибольший вклад в снижение суммарного объема государственного долга внесла Москва (минус 27,5 млрд руб.) и Челябинская область (минус 12,9 млрд руб.). С другой стороны, существенно возрос госдолг в Санкт-Петербурге (плюс 21,1 млрд руб.) и в Республике Мордовия (плюс 9,8 млрд руб.). Отношение суммарного госдолга регионов к суммарному объему налоговых и не-

налоговых доходов за 2017 год составило 30,5 %, что на 3,3 % ниже предыдущего года. Количество регионов, в которых госдолг превышает налоговые и неналоговые доходы бюджета составило семь в 2017 году против восьми годом ранее. Относительно благоприятная тенденция омрачается нарастающей дифференциацией: размах значений в региональном разрезе увеличился от 0 % в Севастополе и Сахалинской области до 225 % в Республике Мордовия. Помимо Республики Мордовии, Республики Хакасии, Костромской области и Республики Карелии, которые не первый год входят в проблемную группу по долговой устойчивости, в Кабардино-Балкарской Республике, Орловской области и Псковской области объем государственного долга превысил объем собственных доходов, что сигнализирует о нарушении долговой устойчивости в указанных регионах.

В соответствии с Бюджетным кодексом (ст. 99) структура государственного долга субъектов Российской Федерации представлена следующими видами долговых обязательств: государственные ценные бумаги; бюджетные кредиты от других бюджетов бюджетной системы; кредиты российских и зарубежных банков, международных финансовых организаций; государственные гарантии. В этой структуре к рыночным инструментам относятся коммерческие кредиты и выпуск государственных ценных бумаг. Характеристика рыночных долговых инструментов: долгосрочность обращения и высокие процентные ставки. Бюджетные кредиты выступают исключительно антикризисной нерыночной мерой.

Рыночный долг один из факторов изменения дефицитов бюджетов, коэффициент корреляции между ними за период 2011–2017 гг. составил 0,96. Процентные расходы на обслуживание госдолга приводят к неизменному увеличению объемов бюджетных средств на его обслуживание. Если наращивание долговых обязательств продолжается, объективно наступает формирование критической массы рыночного долга, обусловленной внутренними возможностями региона (доходами регионального бюджета, емкостью финансового рынка и др.) [126]. Структура государственного долга субъектов Российской Федерации представлена на рис. 8.

Источник: Минфин, расчеты автора

Рис. 8. Динамика структуры объема государственного долга субъектов Российской Федерации в 2013–2018 гг.

Как видно из представленных данных на 01 января 2017 года задолженность субъектов Российской Федерации перед коммерческими банками снизилась и стала меньше доли задолженности перед федеральным бюджетом. Доля бюджетных кредитов в суммарном государственном долге на 1 января 2017 года составила 42 %, а на долю коммерческих кредитов пришлось 34 %. В 14 регионах коммерческие кредиты отсутствуют, основными инструментами формирования долговых обязательств у этих регионов являются бюджетные кредиты. Исключение составляют Москва, Тюменская область и Ханты-Мансийский АО-Югра.

Однако потребность изыскивать средства на финансирование дефицитов бюджетов может привести к увеличению рыночного долга в структуре долговых обязательств до 80 % к концу 2019 года. Этому способствует недоступность казначейских кредитов в последнем месяце финансового года, что увеличивает спрос на банковские кредиты.

Перспективным инструментом представляются государственные облигации, долгосрочный характер данного долгового

инструмента делает его более выгодным в использовании. По оценке аналитического кредитного рейтингового агентства АКРА потенциальная экономия при размещении облигаций по сравнению с обслуживанием банковского кредита составит 2–3 % от стоимости обслуживания в год².

Динамика уровня дефицита бюджетов субъектов Российской Федерации и долговой нагрузки на бюджеты субъектов Российской Федерации по состоянию представлена в приложении 3.

Для развития долгового рынка, эмиссии государственных облигаций важными индикаторами являются значение ключевой ставки ЦБ Российской Федерации и уровень ликвидности в банковской системе. Снижение ключевой ставки и профицит ликвидности в 2017 году обеспечили стабильный спрос на государственные ценные бумаги, этот сектор оказался более привлекательным для инвесторов, чем сектор корпоративных ценных бумаг. Продолжение санирования и оздоровления банковского сектора привело к тому, что большое количество мелких и ряд крупных банков попали под санацию (например, Бинбанк, Открытие, Промсвязьбанк) или лишились лицензии (например, Татфондбанк, Югра).

Санация в отношении крупных банков проводится через Фонд консолидации банковского сектора. После введения внешнего управления в залог к Банку России переходит 75 % акций санлируемого банка. Как следствие количество банков с государственным участием растет ускоренными темпами. По мнению экспертов «Финам», такую ситуацию «нельзя назвать здоровой, поскольку она ведет к снижению конкуренции и в конечном итоге — к падению качества обслуживания и корпоративного управления бизнесом»³.

Динамика уменьшения количества региональных банков и филиалов в разрезе федеральных округов за 2011–2017 гг. представлены на рис. 9, 10.

² [Электронный ресурс]: URL: [www/acra-ratings.ru/research/170](http://acra-ratings.ru/research/170)

³ [Электронный ресурс]: URL: <http://fedpress.ru/article/1926443>

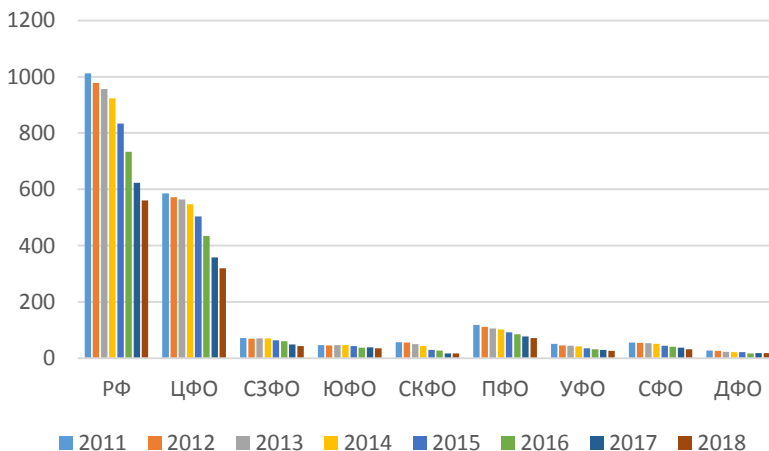

Рис. 9. Сведения о количестве действующих кредитных организаций в территориальном разрезе по состоянию на 01 января соответствующего года, шт.

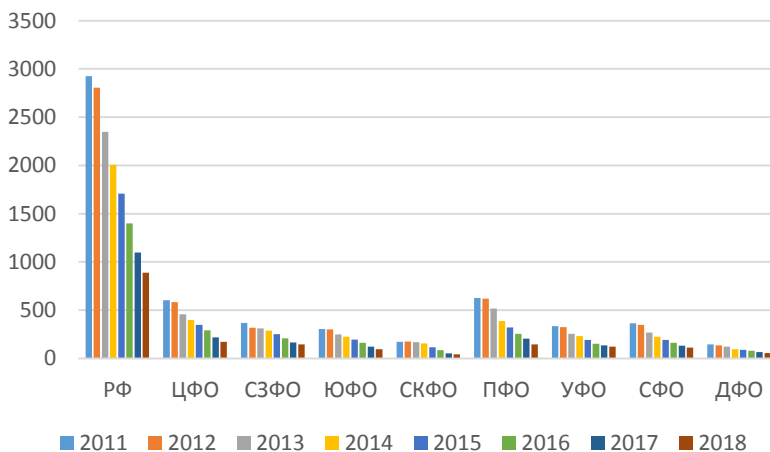

Рис. 10. Сведения о количестве действующих филиалов банков в территориальном разрезе по состоянию на 01 января соответствующего года, шт.

Как видно из рисунков 9, 10 за период 2011–2017 гг. количество кредитных организаций во всех регионах сократилось на 451 единицу, с 1012 на 01.01.2011 до 561 на 01.01.2018 (или на 45%), количество филиалов сократилось на 2036 единицы, с 2926 на 01.01.2011 до 890 на 01.01.2018, сокращение составило 70 %. Больше количество банков сосредоточено в Поволжском, Центральном, Северо-Западном федеральных округах.

За 2017 год число банков сократилось на 62, в 2016 году — на 110. Если в 2011 году в 6 регионах не было присутствия региональных банков (Ненецкий АО, Чеченская Республика, Забайкальский край, Магаданская область, Еврейская АО и Чукотский АО), то на 01.01.2018 в 14 субъектах отсутствовали региональные банки (Брянская, Орловская, Смоленская, Архангельская области, Ненецкий АО, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Ямало-Ненецкий АО, Республика Бурятия, Забайкальский край, Магаданская область, Еврейская АО и Чукотский АО). По заявлению главы Центрального Банка, начиная с 2018 году активная фаза сокращения банков будет замедляться, но продлится еще в течение 2 лет.

На 01.01.2018 года количество коммерческих банков и не банковских организаций в России составляет 561, из них 230 относятся к крупным банкам. Из общего числа банков и небанковских кредитных организаций 277 (50 %) зарегистрированы и имеют головной офис в городе Москве, таким образом на 44,4 тысячи столичного населения приходится один банк.

Спрогнозировать динамику сокращения банков можно исходя из размера уставного капитала. В соответствии Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» (ст. 11) минимальный размер уставного капитала на день подачи ходатайства о государственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций устанавливается в сумме:

1 миллиард рублей — для вновь регистрируемого банка с универсальной лицензией;

300 миллионов рублей — для вновь регистрируемого банка с базовой лицензией;

90 миллионов рублей — для вновь регистрируемой небанковской кредитной организации, за исключением минимального

размера уставного капитала вновь регистрируемой небанковской кредитной организации — центрального контрагента;

300 миллионов рублей — для вновь регистрируемой небанковской кредитной организации — центрального контрагента.

В таблице 15 представлена группировка банков по размеру уставного капитала.

Таблица 15

Группировка банков Российской Федерации
по размеру уставного капитала

Размер уставного капитала, млн руб.	01.01. 2011	01.01. 2012	01.01. 2013	01.01. 2014	01.01. 2015	01.01. 2016	01.01. 2017	01.01. 2018
От 10 млрд. руб. и выше	22	22	23	25	27	29	33	35
От 1 до 10 млрд руб	133	143	154	161	163	153	136	117
От 500 млн до 1 млрд руб.	103	114	123	116	111	97	77	78
От 300 до 500 млн руб.	98	101	95	116	118	104	90	78
От 150,0 до 300,0	250	263	276	251	212	171	137	113
От 60,0 до 150,0	222	199	168	143	112	88	57	68
От 30,0 до 60,0	98	62	46	36	30	28	26	23
От 10,0 до 30,0	46	41	41	45	38	38	37	31
От 3,0 до 10,0	23	18	15	15	13	12	10	9
До 3,0	17	15	15	15	10	13	10	9
Всего	1012	978	956	923	834	733	623	561

Как видно из табл. 15 имеют уставной капитал, достаточный для универсальной или базовой лицензии, 308 банков (55 %). 140 банков (25 %) находятся в рискованной зоне, так как их капитал менее 90 млн руб. и они не могут классифицироваться даже как небанковская кредитная организация.

К положительным результатам происходящих процессов в банковском секторе можно отнести рост надежности банков. С другой стороны, сокращение количества банков может привести к снижению конкуренции на рынке, что может повлечь повышение стоимости и не улучшение банковского обслуживания.

У крупных банков отпадает необходимость учитывать условия региональных кредитных организаций.

Исследование регионов по доле задолженности, просроченной населением в 2017 году, РИА-рейтинг [151]⁴ показало, что рынок кредитования населения в России в 2017 году вырос на 12,7 % против 1,1 % в 2016 году. Корпоративное кредитование в анализируемый период выросло только на 0,2 %. Основным источником роста кредитования стали ипотечные кредиты: на конец 2017 года на них приходилось 44 % всей задолженности населения перед банками.

Самая высокая доля просроченной задолженности, несмотря на ее существенное снижение, остается у Республики Ингушетия (23,9 %). Высокая доля отмечена в следующих регионах: в Карачаево-Черкесской Республике, Республике Бурятия, Республика Адыгея, Омской области, Кабардино-Балкарской Республике, Кемеровской области, Ставропольском крае и Краснодарском крае. Здесь доля просроченной задолженности по кредитам населению превышает 9 %.

Положительно низкая доля просроченной задолженности (менее 5 %) отмечается в Ненецком автономном округе, Чукотском АО, Ямало-Ненецком АО, Чувашской Республике, Ханты-Мансийском АО, Республике Саха (Якутия), Республике Мордовия, Удмуртской Республике, Магаданской области и Камчатском крае.

Сложившаяся ситуация благоприятна для банковского сектора, однако стремительный рост кредитования розницы может подтолкнуть мегарегулятора к решению о введении сдерживающих мер и инструментов.

Для оценки развития финансовой системы регионов была взята за основу методика многофакторной оценки [127]. Авторы исследовали уровень и риски развития финансовой системы субъектов Федерации.

⁴ Рейтинг регионов по доле задолженности просроченной населением. [Электронный ресурс]: URL: <http://riarating.ru/regions/20180327/630087122.html>

В качестве индикаторов использовались две группы показателей. К первой группе были отнесены, индикаторы, характеризующие социально-экономическое развитие:

- валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.;
- основные фонды на душу населения, тыс. руб.;
- сальдированный результат деятельности предприятий на душу населения, тыс. руб.;
- удельный вес убыточных предприятий, %;
- инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.;
- среднедушевые денежные доходы к величине прожиточного минимума.

Вторую группу показателей составили индикаторы, характеризующие состояние финансовой системы:

- количество кредитных организаций на душу населения, шт.;
- задолженность по кредитам юридических лиц на душу населения, тыс. руб.;
- задолженность по кредитам физических лиц на душу населения, тыс. руб.;
- депозиты юридическим лицам на душу населения, тыс. руб.;
- депозиты физическим лицам на душу населения, тыс. руб.;
- доходы консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации на душу населения, тыс. руб.;
- налоговые и неналоговые доходы бюджета в объеме доходов консолидированного бюджета, процент;
- сальдо бюджета в объеме налоговых и неналоговых доходов, процент.

На наш взгляд преимущества предложенных показателей в том, что они отражают основные уровни формирования финансовых ресурсов: государство, предприятия, домохозяйства (население), статистические данные доступны в утвержденных формах отчетности и не требуют специальных запросов.

Показатели, характеризующие социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, представлены в приложении 4. Показатели, характеризующие состояние финансовой системы субъектов Российской Федерации, представлены в приложении 5.

Показатели по каждому субъекту для сопоставления нормировались к диапазону (0;1) по формуле линейного масштабирования:

$$N_{\text{norm}} = (N_i - N_{\text{min}}) / (N_{\text{max}} - N_{\text{min}}),$$

где N_{norm} — нормированное значение показателя в i -м регионе; N_i — значение выбранного показателя в i -м регионе; N_{min} — минимальное значение показателя среди всех регионов; N_{max} — максимальное значение показателя среди всех регионов.

Итоговый показатель рассчитывался как среднее значение всех показателей.

Источниками информации послужили официальная статистика, официальные сайты Минфина, Центрального банка и Казначейства России.

Рейтингование по уровню развития финансовых отношений в регионах, формированию и использованию денежных потоков в финансовой системе проводилось путем ранжирования субъектов Российской Федерации в порядке убывания рассчитанного интегрального балла. Анализируемый период времени — 2017 год (для отдельных показателей — на 01.01.2018).

Рейтинговый балл рассчитывался на первом этапе по каждому из 13 показателей. На втором этапе определялся интегральный средний балл всех анализируемых показателей. В соответствии с полученными баллами регионам были присвоены рейтинговые места от 1 до 81, так как часть регионов получили одинаковое количество баллов. В регионах, занявших 1–12 места, финансовая система характеризуется достаточным развитием. В регионах, занявших 13–31 места, относительно развитая финансовая система. В регионах, находящихся на 32–49 местах рейтинга, развитие финансовой системы недостаточное. Слабо развитая финансовая система в регионах с 50 по 70 место, депрессивное состояние финансовой системы в субъектах Российской Федерации, занимающих места с 71 по 81. Итоговые данные представлены в таблицах 16, 17.

Таблица 16
Рейтингование субъектов Российской Федерации на основе интегральной оценки уровня развития
финансовой системы в регионе за 2017 г.

Субъекты Российской Федерации	Средний балл	Итоговое место	Субъекты Российской Федерации	Средний балл	Итоговое место	Субъекты Российской Федерации	Средний балл	Итоговое место
Ненецкий автономный округ	17,43	1	Приморский край	36,57	29	Ставропольский край	50,71	55
Ямало-Ненецкий АО	20,00	2	Новгородская область	38,14	30	Алтайский край	50,86	56
г. Москва	20,29	3	Республика Крым	52,07	61	Кировская область	51,21	57
Республика Татарстан	20,93	4	Рязанская область	39,50	32	Орловская область	51,36	58
Сахалинская область	24,86	5	Хабаровский край	39,64	33	Республика Крым	52,07	61
Ханты-Мансийский АО	25,00	6	Ярославская область	39,93	34	Республика Дагестан	51,57	60
г. Санкт-Петербург	25,29	7	Оренбургская область	40,14	35	Республика Крым	52,07	61
Белгородская область	25,93	8	Калужская область	40,36	36	Республика Мордовия	52,79	62
Республика Коми	26,29	9	Тамбовская область	41,21	37	Республика Алтай	53,29	63
Липецкая область	26,71	10	Курская область	41,57	37	Пензенская область	53,86	64
Томская область без АО	27,29	11	Челябинская область	42,00	38	Республика Тыва	55,71	65
Московская область	27,79	12	Ростовская область	42,07	39	Забайкальский край	55,93	66
Вологодская область	27,79	12	Тульская область	43,00	40	Республика Адыгея	57,14	67
Мурманская область	28,57	13	Амурская область	43,36	41	Республика Бурятия	57,57	68
Камчатский край	29,50	14	Омская область	43,57	42	Чеченская Республика	57,64	69

Окончание таблицы 16

Магаданская область	29,57	15	Новосибирская область	44,00	43	Псковская область	57,71	72
Чукотский автономный округ	29,79	16	Владимирская область	44,14	44	Курганская область	57,79	71
Краснодарский край	30,64	17	Удмуртская Республика	44,14	44	Ульяновская область	58,14	72
Пермский край	32,00	18	Калининградская область	45,07	45	Чувашская Республика	58,29	73
Свердловская область	32,07	19	Кемеровская область	46,21	46	г. Севастополь	58,50	74
Самарская область	32,93	20	Саратовская область	47,79	47	Карачаево-Черкесская республика	59,79	75
Ленинградская область	33,14	21	Смоленская область	48,21	48	Ивановская область	59,93	76
Воронежская область	34,07	22	Республика Карелия	48,50	49	Республика Марий Эл	60,36	77
Республика Саха (Якутия)	34,21	23	Еврейская автономная область	49,00	50	Республика Ингушетия	61,57	78
Красноярский край	34,29	24	Тверская область	49,21	51	Республика Северная Осетия	63,71	79
Иркутская область	35,36	25	Астраханская область	49,50	52	Республика Калмыкия	68,14	82
Нижегородская область	35,64	26	Республика Хакасия	49,93	53	Кабардино-Балкарская республика	69,50	81
Томская область	35,71	27	Костромская область	50,64	54			
Республика Башкортостан	35,93	28	Волгоградская область	50,71	55			

Таблица 17

Типологизация развития финансовой системы регионов

I тип (развитая)	II тип (относительно развитая)	III тип (недостаточно развитая)	IV тип (слабо развитая)	V тип (депрессивная)
13 регионов	19 регионов	20 регионов	22 региона	11 регионов
Ненецкий автономный округ Ямало- Ненецкий АО Москва Республика Татарстан Сахалинская область Ханты- Мансийский АО Санкт- Петербург Республика Коми Белгородская область Липецкая область Тюменская область Московская область Вологодская область	Мурманская область Камчатский край Магаданская область Чукотский автономный округ Краснодарский край Пермский край Свердловская область Самарская область Ленинградская область Воронежская область Республика Саха (Якутия) Красноярский край Иркутская область Нижегородская область Томская область Республика Башкортостан Приморский край Новгородская область Архангельская область	Рязанская область Хабаровский край Ярославская область Оренбургская область Калужская область Тамбовская область Курская область Челябинская область Ростовская область Тульская область Амурская область Омская область Новосибирская область Владимирская область Удмуртская Республика Калининградская область Кемеровская область Саратовская область Смоленская область Республика Карелия	Еврейская авт. обл. Тверская область Астраханская область Республика Хакасия Костромская область Волгоградская область Ставропольский край Алтайский край Кировская область Орловская область Брянская область Республика Дагестан Республика Крым Республика Мордовия Республика Алтай Пензенская область Республика Тыва Забайкальский край Республика Адыгея Республика Бурятия Чеченская Республика Псковская область	Курганская область Ульяновская область Чувашская республика Севастополь Черкесская Республика Ивановская область Республика Марий Эл Республика Ингушетия Республика Северная Осетия Республика Калмыкия Кабардино- Балкарская Республика

К первому типу (развитая финансовая система) отнесены 13 регионов с постоянным притоком финансовых ресурсов. Регионы характеризуются высоким уровнем ВРП на душу населения, значительной долей налоговых и неналоговых доходов в бюджетах, низким уровнем дефицитности, за исключением бюджета Ямало-Ненецкого АО, но этот регион по 4 показателям занимает 1 место в ранжировании. Во второй группе (относительно развитая финансовая система) — 19 регионов с достаточно стабильными экономическими показателями относительно среднего уровня по всем субъектам. В 3 группе находятся 20 регионов с недостаточным уровнем формирования и использования фондов денежных средств в целом и сниженными значениями отдельных индикаторов развития финансовой системы. В 4 группе 22 региона сниженным уровнем формирования и использования фондов денежных средств в целом или «провальными» значениями отдельных индикаторов развития финансовой системой. Депрессивный, 5 тип, составляют 13 регионов, тип характеризуется низким уровнем развития финансовых отношений на территории, дефицитом финансовых ресурсов, отрицательным финансовым результатом деятельности предприятий, недостаточной банковской инфраструктурой, высоким уровнем задолженности (приложение 2).

Первостепенным в обеспечении финансовой безопасности региона является систематизация и классификация рисков, угроз и вызовов финансовой безопасности, а также реинжиниринг финансовых процессов с учетом полученных данных.

Мы разделяем мнения авторов [86, 186] о необходимости выявления и факторов, которые определяют устойчивость финансовой системы региона и факторов, продуцирующих риски развития финансовой системы региона. Исследование данной проблематики проводилось авторами [60, 62, 86, 92, 135]. Авторская классификация факторов, влияющих на устойчивость развития финансовой системы региона и продуцирование рисков, представлена в табл. 18.

Таблица 18

**Классификация факторов, влияющих на устойчивость развития
финансовой системы региона и продуцирование рисков**

Источники возникновения	Сфера возникновения	Характер воздействия	Сфера воздействия	Уровень развития	Степень регулирования, управления
Внешние глобальные. Внешние национальные. Внутренние национальные. Внутренние региональные	Экономическая. Политическая. Демографическая. Правовая. Информационная. Цифровая. Экологическая. Криминальная	Прямые. Косвенные	Денежно-кредитная. Инвестиционная. Инновационная. Бюджетно-налоговая. Фондовый рынок. Внешнеэкономическая	ВРП. Человеческий капитал. Налоговый потенциал. Бюджетный потенциал. Финансовый потенциал. Инвестиционный потенциал. Инновационный потенциал. Производственный потенциал	Регулируемые. Условно регулируемые. Не регулируемые

Устойчивость финансовой системы региона должна рассматриваться комплексно через оценку развития финансовой сферы региона с использованием системы индикаторов, критериев, целевых ориентиров, пороговых значений. Представляется целесообразным отражение комплексной оценки финансовой системы региона в правовых актах и стратегических документах. Например, стратегии социально-экономического развития региона или стратегии финансовой безопасности региона.

Угрозы финансовой безопасности большинство авторов предлагают разграничить на внутренние и внешние [97, 103, 138, 164, 185]. В таблице 19 представлена систематизация рисков и угроз финансовой безопасности с учетом положений стратегии 2030 года и авторского подхода.

Таблица 19

Систематизация рисков и угроз финансовой безопасности
региона

Сфера	Факторы риска	Внутренние	Внешние
Денежно-кредитная	Прямые	Кризис платежей. Падение денежных доходов населения. Изменение конъюнктуры рынка	Снижение ликвидности банковской системы. Изменения денежно-кредитной политики государства. Банкротство крупнейших банков. Отзыв банковской лицензии. Уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы
	Косвенные	Информационные риски. Риски цифровизации. Низкая конкурентоспособность региональных банков	Изменение политической ситуации (санкции в денежно-кредитной сфере). Цифровые. Информационные
Инвестиционно-инновационная	Прямые	Снижение уровня инвестиционной активности. Ухудшение финансового состояния хозяйствующих субъектов. Ресурсоемкость, низкое качество продукции, высокие издержки. Рост просроченной кредиторской задолженности	Структурные проблемы экономики. Недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики. Неэффективная защита прав собственности. Низкая конкурентоспособность экономики, вызванная технологической отсталостью. Рост частного долга
	Косвенные	Снижение трудовой активности населения	Нарушение состояния окружающей среды
Бюджетно-налоговая	Прямые	Несбалансированность бюджета. Снижение уровня бюджетной обеспеченности. Дефицитность бюджетов. Наращивание государственного долга	Нерациональная структура расходов и доходов внутри бюджетной системы. Несбалансированность национальной бюджетной системы. Рост суверенной задолженности

Окончание таблицы 19

	Косвенные	Корруптированность. Скрытая безработица	Изменения бюджетной политики государства. Изменения налоговой политики государства. Изменение долговой политики государства
Внешнеэкономическая	Прямые	Потеря части внешних рынков. Неразвитость экспортно-ориентированной инфраструктуры	Ограничение доступа к финансовым рынкам. Отток иностранного капитала. Усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе
	Косвенные	Высокий уровень корпоративного внешнего долга	Дестабилизирующая внешняя политика. Стратегия дедолларизации. Нестабильность курса валюты
Фондовая	Прямые	Увеличение доли внутреннего рынка иностранными фирмами. Приобретение иностранными фирмами российских предприятий	Увеличение разрыва между стоимостной оценкой реальных активов и производных ценных бумаг
	Косвенные	Неготовность использовать инструменты фондового рынка	Усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков
Комплексная	Прямые	Высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере. Сохранение значительной доли теневой экономики	
	Косвенные	Слабость институтов власти. Несовершенство законодательной базы в финансовой сфере	Подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам. Усиление конкуренции между странами в экономической и иных сферах

Представленные в таблице риски и угрозы финансовой безопасности актуальны как для национального уровня, так и для регионального. Считаем важным отметить, что к внутренним рискам и угрозам в рассматриваемом аспекте должны относиться те, которые возникают под воздействием региональных факторов. Генерируемые риски и угрозы на глобальном, национальном, макрорегиональном уровнях должны классифицироваться как внешние угрозы. Ряд авторов включают показатели теневой экономики, восприятия коррупции в диагностику финансовой безопасности региона [53, 137]. В научных исследованиях и стратегических документах эти негативные процессы классифицированы как угрозы экономической безопасности [39, 97, 138, 156]. Криминализация экономики, коррупционные потери, рост теневых секторов серьезно ограничивают рыночную конкуренцию, наносят ущерб бюджетам бюджетной системы, деятельности экономических субъектов, способствуют нарастанию социальной нестабильности, как следствие трансформируются в угрозу экономической безопасности на национальном и территориальном уровнях.

Специфичными угрозами устойчивости финансовой системы на региональном уровне являются, прежде всего, в бюджетно-финансовой сфере: неравномерное закрепление доходов в соответствии с возложенными расходными полномочиями; высокий уровень государственного долга субъектов Российской Федерации и проблемная структура с низкой долей использования ценных бумаг как источника долговых обязательств.

В инвестиционной сфере выделяются угрозы неконкурентоспособности производимой продукции, высокой кредитной нагрузки на предприятия, которая в условиях невысокой рентабельности, сдерживает финансовое развитие предприятий, обновление фондов.

В кредитно-банковской сфере: сокращение региональных банков, превышение объемов выданных потребительских кредитов над привлеченными депозитами, информационные угрозы.

На сегодняшний день предупреждение угроз финансовой безопасности и сбалансированное пространственно-региональное развитие, обеспечивающее единство страны как экономической

системы, становятся ключевыми направлениями государственной политики в области экономической безопасности [6].

Основными объединяющими задачами этих направлений можно определить: развитие внутренних источников финансовых ресурсов, инвестиционно-инновационная ориентированность государственной политики, развитие финансовой инфраструктуры и финансовых институтов, обеспечение устойчивости и сбалансированности бюджетной системы.

3.3. Анализ финансовой безопасности в субъектах Российской Федерации

Исследование финансовой безопасности региона сложная системная задача, особенно актуальная в условиях социально-экономической нестабильности и неопределенности. Проведенное исследование позволяет выделить четыре сферы, движение финансовых потоков в которых влияет на количественные и качественные характеристики финансовой системы региона:

- бюджетно-налоговая (включая долговую);
- кредитно-банковская;
- инвестиционная;
- корпоративно-финансовая;
- частно-финансовая.

Бюджетно-налоговая безопасность является ключевым сегментом финансовой безопасности региона, обеспечивающая функционирование региональной социально-экономической системы. Кредитно-банковская безопасность характеризует развитость и доступность финансовых ресурсов для предприятий и населения в форме кредитных средств. Инвестиционная безопасность описывается притоком капиталовложений в экономику региона, которые могут быть ограничены региональными инвестиционными рисками. Корпоративно-финансовая безопасность характеризуется финансовыми результатами деятельности субъектов предпринимательства, хозяйственным оборотом и расширением деятельности. Частно-финансовая безопасность это защищенность уровня доходов населения (домохозяйств), обеспечивающая свободу финансово-экономической активности.

В стратегических документах субъектов Российской Федерации по социально-экономическому развитию к числу факторов устойчивого развития в финансовой сфере относятся факторы: достаточность финансовых ресурсов [11], обеспечение бюджетной устойчивости [10, 12], повышение устойчивости финансового сектора экономики [13], обеспечение долгосрочной сбалансированности и устойчивости бюджетной системы [14].

Взвешенный подход к управлению финансовой устойчивостью субъектов Российской Федерации предполагает проведение политики по долгосрочной сбалансированности бюджетов. Из этого следует, что первостепенными задачами должны быть ограничение дефицитов и уровня долга бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

По итогам 2017 года ряд регионов нарушили предельные значения показателей, характеризующих качество управления финансами (табл. 20).

Таблица 20

Регионы, нарушившие показатели оценки качества управления региональными финансами в 2017 году

Показатель	Пороговое значение	Регионы, нарушившие показатели
Предельный объем государственного долга к общему годовому объему доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений	100 % (50 % для субъектов Российской Федерации с долей МБТ в 2-ух из 3-ех последних лет свыше 40 %) до 01.01.2020 предельный объем госдолга может превышать ограничение на сумму бюджетных кредитов, только для субъектов у которых госдолг на 01.01.2017 > 100 %	Владимирская область Орловская область Тульская область Новгородская область Республика Адыгея Республика Калмыкия Республика Мордовия
Отношение объема заимствований субъекта Российской Федерации в отчетном финансовом году к сумме, направляемой в отчетном финансовом году на финансирование дефицита бюджета и (или) погашение долговых обязательств бюджета субъекта Российской Федерации	100 %	Орловская область Псковская область Кабардино-Балкарская республика

Окончание таблицы 20

Отношение объема расходов на обслуживание государственного долга субъекта Российской Федерации к объему расходов бюджета субъекта Российской Федерации, за исключением объема расходов, которые осуществляются за счет субвенций, предоставляемых из федерального бюджета в отчетном финансовом году	15 %	—
Отношение дефицита бюджета субъекта Российской Федерации к общему годовому объему доходов бюджета субъекта Российской Федерации без учета объема безвозмездных поступлений в отчетном финансовом году	15 % (10 % для субъектов Российской Федерации с долей МБТ в 2-ух из 3-х последних лет свыше 40 %)	Кабардино-Балкарская республика Республика Мордовия
Отношение доли расходов на оплату труда государственных гражданских служащих и (или) содержание органов государственной власти субъекта Российской Федерации к установленному нормативу формирования данных расходов	100 % для субъектов Российской Федерации, в бюджетах которых доля дотаций из федерального бюджета в течение двух из 3-х последних отчетных финансовых лет превышала 10 % объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации	Ненецкий автономный округ

Как видно из таблицы 20 предельный объем государственного долга к общему годовому объему доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений субъекта Российской Федерации был нарушен у 7 регионов. Отношение объема заимствований к сумме, направляемой на финансирование дефицита бюджета не соответствует нормативу у 3-х регионов. Отношение дефицита бюджета к общему годовому объему доходов без учета объема безвозмездных поступлений превысил пороговое значение у 2-х регионов. Один регион — Ненецкий АО — не смог обеспечить нормативы по оплате труда государственных гражданских служащих и (или) содержание органов государственной власти.

Показатели, характеризующие бюджетно-налоговую сферу, должны отразить необходимость развития собственных доходных источников регионального бюджета в свете обозначенных выше проблем российских регионов: дифференциации развития и ресурсной обеспеченности, нарушение принципов бюджетного федерализма, долговая нагрузка, дефицитность.

Дефицит бюджета образуется вследствие несбалансированности расходной части и поступления доходов. Основные финансовые проблемы субфедерального уровня связаны с падением доходов из-за общеэкономических проблем и возросших финансовых обязательств.

В связи с этим к внутренним управленческим факторам можно отнести постоянную корректировку законодательства (S&P, 2015). За последнее десятилетие изменилась ставка налога на прибыль, налога на добавленную стоимость, налога на добычу полезных ископаемых, акцизов, вводились вычеты на налог на доходы физических лиц, перераспределялись доли отчислений от налогов между бюджетами разных уровней.

При этом, именно федеральные налоги НДФЛ и НП являются системообразующими для региональных бюджетов, на их долю приходится в среднем около 55 % налоговых доходов. В 2016 году на их долю пришлось 30,4 % и 23 % доходов бюджетов субъектов Российской Федерации, в 2017 году — 30,2 % и 23,5 % соответственно. Вторая проблема — введение новых расходных обязательств для регионов, в первую очередь это связано с расходами на исполнение «майских» указов. По оценкам S&P регионы сами могут контролировать около 10 % доходов, главным образом неналоговые доходы.

Предельные значения отдельных показателей, которые могут учитываться при оценке бюджетно-налоговой безопасности субъектов Российской Федерации, осуществляющих заимствования, представлены в табл. 21.

Таблица 21

Предельные значения отдельных показателей по бюджетам субъектов Российской Федерации, осуществляющих заимствования

Показатель	Бюджет субъекта Российской Федерации	Примечание
Предусмотрены Бюджетным кодексом Российской Федерации		
Дефицит бюджета	Не более 15 % годового объема доходов без учета безвозмездных поступлений. Для субъектов Российской Федерации с существенной долей дотаций из федерального бюджета (в течение 2-х из 3-х последних отчетных лет превышала 40 % собственных доходов) дефицит бюджета не более 10 % (ст. 92.1 БК Российской Федерации)*	
Предельный объем заимствований	Не более суммы, направляемой на финансирование дефицита бюджета и (или) погашение долговых обязательств (ст. 106 БК Российской Федерации)	
Предельный объем долга	Не более объема доходов без учета безвозмездных поступлений. Для субъектов с существенной долей дотаций из федерального бюджета (в течение 2-х из 3-х последних отчетных лет превышала 40 % собственных доходов) — не более 50 % (ст. 107 БК Российской Федерации)	50 % «Рекомендации по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/долговой политики» МФ Российской Федерации, 2015
Объем расходов на обслуживание долга	Не более 15 % объема расходов за исключением расходов, осуществляемых за счет субвенций из других бюджетов (ст. 111 БК Российской Федерации)	целесообразно снизить порог до 10 %, (5 % — «Рекомендации по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/долговой политики» МФ Российской Федерации, 2015) среднее значение по субъектам 2,3 %**

Окончание таблицы 21

Не предусмотрены Бюджетным кодексом Российской Федерации		
Годовая сумма платежей по погашению и обслуживанию госдолга	Не более 20 % к общему объему налоговых, неналоговых доходов и дотаций из бюджетов других уровней	среднее значение по субъектам 12 %, у 33-х субъектов превышен порог 20 %**
Краткосрочные обязательства	Не более 15 % к общему объему государственного долга	у 12 субъектов превышен порог 15 %**

**Ограничение может быть превышено в пределах сумм поступлений от продажи акций и иных форм участия в капитале и (или) снижения остатков средств на счетах (ст. 92.1. БК Российской Федерации);*

*** оценка Минфина.*

Представленные в таблице 21 предельные значения показателей в совокупности могут быть рассмотрены в качестве индикаторов бюджетно-налоговой безопасности в части оценки долговой безопасности, с учетом корректировки. Пороговое значение по доле расходов на обслуживание государственного долга целесообразно снизить до уровня 10 %, т. к. как среднее значение по всем субъектам составляет не более 2,3 % по этому показателю. Необходимость введения индикатора «краткосрочные обязательства к общему объему государственного долга» объясняется тем, что регионы стремясь заместить коммерческие кредиты краткосрочными бюджетными кредитами существенно усилили зависимость от конъюнктуры финансовых рынков, в краткосрочном периоде это может привести к увеличению расходов на обслуживание государственного долга.

Уровень бюджетно-налоговой безопасности региона является обратно пропорциональным величине бюджетного дефицита, экономически безопасным является бездефицитный бюджет. Доля собственных средств в доходах консолидированного бюджета отражает уровень финансовой независимости экономического субъекта. Отношение государственного долга к собственным доходам бюджета характеризует уровень долговой нагрузки, если показатель более 100 %, то покрыть долг собственными доходами невозможно.

Среди методов проведения типологизации регионов можно выделить: кластерный анализ, метод экспертных оценок, методы сложных группировок и по динамике одного показателя. Оценка должна проводиться в разрезе каждого из совокупности регионов на основе доступных статистических и отчетных данных. Отметим, что метод экспертных оценок имеет ограничения. Во-первых, количество регионов и существенные различия в формировании источников финансовых ресурсов не позволяет регулярно проводить такую оценку в разрезе всех субъектов, во-вторых, сделать репрезентативную выборку экспертов, принадлежащих по роду деятельности в финансовой сфере, также затруднительно.

Для анализа финансовой безопасности может быть использована шкала оценки (таблица 22) уровня финансовой безопасности на основе отклонений от порогового значения. Распределение регионов по группам позволяет выявить уровень безопасности в исследуемой сфере и характерные проблемы для каждой группы регионов.

Таблица 22

Шкала оценки уровня финансовой безопасности региона

Критерий	Шкала оценки уровня финансовой безопасности					
	I	II	III	IV	V	VI
Соответствие выбранного индикатора пороговым значениям и выявление степени отклонения от порогового значения	Высокий уровень безопасности — безопасное состояние	Нормальный уровень безопасности — состояние, соответствующее критериям безопасности	Умеренный уровень опасности — состояние умеренной степени опасности	Средний уровень опасности — состояние средней степени опасности	Высокий уровень опасности — состояние высокой степени опасности	Катастрофический уровень опасности — критически опасное состояние
	Уровень индикаторов выше пороговых значений	Уровень индикаторов соответствует пороговым значениям или приближается к ним	Уровень индикаторов приближен к пороговым значениям (отклонение до 10 %)	Уровень индикаторов ниже пороговых значений (отклонение от 10 % до 25 %)	Уровень индикаторов ниже пороговых значений (отклонение от 25 % до 50 %)	Уровень индикаторов ниже пороговых значений (более 50 %)

Методика исследования может быть расширена за счет сравнения индикаторов в динамике (базисный и наблюдаемый год), в таком случае будет целесообразно при вынесении оценки указывать на тенденцию (уровень опасности с тенденцией к повышению/понижению), в зависимости от того, как будут соотноситься между собой показатели в базисном и наблюдаемом году.

Предельно допустимые показатели (пороговые значения), характеризующие финансовую безопасность в бюджетно-налоговой сфере, могут быть следующие (табл. 23).

Таблица 23

Пороговые значения для индикаторов финансовой безопасности в бюджетно-налоговой сфере (с учетом долговой безопасности)

Индикаторы	Пороговое значение	Приведённое значение
Индикаторы бюджетно-налоговой безопасности		
доходы консолидированных бюджетов субъекта Федерации в расчете на душу населения к среднему по России, тыс. руб.	Не менее 100 % к среднероссийскому показателю	Не менее 1
расходы консолидированных бюджетов субъекта Федерации в расчете на душу населения к среднему по России, тыс. руб.	Не менее 100 % к среднероссийскому показателю	Не менее 1
доля собственных средств* в доходах консолидированного бюджета, %	Не менее 0,75 % к доходам бюджета	Не менее 0,75
отношение государственного долга к собственным доходам бюджета, %	Не более 50 % к собственным доходам бюджета	Не более 0,5
дефицит бюджета субъекта Федерации к собственным доходам, %	Не более 10 % к собственным доходам бюджета	Не более 0,1
доля дефицита бюджета субъекта в объеме ВРП, %	Не более 1 % к объему ВВП	Не более 0,01
Индикаторы долговой безопасности		
объем расходов на обслуживание долга в объеме расходов за исключением расходов, осуществляемых за счет субвенций из других бюджетов, %	Не более 10 % к объему расходов за исключением расходов, осуществляемых за счет субвенций	Не более 0,1
годовая сумма платежей по погашению и обслуживанию госдолга к общему объему налоговых, неналоговых доходов и дотаций из бюджетов других уровней, %	Не более 20 % к общему объему налоговых, неналоговых доходов и дотаций	Не более 0,2
краткосрочные обязательства к общему объему государственного долга, %	Не более 15 % к общему объему государственного долга	Не более 0,15

**Под собственными средствами, собственными доходами в исследовании принимаются налоговые и неналоговые доходы.*

Авторами предлагаются рассматривать в качестве пороговых ориентиров следующие значения индикаторов следующие показатели бюджетно-налоговой сферы. Доходы консолидированных бюджетов субъекта Федерации в расчете на душу населения и расходы консолидированных бюджетов субъекта Федерации в расчете на душу населения к среднероссийскому показателю. Пороговое значение не менее 1 объясняется тем, что на всей территории страны должны обеспечиваться равные возможности для граждан в сфере социальных гарантий и обеспечения сопоставимых условий жизни.

Доля собственных средств бюджета в доходах консолидированного бюджета региона предлагается оцениваться исходя из уровня порогового значения 0,75. Именно такой уровень обеспечивает должный уровень самостоятельности и независимости властей региона в принятии социально-экономических решений.

Отношение государственного долга к собственным доходам бюджета региона целесообразно ограничить значением 0,5. Этот уровень обоснован и в рекомендациях по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/долговой политики. Привлечение больших объемов заимствований приводит к существенной нагрузке на бюджет, в том числе и на обслуживание госдолга. В краткосрочном периоде регион не сможет пропорционально нарастить собственные доходы, что подтолкнет к формированию дефицита, ограничит финансирование актуальных направлений и, как следствие, приведет еще к одному витку государственных заимствований.

В связи с вышесказанным оценка безопасного уровня дефицита бюджета субъекта Федерации может быть проведена с использованием одного из двух показателей. Отношение дефицита бюджета субъекта к собственным доходам бюджета не должно превышать 0,1. Второй показатель доля дефицита бюджета субъекта в объеме ВРП региона, пороговое значение ограничим 0,01. По нашим расчетам пороговое значение в 1 % ВВП по итогам 2016 года превысили 20 % всех субъектов бюджетов, В связи с этим пороговое значение для дефицита государственного бюджета, установленное Маастрихским договором (The Treaty of Maastricht) в 3 % ВВП, что представляется завышенным для региональных бюджетов.

Пороговые значения для индикатора «объем расходов на обслуживание долга в объеме расходов за исключением расходов, осуществляемых за счет субвенций из других бюджетов» не более 0,1; для индикатора «годовая сумма платежей по погашению и обслуживанию госдолга к общему объему налоговых, неналоговых доходов и дотаций из бюджетов других уровней» не более 0,2; для индикатора «краткосрочные обязательства к общему объему государственного долга» не более 0,15. Данные значения обоснованы Министерством финансов Российской Федерации и отражены в проекте Основных направлений долговой политики на 2017–2019 гг.

Авторами в рамках проведенного исследования был проанализирован уровень бюджетно-налоговой безопасности региональных бюджетов за 2016 год с использованием индикаторов: доходы консолидированных бюджетов субъекта Федерации в расчете на душу населения к среднему по России; расходы консолидированных бюджетов субъекта Федерации в расчете на душу населения к среднему по России; доля собственных средств в доходах консолидированного бюджета; отношение государственного долга к собственным доходам бюджета; дефицит бюджета субъекта Федерации к собственным доходам. После сопоставления фактических данных с пороговыми значениями, были выявлены отклоняющиеся показатели. Затем полученные данные анализировались на предмет отклонения от порогового значения, что свидетельствовало о соответствии/несоответствии критерию безопасности по данному показателю. Расчетные значения по каждому индикатору представлены в приложении 6.

Значимость частного показателя определялась как соотношение фактических и предельных (пороговых) значений. Приведение показателей по каждому субъекту для сопоставления путем нормирования способом линейного масштабирования не показали должной точности при анализе места региона в итоговом рейтинге даже после корректировки весовых коэффициентов. Например, Республика Татарстан, имеющая устойчивые показатели выше пороговых значений оказывалась далеко от уровня ведущих регионов и занимала 19 место. Кроме того, отдельные регионы не могли быть включены в рейтингование, поскольку имели показатели в десятки

раз отличающиеся от среднего значения по регионам, например, Ненецкий автономный округ.

В связи с этим, были проведены расчеты отклонений по каждому индексу от пороговых значений. В зависимости от процента отклонений региону выставлялось место от 1 до 6 в соответствии со шкалой оценки уровня безопасности (табл. 22). Итоговый балл рассчитывался как среднее геометрическое по совокупности значений индексов по каждому показателю и соответствующего места региона.

В завершение анализа был определен итоговый показатель для каждого региона: чем меньше значение (минимальное равно единице), тем более высокий уровень безопасности в бюджетно-налоговой сфере имеет регион (приложение 7). Итоги проведенной типологизации регионов представлены в таблице 24.

Таблица 24

Типологизация регионов по уровню финансовой безопасности
в бюджетно-налоговой сфере

Уровень безопасности (соответствующий)		Субъект Российской Федерации	
I	Высокий уровень безопасности — безопасное состояние (итоговый балл от 1 до 1,1)	Москва Ленинградская область Московская область Мурманская область Республика Татарстан Хабаровский край	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра Сахалинская область Ямало-Ненецкий АО Красноярский край
II	Пограничный уровень безопасности — нестабильное состояние (итоговый балл от 1,2 до 1,4)	Калининградская область Республика Алтай Республика Саха (Якутия) Чукотский автономный округ Ненецкий автономный округ	Санкт-Петербург Амурская область Магаданская область
III	Умеренный уровень опасности — состояние умеренной степени опасности (итоговый балл от 1,5 до 1,7)	Республика Коми Белгородская область Липецкая область Калужская область Новгородская область Нижегородская область Самарская область Свердловская область Новосибирская область Воронежская область Владимирская область Астраханская область Республика Башкортостан Ульяновская область Тюменская область Волгоградская область	Тульская область Ярославская область Архангельская область Вологодская область Приморский край Пермский край Кемеровская область Рязанская область Смоленская область Тверская область Краснодарский край Ростовская область Оренбургская область Саратовская область Омская область Челябинская область

Окончание таблицы 24

IV	Средний уровень опасности — состояние средней степени опасности (итоговый балл от 1,8 до 2,2)	Томская область Еврейская АО Забайкальский область Камчатский край Республика Бурятия Иркутская область Брянская область Курская область Республика Адыгея Ставропольский край Республика Марий Эл Республика Сев. Осетия — Алания	Республика Карелия Тамбовская область Республика Тыва Псковская область Республика Хакасия Республика Ингушетия Республика Удмуртия Республика Чувашия Пензенская область Ивановская область Кировская область
V	Депрессивный уровень опасности — состояние высокой степени опасности (итоговый балл от 2,3 до 3,6)	Чеченская республика Карачаево-Черкесская Республика Республика Крым Костромская область Кабардино-Балкарская Республика	Республика Дагестан Курганская область Алтайский край Орловская область Республика Калмыкия Севастополь Республика Мордовия
VI	Катастрофический уровень опасности — критически-опасное состояние (итоговый балл от 3,6 и более)	Отсутствуют	

Большинство субъектов Федерации (33) относится к 3 типу — состояние умеренной степени опасности, 23 субъекта Федерации находятся в зоне 4 типа — состояние в средней степени опасности. 10 субъектов (Москва, Московская и Ленинградская области, Ямало-ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Сахалинская область, Красноярский и Хабаровский края, Республика Татарстан, Мурманская область), что составляет около 11 % от всех регионов, находятся в безрисковой зоне, 10 субъектов (Челябинская область, Магаданская область и Республика Башкортостан, Мурманская область балансируют в пограничном состоянии. К 6 типу, катастрофическому, уровню опасности не отнесен ни один регион.

По рейтингу социально-экономического положения субъектов Российской Федерации по итогам 2016 года⁵ ведущими регионами являются Москва и Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Московская область и

⁵ [Электронный ресурс]: URL: <http://riarating.ru/regions/20170530/630063753.html>

Республика Татарстан. Уровень финансовой безопасности в целом подтвердил эти характеристики. За исключением Санкт-Петербурга, состояние бюджетно-налоговой системы субъекта классифицировано как пограничный уровень опасности.

При всей значимости такого показателя как дефицит бюджета, он не является абсолютным индикатором риска. Наибольшие уровни дефицита складывались в Республике Хакассия (21 %, V тип), Ненецком АО (18 %, II тип). При этом регионы с IV и V типом опасности исполнили бюджеты с профицитом Республика Ингушетия — 3 %, Республика Дагестан — 1,9 %, Чеченская Республика — 1,2 %.

Таким образом, для обеспечения бюджетно-налоговой безопасности регионов важно своевременно выявить потенциальные угрозы, используя непрерывный мониторинг показателей. К основным угрозам региона в этой сфере относятся недостаточность собственных доходов, постоянно изменяющееся бюджетное и налоговое законодательства, дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития и по обеспеченности собственными доходами источниками бюджетов, наличие значительных кредитных обязательств регионов, уклонение плательщиков от уплаты налогов в бюджет, сокращение региональной собственности и проблемы с ее эффективным управлением.

ГЛАВА 4. СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ, МИНИМИЗАЦИИ ТЕНЕВОГО СЕКТОРА В ЭКОНОМИКЕ И ПОДДЕРЖАНИЯ ПРИЕМЛЕМОГО КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Состояние экономической безопасности в регионах России в сфере минимизации теневого сектора в экономике

В отечественной и зарубежной научной литературе отсутствует единое понимание категории «теневая экономика». Это объясняется невозможностью описания объекта исследования со столь сложной структурой при помощи одного лаконичного определения. Кроме того, следует учитывать, что характер теневой экономики сильно отличается в разных регионах мира. Западные страны с развитой рыночной экономикой и африканские государства основу производства которых составляет сельское хозяйство имеют совершенно разные теневые сектора экономики. Таким образом становится очевидным, что все определения категории «теневая экономика» формулируются исследователями исходя из необходимости решения конкретных задач и не могут претендовать на универсальность.

А. А. Куклин и Г. А. Агарков выделяют четыре теоретико-методологических подхода в определении теневой экономической деятельности: учетно-статистический, правовой, криминологический и комплексный [109, с. 39]. Л. А. Кормишкина и О. М. Лизина помимо вышеназванных отмечают существование в литературе ещё двух подходов: экономического и кибернетического [102, с. 10–13].

В рамках экономического подхода рассматриваются вопросы методов измерения теневой экономики, оценки влияния данного явления на макроэкономические процессы и эффективность проведения государственной экономической политики, поведения субъектов теневой деятельности и функционирования отдельных нелегальных рынков. По мнению Е. И. Кузнецовой, отличительной чертой данного подхода является использо-

вание институциональной методологии ставящей в центр исследования социально-экономические институты теневой экономики и закономерности их развития [106, с. 234].

Критерием выделения теневой экономики в рамках учетно-статистического подхода является отсутствие фиксации экономических явлений и процессов официальной статистикой. Например, по мнению И. Ю. Фалинского теневая экономика представляет собой совокупность «не выявленных открытыми проверочными методами финансово-хозяйственных операций» [88, с. 39]. Конструктивный потенциал данного подхода состоит в том, что количественная оценка скрытой части производственной деятельности полезна при выработке государственной социально-экономической политики, особенно в странах с высокой долей теневого сектора.

При правовом подходе основным критерием отнесения экономической деятельности к теневому сектору является её отношение к действующему законодательству (уклонение от государственной регистрации или контроля, коррупция, контрабанда, нелегальное производство, нарушение антимонопольного, рекламного и иного законодательства регулирующего предпринимательскую деятельность). Так А. А. Ку克林 и Г. А. Агарков полагают, что теневая экономика — это «деятельность хозяйствующих субъектов по производству товаров и услуг, прямо не запрещенных законодательством, но ведущаяся с нарушением законодательных и иных норм» [107, с. 40].

Криминологический подход в качестве критерия отнесения к теневой экономике предполагает наличие вреда личности и обществу. Как пишет А. А. Смирнов «Конструктивный или деструктивный характер деятельности выступает исходным критерием отнесения её различных видов к нормальной или теневой экономике. Поэтому теневой экономикой надо признать всякую экономическую деятельность, противоречащую общественным интересам, т. е. идущую в ущерб народу той страны, где она осуществляется» [156, с. 7]. Сильной стороной данного подхода является возможность рассмотрения объекта независимо, безотносительно к системе действующего законодательства.

В рамках кибернетического подхода теневая экономика понимается как саморегулируемая, но управляемая система. Здесь разрабатываются эконометрические модели по прогнозированию развития и управления теневым сектором, его взаимодействия с легальной экономикой. Так в работе А. А. Куклина, А. С. Найденова, А. Е. Судаковой, Г. А. Агаркова представлен необходимый экономико-математический инструментарий и проведены: анализ ущерба наносимого теневой экономикой различным сферам жизнедеятельности, оценка состояния различных экономических сфер в условиях влияния теневого сектора и определен масштаб влияния кризисных явлений на размер теневой экономики [110].

Комплексный подход предполагает использование различных концепций (статистических, экономических, правовых, социологических, этических и пр.), а также критериев в целях максимально полного изучения столь многогранного по своей сути объекта исследования как теневая экономика. Примером подобного синтеза является подход С. С. Быкова, А. П. Кириенко и Е. Н. Невзоровой, которые в целях изучения преступности сформулировали понятие теневой экономики с выделением в ее составе криминальной (нарушающей уголовное законодательство) и скрытой (в целом легальной, но не фиксированной) составляющих [65].

Необходимость минимизации теневого сектора в экономике определяется её негативным влиянием на как на национальную экономику, так и на и региональные экономические системы. К отрицательным последствиям теневой экономики относятся:

- сокращение доходной части бюджета в результате уклонения от уплаты налогов субъектами теневой экономической деятельности;
- снижение эффективности макроэкономической политики в условиях отсутствия достоверных данных о динамике теневого сектора. Так если теневой сектор растёт быстрее легального, стимулирующая политика правительства может привести к «перегреву» экономики, сопровождающемуся высокими темпами инфляции;

- деформация структуры экономики, проявляющаяся в том, что более быстрыми темпами растут виды деятельности, представленные в теневом секторе (производство незаконных товаров и услуг, финансово-спекулятивная и торгово-посредническая деятельность), или связанные с его обслуживанием (информационные, транспортные и прочие услуги);

- деформация инвестиционных процессов вызванная оттоком капитала за рубеж, поскольку криминальная активность ухудшает инвестиционный климат страны. Кроме того, организованная преступность заинтересована в извлечении максимальной прибыли в минимальные сроки и вывозу её из страны. Таким образом легальная экономика лишится необходимых инвестиционных ресурсов;

- нарушение эффективности рыночного механизма. Фирмы работающие в тени, имеют недобросовестно полученные конкурентные преимущества перед фирмами, открыто осуществляющими свою деятельность благодаря экономии на уплате налогов и социальных отчислений, а также игнорированию правил конкуренции;

- ухудшение экологической ситуации, вызванное несоблюдением теневым бизнесом природоохранных норм и отсутствием с его стороны платежей за пользование природными ресурсами;

- нарушение прав потребителей посредством предоставления товаров и услуг ненадлежащего качества;

- нарушение прав наемных работников, осуществляющих трудовую деятельность без документального оформления своих отношений с работодателем.

Перейдем к оценке состояния экономической безопасности в регионах Российской Федерации в сфере минимизации теневого сектора экономики посредством изучения динамики объёмов теневой экономики.

В настоящее время существует широкое многообразие методов измерения теневой экономической деятельности. Однако в силу сложной структуры теневой экономики, универсальные методы измерения данного явления отсутствуют. Исходя из этого выбор того или иного метода диктуется конкретными задача-

ми, стоящими перед исследователем. Наибольшее распространение получили методы специфических индикаторов, подразделяющиеся на прямые и косвенные методы [143].

Прямые методы представляют собой проведение всевозможных обследований, опросов и аудиторских проверок (например, осуществляемых налоговыми органами). Цель налогового аудита состоит в выявлении расхождений между заявленными доходами и доходами, выявленными в результате проверки. Использование прямых методов имеет свои преимущества и недостатки. Сильной стороной опросов является возможность получить достаточно подробную информацию о структуре теневой экономической деятельности. Слабой стороной — высокая роль субъективных факторов, влияющих на достоверность результатов исследования. Так готовность респондентов сотрудничать различается как от их индивидуальных качеств, так и от способа проведения опроса. Кроме того, респондентам бывает достаточно сложно количественно оценить результаты незаявленной в налоговые органы деятельности.

Преимуществом оценки теневой экономики посредством другого прямого метода — проверок официальными органами является возможность количественного измерения определенных сторон теневой деятельности. Недостатком выступает искажение получаемых данных, поскольку выборка объектов исследования не является случайной, а основывается на имеющихся в распоряжении фискальных органов данных, сигнализирующих о вероятности мошенничества с налоговыми выплатами.

Косвенные методы предполагают оценку отдельных, главным образом макроэкономических индикаторов, которые отражают определенные стороны теневой экономики. Источником информации здесь выступают данные официальной статистики, финансовых и налоговых органов. Примерами косвенных методов являются метод доходов и расходов, метод технологических коэффициентов, итальянский метод и др.

Метод доходов и расходов, предполагает определение величины теневого сектора посредством измерения разницы между зафиксированными в системе национальных счетов размерами дохода и расхода валового национального продукта. Отметим, что данные, полученные указанным методом характеризу-

ются сомнительной надежностью, что определяется стремлением органов статистики минимизировать расхождение между этими двумя показателями [143].

Метод технологических коэффициентов основывается на определении динамики реального объема валового внутреннего продукта при помощи наблюдения за косвенными показателями (потребление электроэнергии, грузоперевозки и т. д.). Полученные данные сравниваются с официальными что даёт представление о теневом секторе экономики. Недостатками этого метода является выпадения из поля зрения видов теневой деятельности не требующих энергозатрат (например, коррупции), а также несовпадение динамики энергопотребления и промышленного производства в случае искусственного регулирования цен на электроэнергию или возможности не оплачивать её в течении длительного времени [102, с. 60].

Расчет показателей занятости (итальянский метод). Данный метод разработан Итальянским институтом статистики и основывается на изучении затрат рабочей силы. Поскольку респондентов не спрашивают о доходах, они охотно участвуют в опросах и раскрывают информацию об отработанном рабочем времени. Полученные данные дают представление о фактическом уровне занятости. Разность фактического и официально зарегистрированного уровня занятости вместе с данными о производительности труда позволяют оценить выпуск теневого сектора экономики. Итальянский метод предоставляет достоверные данные о теневой составляющей малого бизнеса, который имеет наибольшие возможности для занижения показателей производства с целью уклонения от уплаты налогов. Условием достоверности данных получаемых итальянским методом является низкая мобильность населения.

В качестве объекта измерения теневой экономической деятельности может выступать отдельно взятое предприятие, регион, национальная и мировая экономика. Отметим, что оценка теневой экономики в региональном разрезе представляет собой более сложную задачу чем проведение соответствующих исследований на национальном уровне. Это определяется следующими причинами:

- высокая стоимость измерения. Так использование прямых методов потребует проведения соответствующих исследований во всех 85 субъектах Российской Федерации, в то время как при оценке теневого сектора на национальном уровне достаточно будет использовать выборочный подход в отборе территорий и объектов для изучения;

- ограниченность статистических показателей. Поскольку регионы страны в отличие от государств представляют собой открытые экономические системы, на региональном уровне нельзя достоверно зафиксировать определенные экономические показатели (например, информацию о перемещении трудовых ресурсов и финансовых потоков между отдельными субъектами Федерации). По этой причине органы статистики не рассчитывают на региональном уровне такие показатели как величину скрытой оплаты труда и смешанных доходов, что сокращает возможности оценки теневой экономики в регионах.

Вопросы измерения теневой экономики России на региональном уровне представлены в работах А. С. Мартынова, В. В. Артюхова, В. Г. Виноградова, С. Николаенко, Я. Лиссоволика, Р. МакФаркара, Т. В. Комаровой, Е. Ю. Перфиловой, Д. Ю. Федотова, Е. Н. Невзоровой, Е. Н. Орловой и др. Остановимся на исследованиях, проведенных данными авторами более подробно.

А. С. Мартынов, В. В. Артюхов и В. Г. Виноградов осуществили сравнение динамики объема производства на основе использования ряда натуральных показателей (электропотребления, перевозки грузов, потребления моторного топлива, грузооборота, выбрасываемых в окружающую среду отходов производства) и учтенного органами статистики производства продукции в отраслях промышленности, строительства и сельского хозяйства. Полученные данные позволили сделать выводы о развитии теневого производства в регионах России за период с 1990 по 1995 годы. В качестве территорий с наиболее высокой долей неучтенного производства были выделены крупные центры (Москва и Санкт-Петербург), депрессивные регионы (Ивановская область, Таймырский, Эвенкийский и Коми-Пермяцкий округа), преимущественно аграрные территории (Орловская,

Курганская и Астраханская области, а также республика Калмыкия) и приграничные районы (Калининград, Дагестан и Дальний Восток). В качестве причин, объясняющих высокий уровень теневизации экономик данных территорий авторы называют высокий уровень криминализации бизнеса в первом случае, низкие доходы во втором и третьем, и развитие контрабанды в четвертом случае [118].

С. Николаенко, Я. Лисоволик, Р. МакФаркар проводили исследование теневого сектора экономики российских регионов в 1997 году при помощи трех методов: метода уплаты налогов, метода безработицы и метода доходов. Полученные этими методами показатели были положительно коррелированы, однако коэффициент корреляции оказался достаточно низким. По мнению авторов, это объясняется тем, что использованные методы затрагивают разные стороны теневой деятельности. Результаты исследования показали положительную связь между объемом теневой экономики и бартером, а также отрицательную связь между размером теневой экономики и такими показателями как ВРП на душу населения и уровень преступности. В качестве причины последнего результата авторы называют подрыв преступностью стимулов к теневой производственной деятельности. Также было выявлено, что наиболее высокие показатели теневой экономики наблюдаются в приграничных регионах [37].

Еще одно исследование теневой экономики в российских регионах второй половины 1990-х годов было проведено Т. В. Комаровой. Работа была осуществлена в два этапа: на первом этапе методом электропотребления был измерен уровень теневой экономики по регионам, на втором — при помощи эмпирических моделей проводилось изучение факторов, влияющих на развитие теневого сектора. Автор нашла выраженную отрицательную связь между изменениями объема теневой экономики с одной стороны и изменениями в уровне жизни и политической стабильностью с другой. Кроме того, было определено, что первоначальный рост преступности стимулирует развитие теневого сектора в среднесрочном периоде, однако дальнейшая динамика уровня преступности практически не связана с изменениями объема теневой экономики. Еще одним выводом было то, что первоначально высокий уровень благосостояния

(реальных расходов населения) стимулирует рост теневой деятельности в среднесрочном периоде, однако происходящие изменения в уровне благосостояния (безотносительно к уровню благосостояния) отрицательно связаны с динамикой объема теневой экономической деятельности [100].

Е. Ю. Перфилова провела оценку уровня теневой экономики на региональном уровне за 2001–2007 годы при помощи метода общего электропотребления и метода регистрируемой и нерегистрируемой безработицы. Первый метод показал рост доли теневой экономики за изучаемый период, второй — сокращение теневого сектора. По мнению автора, данное расхождение объясняется различием индикаторов теневой активности, которые лежат в основе использованных методов. Регионами где по результатам расчётов обоих методов наблюдалось уменьшение доли теневой экономики названы Брянская область, Курская область, Смоленская область, Ярославская область, Ленинградская область и другие. Регионами с возрастающей долей теневого сектора определены Тамбовская область, Республика Ингушетия и Чувашская республика. Факторами, способствующими повышению уровня теневой экономической деятельности автор называет рост уровня безработицы и уровня бедности. Отрицательное влияние на изменение доли теневой экономики оказывают доля госслужащих в количестве занятого населения, а также доходы и расходы населения [144].

Измерение величины теневой экономики в российских регионах за период с 2010 по 2013 годы было проведено Д. Ю. Федотовым, Е. Н. Невзоровой и Е. Н. Орловой. В основе исследования лежала авторская методика расчёта доли теневой экономики в ВРП на основе отклонения данных Федеральной налоговой службы от данных Федеральной службы государственной статистики. В качестве регионов с наибольшей долей теневого сектора были выделены Сахалинская область, Республика Дагестан и Кабардино-Балкарская Республика. Особого внимания заслуживает результат, который ставит под сомнение общепринятую точку зрения о наличии прямой зависимости между налоговой нагрузкой и масштабами теневой экономики. Большинство субъектов Российской Федерации (53 региона) показали обратную зависимость между данными параметрами, то есть повышение налого-

вой нагрузки на бизнес способствовало снижению величины теневого сектора, и наоборот. При этом в 39 регионах наблюдалась устойчивая обратная корреляционная зависимость (с коэффициентом корреляции свыше 50 %). По мнению авторов, данная ситуация объясняется тем, что регионы имеющие высокий производственный потенциал собирают значительные суммы налоговых платежей, которые направляются на создание качественной производственной и социальной инфраструктуры. Получение общественных благ хорошего качества в свою очередь мотивирует налогоплательщиков платить налоги в полном объеме [179].

Для оценки уровня теневой экономики на региональном уровне мы воспользовались методикой, разработанной Д. Ю. Федотовым, Е. Н. Невзоровой и Е. Н. Орловой. В рамках данной методики считается, что единственной составляющей валового регионального продукта, которая содержит результаты теневой активности является валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы. Исходя из этого размер (доля в ВРП) теневого сектора в экономике каждого региона определяется при помощи вычитания из величины валовой прибыли ее легальной составляющей. Величина легальной прибыли определяется на основе размера налоговой базы по налогу на прибыль организаций.

Авторы обращают внимание на возможные погрешности в расчётах по ряду регионов из-за искажения исходных данных. Причинами искажения являются особенности методики расчёта ВРП (ряд экономических операций рассчитывается Росстатом только по стране в целом) и перевод крупнейшими налогоплательщиками (ПАО «НК «РОСНЕФТЬ», ПАО «Газпром нефть» и др.) налоговой базы по налогу на прибыль от мест добычи и переработки нефти в Москву и Санкт-Петербург, где расположены головные офисы компаний. В случаях, когда из-за особенностей уплаты налога на прибыль нефтегазодобывающими корпорациями наблюдается выраженная погрешность результатов (отрицательные значения показателя теневой деятельности), исследователи предлагают пользоваться информацией о величине прибыли которую компании предоставляют органам статистики. В остальных случаях предпочтение отдаётся данным налоговой отчетности ввиду их большей достоверности. Последнее определяется ответственностью компаний за искажение налоговых

данных, а также проверками и исправлениями налоговыми органами предоставляемых им сведений.

Результаты выполненных расчётов приведены в приложении 8.

По результатам исследования за период с 2013 по 2015 годы, можно сделать вывод об ухудшении состояния экономической безопасности в регионах Российской Федерации в сфере минимизации теневого сектора в экономике. Рост теневой экономики отмечен в большинстве федеральных округов: в Центральном федеральном округе (на 4,9 %), в Северо-Западном федеральном округе (на 1 %), в Южном федеральном округе (на 0,3 %), Северо-Кавказском федеральном округе (на 2,8 %), в Сибирском федеральном округе (на 4,5 %) и в Дальневосточном федеральном округе (на 2,3 %).

В разрезе субъектов Российской Федерации увеличение теневого сектора в экономике произошло в 56 регионах, тогда как уменьшение — лишь в 26 регионах страны. Рост теневого сектора в структуре валового регионального продукта на 5 % и более наблюдался в 17 регионах. Наиболее серьезное увеличение доли теневой экономики отмечено в Республике Мордовия (на 26 %), Новгородской области (на 14,3 %), Красноярском крае (на 11,1 %), Республике Саха (Якутия) (на 9,8 %), Вологодской и Кемеровской областях (на 8,9 %). Существенное снижение доли теневой экономики в ВРП произошло в Ленинградской области (на 14 %) и Республике Бурятия (на 6,2 %).

Регионами с наибольшей долей теневого сектора в структуре ВРП на 2015 год оказались Республика Дагестан (76,6 %), Сахалинская область (72 %), Белгородская (60,5 %) и Тамбовская области (60,4 %), а также Кабардино-Балкарская Республика (59,8 %). Наименьшее развитие теневая экономическая деятельность получила в Магаданской области (14,3 %), Мурманской области (20,9 %) и Санкт-Петербурге (21,4 %).

Увеличение размеров теневой экономики в большинстве регионов страны можно объяснить влиянием ряда факторов. Во-первых, высоким уровнем коррупции, с которой теневая экономическая деятельность находится в тесных отношениях взаимного воспроизводства. Во-вторых, экономическим спадом, в условиях которого фирмы стремились снизить налоговую

нагрузку. Подобное сокращение расходов помогало предприятиям сдерживать рост цен тем самым обеспечивая свою конкурентоспособность. В-третьих, росту теневого сектора способствовало ухудшение условий кредитования. Недоступность привлечения заёмных средств ввиду высоких процентных ставок побуждала бизнес накапливать собственные средства для обеспечения инвестиционного процесса.

Основным направлением минимизации теневой экономики в российских регионах является создания комплекса благоприятных условий для ведения честного предпринимательства. В результате издержки от нахождения в формальной экономике (налоговая нагрузка, проверки контролирующих органов, необходимость выплачивать легальную заработную плату и осуществлять социальные платежи) должны быть ниже, чем издержки нахождения в «тени» (коррупционные расходы, издержки возможных наказаний, низкая доступность кредитов) [48; 41]. Таким образом можно наметить контуры системы мер по минимизации теневой составляющей в региональных экономиках, которая включает: сокращение административных барьеров для бизнеса, проведение гибкой налоговой политики, улучшение условий кредитования, развитие системы госзаказов и инвестиционных программ, борьбу организованной преступностью и коррупцией, повышение покупательной способности населения.

4.2. Состояние экономической безопасности в регионах России в сфере противодействия коррупции

В вопросе определения коррупции наблюдается отсутствие единого понимания данного социально-экономического явления. Это неудивительно в силу изменяющегося многообразия коррупционных практик, эволюционирующих в неотъемлемом единстве с экономической системой. Поскольку движущий мотив коррупционеров — получение личной выгоды, они весьма изобретательны в нахождении новых способов незаконного обогащения [54, с. 54]. Кроме того, невозможность универсального определения коррупции проистекает из культурного многообразия нашей планеты. «Политический лидер или государственный чиновник

оказывающий помощь друзьям, членам семьи и соратникам, в одном обществе может рассматриваться как достойный уважения гражданин, а в другом — как презренный коррупционер» — пишет по этому поводу Роуз-Аккерман [155, с. 5].

Отсутствие единого понимания термина «коррупция» характерно как для представителей научной общественности, так и для законодателей. Как отмечает А. Ф. Ноздрачев, сложность правового определения коррупции явилась причиной его отсутствия во многих странах, таких как Австрия, Великобритания, Дания, Индия, Китай, США, Швейцария, Финляндия и др. Наказание за конкретные коррупционные преступления осуществляется там на основе определений соответствующих составов: «взятка», «подкуп», «злоупотребление властью» и т. д. В нормативно-правовых актах других стран термин «коррупция» определен, однако, по мнению А. Ф. Ноздрачева, эти определения не отличаются чёткостью и логичностью [139].

Правовое определение коррупции в России существует в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273 ФЗ «О противодействии коррупции». Согласно этому документу коррупция — это: а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица [4].

В целом положительная реакция научной общественности на принятие данного закона не лишена ряда критических замечаний. Н. В. Щедрин полагает необходимым определить перечень субъектов коррупции. Важность этого объясняется, например тем, что согласно ст. 1 действующей редакции закона (где дается определение коррупции), юридические лица не могут являться субъектами коррупции, что противоречит ст. 14 «Ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения».

Кроме того, прописанное в законе определение цели коррупции, как извлечение имущественной выгоды, выводит за пределы коррупционных деяний целый пласт служебных злоупотреблений для получения неимущественных выгод [190]. Э. В. Талапина отмечает, что в законе сделан акцент на незаконности действия служащего, однако зачастую коррупционные преступления могут совершаться с использованием служебного положения при формальном следовании букве закона (например, коррупционная стимуляция предоставленного законодательством права выбора служащего). Кроме того, пишет Э. В. Талапина, в законе были перечислены не все известные преступления коррупционной направленности, например незаконное участие в предпринимательской деятельности и легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества [166, с. 6].

Существующие в научной литературе взгляды на понимание сущности коррупции можно разделить на три группы [54, с. 55]. Критерием классификации здесь будет выступать тот или иной набор преступлений, попадающих в разряд коррупционных.

Первая точка зрения нашла отражение в работах ряда исследователей-криминологов и была сформулирована задолго до принятия законодательного определения коррупции в нашей стране. Согласно данному подходу коррупция отождествляется исключительно с продажностью представителей власти. Инициатором и основным выгодоприобретателем коррупционной сделки в виде подкупа может быть как чиновник (взятополучатель), так и представитель бизнеса, или гражданин (взятодатель). Отметим, что подобное толкование коррупции соответствует представлению о ней среди большинства наших сограждан. Как отмечает Н. П. Купрешенко, в России отсутствует четкое представление о коррупции, общественное мнение под этим термином понимает исключительно взяточничество [113].

А. И. Долгова в своем учебнике «Криминология» приводит следующее объяснение столь узкой трактовки коррупции «... чрезмерно широкое толкование коррупции практически означало объединение под одним термином очень разных по своей криминологической характеристике явлений: и хищений, и должностных преступлений, и коррупции в собственном смысле слова как подкупа-продажности». По мнению А. И. Дол-

говой только подкуп-продажность носит обязательный для коррупции характер двухсторонней сделки. Хищение, злоупотребление должностными полномочиями и их превышение может совершаться субъектами в одиночку.

Как отмечает Н. Ф. Кузнецова более широкое понимание коррупции, чем подкуп одних лиц другими «... не только нецелесообразно, но не согласуемо с принципом дифференциации вины, ответственности и дифференциации наказания. В уголовном праве это весьма осложнило бы законодательную регламентацию хозяйственных и должностных преступлений, внесло бы путаницу в квалификацию преступлений и их наказуемость» [106, с. 22–23].

По нашему мнению, понимание коррупции как синонима взяточничества неплототворно, поскольку сужает понимание данного явления в сравнении как с международными правовыми актами, так и с действующим российским законодательством.

Вторая точка зрения на сущность коррупции значительно шире, поскольку относит к коррупции любое корыстное поведение чиновника. Б. В. Волженкин в связи с этим отмечал, что коррупция представляет собой «... социальное явление в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют своё служебное положение, статус, авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [69, с. 47]. Схожую позицию по вопросу высказывал Г. Н. Борзенков, полагавший, что коррупция есть «разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях» [56, с. 30]. Недостатком подобного подхода является локализация коррупции исключительно в сфере государственного и муниципального управления.

Третья точка зрения в вопросе определения коррупции предполагает расширение списка субъектов коррупции, а следовательно, и набора коррупционных преступлений. К коррупционерам причисляются так же представители коммерческих и иных структур использующих должностное положение в целях извлечения личной выгоды.

Так С. В. Максимов пишет, что «коррупция — это использование государственными, муниципальными и иными публичными служащими (в том числе депутатами и судьями) либо служащими коммерческих и иных организаций (в том числе международных) своего статуса для незаконного получения каких-либо благ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера) либо предоставление последним таких преимуществ» [116, с. 10].

Отметим популярность данного подхода за рубежом. В статье профессора университета Сассекса, Дэниэла Хью, опубликованной во влиятельном американском издании *Washington Post*, коррупция определяется как проблема, поразившая не только государственный сектор, но и частный бизнес. Примерами этого, автор статьи называет скандал с межбанковской ставкой Libor в Великобритании и скандал, связанный с занижением показателей вредных выбросов от автомобильных двигателей в США, в центре которого оказался Volkswagen. В обоих случаях корыстное поведение представителей бизнеса привело к негативным общественным последствиям, будь то влияние на процентные ставки по ипотечным кредитам или экологическая опасность [36].

Подобный подход в трактовке коррупции представляется наиболее привлекательным с точки зрения авторитетной в экономической теории модели принципал-агентских отношений. Принципал (собственник) делегирует полномочия на текущее управление компанией агенту (менеджеру). При этом агент склонен к проявлению оппортунистического поведения, т. е. реализации своих эгоистичных интересов, в ущерб интересам акционеров. Данная проблема может быть так же перенесена на отношения между гражданином и государством. Согласно статье 3 Конституции Российской Федерации, народ — являющийся носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации передаёт часть своих властных полномочий органам государственной власти и местного самоуправления [1]. Таким образом, в этих отношениях граждане выступают принципалом, а государство — агентом. Соответственно представители государства, точно так же, как и наёмные менеджеры, будут выступать источником оппортунистического по-

ведения, т. е. реализовывать свои личные или корпоративные интересы за счет интересов общества.

Оппортунистическое поведение агентов становится возможным благодаря асимметрии информации, т. е. ситуации, когда агент владеет большей информацией о текущем положении дел, чем принципал. На основе модели принципал-агентских отношений Г. Сатаров определяет коррупционное поведение как «... разновидность оппортунистического поведения агента, при котором последний использует ресурсы принципала не для решения задач принципала, а для достижения своих собственных целей» [47, с. 24]. Признаками коррупционного поведения агента, по мнению исследователя, являются: нарушение контракта (в том числе неформального) с принципалом, предательство интересов принципала, воровство или неэффективное использование ресурсов принципала. При этом Г. Сатаров обращает внимание на то, что данное определение фиксирует только коррупционное поведение, являющееся одной из составляющих такого сложного и многогранного явления как коррупция. Дать же универсальное определение коррупции просто не представляется возможным [47, с. 24]. Согласимся с данным утверждением. Попытка дать всеобъемлющее определение коррупции приведет к построению чрезмерно громоздкой и неудобной для решения конкретных исследовательских задач теоретической конструкции.

Несмотря на свои теоретико-методологические достоинства, максимально широкая трактовка коррупции имеет существенный недостаток — сложность измерения. В связи с этим Г. Сатаров — глава фонда ИНДЕМ, проводившего ряд широкомасштабных социологических исследований коррупции в России, отмечает, что данные исследования не смогли охватить всё коррупционное пространство. Вне поля зрения оказались корпоративная коррупция, т. е. коррупция в коммерческих организациях; коррупция внутри органов власти, например вертикальное движение коррупционных доходов между различными уровнями власти; коррупция, связанная с криминальным бизнесом. Кроме того, лишь ограниченному изучению подвергался крупный бизнес, поскольку его представители недоступны интервьюерам количественных опросов [154, с. 58].

Оценить эффективность противодействия коррупции органами власти возможно при помощи изучения динамики коррупции. Здесь следует отметить, что измерение коррупции, это достаточно сложная задача по нескольким причинам. Во-первых, определение уровня коррупции затруднено из-за неоднозначности трактовки самого термина коррупция. Перед исследователями стоит вопрос, определять ли коррупционный рынок только размерами взяток, или сюда следует включать все незаконные доходы, возникающие у субъектов, наделённых властью распоряжаться не принадлежащими им ресурсами. Во-вторых, незаконность данного экономического поведения подразумевает его скрытость от официальной статистики.

В качестве наиболее востребованных в вопросе измерения коррупции можно выделить использование методов правовой статистики и социологические методы исследования. Методы правовой статистики предполагают количественное изучение массовых юридических явлений, в данном случае преступлений коррупционной направленности. Основным преимуществом использования данного метода является регулярность поступающей информации. Недостатком — невозможность определения ряда показателей (объемы рынков коррупционных услуг, соотношение спроса и предложения на коррупционные услуги, надежность и качество данных услуг и др.), так как в поле зрения исследователя попадает только небольшой фрагмент изучаемого явления в виде зарегистрированных правоохранительными органами случаев коррупции.

Социологические методы исследования можно разделить на три группы. Первая — социологические опросы значительного количества респондентов, в выборку которых включаются граждане, представители бизнеса и эксперты (например, проект «Worldwide Governance Indicators», проводимый Всемирным банком). Вторая — социологические исследования, построенные на основе получения экспертных оценок (такие исследования как «Nations in transit», осуществляемое Freedom House). Третья — обобщающие показатели, выставляемые на основе агрегирования предлагаемых различными организациями рейтингов коррупционности (самый известный — Индекс восприятия коррупции, составляемый «Transparency international») [162, с. 3]. Результаты

подобных исследований представлены в виде индексов, при помощи которых можно сопоставлять уровень коррупции в разных государствах или регионах одной страны. Сильной стороной социологических методов исследования является их экономичность, т. е. возможность получить информацию о состоянии и динамике значительного количества показателей основываясь на интервьюировании относительно небольшого количества респондентов (или агрегировании данных представленных другими исследователями). Слабой стороной является опасение ряда респондентов обсуждать тему коррупции, особенно когда интервьюируются жители небольших населенных пунктов или речь заходит о их личном коррупционном опыте.

Наиболее известным оценочным показателем, позволяющим судить о масштабах коррупции в той или иной стране мира, является Индекс восприятия коррупции (ИВК), составляемый международной неправительственной организацией «Transparency international». Данный индекс представляет собой ежегодно составляемый интегральный показатель, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран. Методика составления ИВК представляет собой агрегирование результатов рейтингов коррупционности, полученных посредством опросов экспертов и представителей деловых кругов независимыми экспертными организациями. В ходе исследования страны ранжируются по шкале от нуля до ста баллов, где ноль означает максимальный, а сто — минимальный уровень восприятия коррупции в государственном секторе страны.

Россия впервые была включена в ИВК в 1996 г. и набрала тогда 2,6 балла из 10 (по старой 10-бальной шкале), заняв 47-е место из 54-х присутствующих в списке стран. Затем позиция Российской Федерации в индексе стала ухудшаться и в 2000 г. она охарактеризовалась всего в 2,1 балла. Последующая положительная динамика достигла своего максимума в 2004 г., когда Россия набрала 2,8 балла и заняла 90-ю позицию из 145 возможных, после чего наступило очередное падение. В 2014 году Российской Федерации получила 27 баллов из 100 и заняла 136-е место из 175 стран, поделив его с Нигерией, Ливаном, Кыргызстаном, Ираном и Камеруном. По мнению экспертов организации, устойчивое нахождение России в нижней трети ИВК на

протяжении многих лет свидетельствует о «... нерешительности в преследовании коррупционных преступлений и хаотичности мер по предотвращению коррупции ...» [89].

В период с 2015 по 2017 годы Россия несколько улучшила своё положение в ИВК, набирая 3 года подряд 29 баллов. Происходившая смена места в рейтинге (2015 г. — 119-е, 2016 г. — 131-е, 2017 г. — 135-е) связана исключительно с изменениями в других странах, а также изменением количества и состава стран-участниц исследования. Согласно комментарию учредителя Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл — Россия» Е. Панфиловой, положительное изменение места России в индексе 2015 года было вызвано процессом «... сжимания коррупционной «кормовой базы» в силу текущей экономической ситуации, а также введением в правовое поле целого ряда весьма обременительных для публичных должностных лиц ограничений в части декларирования имущества и доходов, а также владения зарубежной собственностью» [89]. В настоящее время Россия по-прежнему имеет репутацию чрезмерно коррумпированной страны и остается в последней трети входящих в рейтинг стран.

Еще одним широко известным исследованием, измеряющим уровень коррупции, является «Worldwide Governance Indicators» проводимое Всемирным банком. В рамках проекта осуществляется обобщение информации об эффективности государственного управления полученной посредством проведения социологических опросов граждан, представителей бизнеса и экспертов. В результате исследования стране присваивается процентильный ранг. Процентильный ранг — это ранг определенной страны среди всех государств участвующих в данном исследовании, где 0 — соответствует самому низкому, а 100 — самому высокому рангу. Соответственно более высокий ранг говорит более эффективном государственном управлении в той или иной сфере. Интересующий нас показатель — контроль за коррупцией отражает представления респондентов о том, в какой степени государственная власть всех уровней управления используется ради получения личной выгоды, а также отражает «захват» государства элитами и частными интересами.

Контроль за коррупцией имел для России примерно ту же динамику, что и ИВК. Начиная с 1996 года, когда Российская Федерация набрала 15,1 проц., стала наблюдаться положительная тенденция, приведшая в 2003 году к показателю в 26,3 проц. После этого небольшого успеха произошло снижение, которое достигло своего дна в 2009 году с показателем в 11 проц. В настоящее время ситуация улучшилась: на 2016 год контроль за коррупцией в России составил 18,8 проц. [43].

Заслуживает определенного внимания проект «Nations in transit», реализуемый общественной организацией Freedom House, имеющей штаб-квартиру в США. В рамках данного проекта происходит исследование уровня развития демократии, в странах так называемого «переходного периода», т. е. имеющих недавнее коммунистическое прошлое. Методология исследования предполагает ранжирование определенных показателей по шкале от 1 до 7, где 1 означает максимально высокий уровень демократического прогресса, а 7 самый низкий. Тот или иной бал выставляется на основе экспертных оценок.

Одним из семи изучаемых показателей является коррупция, индекс которой для России середины 2000-х находился на уровне 6 баллов, после чего стал изменяться в худшую сторону. Начиная с календарного 2013 года по настоящее время рассматриваемый показатель приблизился к возможному максимуму и составил 6,75 балла, ухудшившись на 0,25 балла по сравнению с 2012 г., когда он находился на уровне 6,5. Столь высокое значение уровня коррупции объясняется в отчете «Nations in transit» высокой коррумпированностью Президента и его ближайшего окружения. Борьба с коррупцией в России определяется, как избирательная мера призванная лишь дисциплинировать непослушные элиты [36]. Однако есть вероятность, что объективность экспертов американской организации была искажена охлаждением внешнеполитических отношений с Российской Федерацией. Напомним, что США крайне недружественно отреагировали на присоединение Крыма к России и позицию Российской Федерации по украинскому вопросу. Данное опасение не беспочвенно, поскольку согласно финансовым отчетам Freedom House, приблизительно 80 % доходной части бюджета организации формируется за счет грантов правительства США.

Любопытно отметить, что согласно отчету «Nations in transit» уровень коррупции в Украине, чья правящая элита пользуется поддержкой американской администрации, напротив снизился, и составил 5,75 баллов в 2017 г. по сравнению с 6,25 баллами в календарном 2013 году [36].

Таким образом можно сделать следующий вывод — международные организации, занимающиеся изучением проблемы коррупции, в течении всего времени проводимых исследований диагностировали высокий уровень коррупции в Российской Федерации. Несмотря на определённое расхождение во мнениях касательно динамики и уровня коррупции, по их мнению, Россия входит в число наиболее коррумпированных стран мира. Подобная репутация страны в глазах мирового сообщества наносит серьёзный ущерб экономической безопасности т. к. отпугивает потенциальных инвесторов и деловых партнеров из-за рубежа.

Переходя к вопросу изучения российской коррупции в региональном разрезе приходится констатировать нехватку масштабных социологических исследований в этой области. Если определением уровня коррупции на уровне государств на регулярной основе занимается значительное число организаций (Transparency international, The World Bank, Freedom House и др.), то социологические исследования по измерению коррупции в регионах России осуществляются лишь эпизодически.

Международная неправительственная организация Transparency international проводила исследование «Индексы коррупции Российских регионов» в 2002 году. Проект был основан на опросах 200 граждан и 100 предпринимателей в каждом из 40 участвующих в исследовании субъектов Российской Федерации. В результате исследования наиболее высокий уровень коррупции показали Краснодарский край, Саратовская область, Республика Удмуртия и Приморский край. Наименее коррумпированными показали себя Республика Башкортостан, Архангельская, Кемеровская, Тюменская и Ярославская области [34].

Министерство экономического развития Российской Федерации и Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение» проводили социологический опрос, направленный на изучение уровня бытовой коррупции по регионам страны в 2010 году. Данное исследование охватило 17,5 тыс. респондентов

в 70 субъектах Федерации. Задаваемые респондентам вопросы позволили определить такие показатели коррупционного рынка как «коррупционный охват», «интенсивность коррупции», «средний размер взятки» и др. В результате реализации проекта был составлен обобщенный индекс уровня бытовой коррупции в региональном разрезе. Данный индекс позволил сформировать рейтинг коррумпированности регионов России, верхние позиции которого заняли Челябинская, Кемеровская, Новосибирская, Ярославская и Оренбургская области. Наименьший уровень коррупции согласно данному рейтингу наблюдался в Республике Башкортостан, Ивановской области, Алтайском крае, Калининградской области и республике Мордовия.

На протяжении 2011–2012 годов Европейским банком реконструкции и развития в партнерстве с Группой Всемирного банка в регионах России проводилось исследование «Состояние деловой среды и показатели деятельности предприятий» (BEEPS V). В ходе реализации проекта опросу подверглись руководители более чем 4200 произвольно выбранных малых, средних и крупные предприятия из 37 регионов России. Данные организации представляли обрабатывающую промышленность, оптовую и розничную торговлю, транспорт, строительство, а также различные виды услуг. Респонденты оценивали различные препятствия развития бизнеса, одним из которых выступает коррупция. Согласно полученным результатам в Москве, Санкт-Петербурге, Калужской, Курской, Тверской, Калининградской, Ленинградской, Новосибирской, Омской, Волгоградской, Свердловской, Самарской, Ульяновской областях и республике Башкортостан в качестве основного сдерживающего фактора деловой среды являлась коррупция.

Данные социологические исследования дают представление об уровне коррупции в субъектах Федерации на определенный период времени. Однако поскольку они были выполнены разными организациями на основе отличающихся методологий, результаты данных проектов не могут быть сопоставимы друг с другом. Это является серьезной проблемой, т. к. препятствует изучению динамики коррупции в региональном разрезе.

Регулярные данные о состоянии коррупции по федеральным округам и регионам страны можно получать из статистиче-

ских данных о преступлениях коррупционной направленности предоставляемых Министерством внутренних дел Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Необходимая статистическая информация также содержится отчетах региональных органов власти о противодействии коррупции, однако недостатком использования данного источника является отсутствие единообразия показателей и запаздывание в публикации данных, что затрудняет межрегиональное сравнение.

Субъектами Федерации — лидерами по количеству зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290 УК Российской Федерации (получение взятки) и ст. 291 УК Российской Федерации (дача взятки) за 2017 год являются г. Москва и Московская область. Отметим, что подобное лидерство является характерным для Москвы, не опускавшейся за последние несколько лет ни по одному из названных преступлений ниже 3-го места⁶. На другом конце рейтинга формируемого Генеральной прокуратурой находятся Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ — в этих регионах за 2017 год не было зарегистрированного ни одного случая получения и дачи взятки.

Рассмотрим динамику преступлений коррупционной направленности на основании статистических данных приведенных в ежемесячных сборниках «Состояние преступности в России» Генеральной прокуратуры Российской Федерации (табл. 25).

Таблица 25

Динамика преступлений коррупционной направленности
зарегистрированных в федеральных округах
Российской Федерации

Федеральные округа	2013		2014		2015		2016		2017	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Центральный ФО	9266	21,80	6572	20,5	6361	19,6	6420	19,5	5838	19,7
Северо-Западный ФО	3430	8,07	3206	10,0	3181	9,8	3095	9,4	2786	9,4
Южный ФО	3940	9,27	3430	10,7	3603	11,1	4017	12,2	3645	12,3

⁶ Статистические данные на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации представлены с 2010 года.

Окончание таблицы 25

Северо-Кавказский ФО	2567	6,04	1924	6,0	2207	6,8	2074	6,3	2519	8,5
Приволжский ФО	9317	21,92	7662	23,9	7627	23,5	7803	23,7	6667	22,5
Уральский ФО	6478	15,24	3110	9,7	2953	9,1	3029	9,2	2815	9,5
Сибирский ФО	6197	14,58	4617	14,4	4609	14,2	5004	15,2	3941	13,3
Дальневосточный ФО	1313	3,09	1347	4,2	1461	4,5	1449	4,4	1393	4,7
Крымский ФО	–	–	160	0,5	487	1,5	–	–	–	–
Всего	42506	100	32060	100	32455	100	32924	100	29634	100

Соответственно, за период с 2013 г. по 2017 г. число выявленных преступлений коррупционной направленности в целом по регионам страны снизилось на 30,3 % (с 42506 до 29634 случаев). Рост коррупции произошел только в Дальневосточном ФО на 6,1 %. Остальные округа продемонстрировали снижение преступлений коррупционной направленности: Уральский ФО на 56,5 %, Центральный ФО на 37 %, Сибирский ФО на 36,4 %, Приволжский ФО на 28,4 %, Северо-Западный ФО на 18,8 %, Южный ФО на 7,5 %, Северо-Кавказский ФО на 1,9 % [71].

Отметим, что к представленным в статистических сборниках Генеральной прокуратуры Российской Федерации преступлениям коррупционной направленности относятся не только дача и получение взятки, но гораздо более широкий спектр преступлений. Согласно указанию Генпрокуратуры России и МВД России от 27 декабря 2017 года № 870/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» к преступлениям коррупционной направленности относятся: Злоупотребление должностными полномочиями (ч. 2, 3 ст. 285 УК Российской Федерации); Нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК Российской Федерации); Нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК Российской Федерации); Превышение должностных полномочий (ч. 2, 3 ст. 286 УК Российской Федерации); Присвое-

ние полномочий должностного лица (ст. 288 УК Российской Федерации), Незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК Российской Федерации), Получение взятки (ст. 290 УК Российской Федерации); Дача взятки (ст. 291, 291.1, 291.2 УК Российской Федерации); Служебный подлог (ст. 292 УК Российской Федерации), а также ряд других преступлений выходящих за рамки гл. 30 УК Российской Федерации.

Таким образом, данные правовой статистики показывают серьезное (почти на треть) снижение преступлений коррупционной направленности за последние 5 лет, что даёт основание сделать вывод о высоком уровне успешности проводимой в стране политики по противодействию коррупции. Однако этот вывод плохо согласуется с рейтингами международных неправительственных организаций, которые определяют уровень коррупции в Российской Федерации как стабильно высокий. Данное противоречие можно объяснить тем, что успехи проводимой государством антикоррупционной кампании существенно сократили мелкую бытовую коррупцию, что было зафиксировано в соответствующей статистике правоохранительных органов. В тоже время деловая и политическая коррупция не понесли столь серьезных потерь, что и нашло отражение в рейтингах зарубежных организаций, исследующих коррупцию.

Важность противодействия коррупции определяется её губительным влиянием на экономическую безопасность. Перейдем к рассмотрению вопроса о последствиях коррупционных практик. В связи с этим необходимо отметить существование в научной литературе точки зрения, согласно которой коррупция имеет целый ряд положительных последствий [52]. Проанализируем основные доводы приводимые в пользу коррупции.

Считается, что коррупция обеспечивает доступ к ресурсам наиболее эффективным собственникам, т. е. тем, кто готов заплатить за тот или иной ресурс максимальную цену. Однако в этом случае также необходимо учитывать, что давший взятку представитель бизнеса будет стремиться компенсировать понесенные коррупционные издержки за счет снижения качества производимого продукта или повышения его цены.

Согласно еще одному доводу в пользу коррупции, она смягчает издержки от чрезмерного и зачастую противоречивого

государственного регулирования экономики. Слабость данного аргумента состоит в игнорировании того обстоятельства, что представители бизнеса в целях минимизации издержек будут обходить при помощи взяток любые административные барьеры, а не только устаревшие и неэффективные. Если не обращать внимания на коррупцию даже в некоторых частных случаях, она неизбежно начнет распространяться и поражать все новые и новые точки соприкосновения общества, бизнеса и государства. Неизбежным результатом подобного развития событий будет снижение эффективности государственных институтов и нарастающий хаос. Кроме того, если общество вместо устранения неэффективности государственного регулирования экономики пойдет по пути наименьшего сопротивления и предпочтет взятки реформам, то чиновники-коррупционеры со своей стороны будут всеми силами добиваться сохранения текущего положения вещей с целью регулярного получения своих преступных доходов.

Наконец существует тезис о том, что коррупция способна сократить издержки ожидания на принятие представителем власти положительного решения, иными словами она экономит такой невозполнимый ресурс как время. Стоит заметить, что данный аргумент справедлив исключительно при наличии конкуренции между различными государственными учреждениями, каждое из которых способно обеспечить принятие окончательного положительного решения того или иного вопроса. В случае если мы сталкиваемся с чиновником (либо учреждением) обладающим монопольной властью он, как и всякий монополист, будет придерживаться политики «ценовой дискриминации» способствующей получению максимального дохода с каждой оказанной услуги. Такой коррупционер будет заинтересован в искусственном создании максимально долгого периода ожидания, который и будет инструментом, побуждающим стоящих в очереди субъектов раскошелиться. В другой ситуации, при наличии нескольких инстанций, каждая из которых не способна обеспечить принятие исчерпывающего положительного решения, а может лишь «пропустить» на следующий этап бюрократической лестницы, о снижении издержек ожидания так же можно забыть. Многоступенчатая коррупция повышает обще-

ственные издержки пропорционально количеству имеющихся инстанций [52, с. 299].

Необходимость эффективного противодействия коррупции определяется отрицательными последствиями коррупционного поведения для бизнес-структур, представителей гражданского общества и его институтов, а также органов государственной и муниципальной власти. Основным результатом коррупции является формирование неблагоприятных институциональных условий для общественно-экономического развития. Представляется оправданной систематизация негативных последствий коррупции на следующие категории: экономические, социальные, управленческие и политико-правовые последствия.

Экономические последствия коррупции. Распространение деловой коррупции (т. е. коррупции между представителями бизнеса и государства) повышает административные барьеры предпринимательской деятельности. В случае количественной ограниченности предоставляемых государственными органами лицензий, разрешений и иных возможностей доступ к ним будет осуществляться лишь посредством участия в коррупционных отношениях. При этом коррупционеры в целях минимизации риска быть пойманными пойдут на незаконные сделки только с проверенными и надежными партнерами (друзьями, родственниками, инсайдерами) [76, с. 12]. Остальных претендентов будут ждать искусственно созданные препятствия.

Коррупцию можно в полной мере считать инструментом получения недобросовестных конкурентных преимуществ. Возможность и готовность со стороны некоторых рыночных агентов давать взятки создает неравные условия в получении доступа к тем ресурсам и преференциям, которые контролирует государство. Кроме того, дача взятки коррумпированному чиновнику, занимающемуся проверками коммерческих организаций способна привести к остановке деятельности компании конкурента или как минимум к нарушению её нормального функционирования. В результате критерием победы в конкурентной борьбе становится не экономическая эффективность, а ловкое нарушение закона путем участия в коррупционных схемах.

Коррупция создает дополнительные издержки для бизнеса, которые предприниматели закладывают в цену реализуемых на рынке товаров и услуг. Вымогать взятки могут не только представители государственных органов, но и контрагенты внутри производственной цепочки. В любом случае, неизбежным результатом коррупционных сделок будет рост расходов, которые несет бизнес и которые он впоследствии перекладывает на плечи потребителей. Для примера обратимся к отечественному рынку молока. Согласно исследованию молочной отрасли, проведенному Центром антикоррупционных исследований «Трансперенси интернешнл Россия», доля коррупционных издержек в конечной стоимости молока составляет от 15 до 30 %. Коррупционное давление на производителей молока возникает как со стороны органов власти (барьеры при входе на рынок, избыточное регулирование, навязывание местных перерабатывающих заводов в качестве покупателей) так и со стороны торговых сетей (откаты менеджерам) [52].

Можно предположить и обратную ситуацию, когда коррумпированный чиновник сокращает издержки фирмы. Например, взятка способна заменить большую по размерам таможенную пошлину или же таким образом можно уменьшить размер уплачиваемых налогов. Однако в этом случае наносится прямой ущерб государству, поскольку подобные действия сотрудников таможни и налоговых органов приводят к сокращению доходной части бюджета. Подтверждением этого являются систематизированные С. Роуз-Аккерман данные, которые описывают потери бюджетов ряда африканских государств из-за недоимок таможенных сборов и налоговых платежей в 3,6–9 % от их ВВП [155, с. 21–23].

Коррупция способствует криминализации экономики. Теневая экономика и коррупция находятся в отношениях взаимного воспроизводства. С одной стороны, субъекты теневой экономики формируют коррупционные отношения с представителями государственной власти, поскольку это определяет их безнаказанность и благополучное существование. С другой — коррупционеры в интересах сохранения своих нелегальных доходов вынуждают представителей теневой экономики продолжать заниматься скрытой либо нелегальной деятельностью [99, с. 22].

Криминализация экономики в свою очередь оказывает сдерживающее влияние на экономическое развитие. В частности, коррумпированность представителей судебной системы, правоохранительных органов и руководителей коммерческих организаций является обязательным условием существования такого явления как рейдерство. Данная проблема напрямую касается реального сектора российской экономики. Согласно международному индексу частной собственности 2017 года (International Property Rights Index), защита материальной собственности в России оценивается на 4,1 балла из 10 возможных, что по данному показателю определяет Россию на 112 место из 127 стран, участвующих в рейтинге [42]. Перспектива стать жертвой рейдерского захвата при попустительстве или активном участии не «чистых на руку» представителей власти подрывает мотивацию компаний осуществлять инвестиционные расходы. Это является одним из объяснений того факта, что объем инвестиций в основной капитал в России традиционно не достигает пороговой для обеспечения экономической безопасности двадцатипятипроцентной отметки⁷.

Социальные последствия коррупции. Коррупция способствует увеличению дифференциации в доходах между наиболее богатыми и наиболее бедными слоями населения. Уклоняться от уплаты налогов, беспрепятственно получать нужные лицензии и разрешения, приватизировать государственное имущество без реальной конкурентной борьбы и получать прочие выгоды от участия в коррупционных схемах могут себе позволить только состоятельные, обладающие нужными связями люди. Можно с уверенностью утверждать, что коррупция осуществляет перераспределение ресурсов в пользу элит.

Распространение бытовой коррупции, существующей в сфере рутинных взаимоотношений государства и гражданина, приводит к деградации человеческого капитала. Происходит общее снижение эффективности работы институтов социальной сферы (здравоохранения, образования и пр.) т. к. качество оказываемых услуг начинает зависеть от дачи взятки.

⁷ В % от валового внутреннего продукта.

Другим последствием распространения бытовой коррупции является приостановка лифтов социальной мобильности, поскольку в этих условиях получает широкое распространение практика покупки должностей. Исследование состояния бытовой коррупции в Российской Федерации, проводившиеся Министерством экономического развития и фондом «Общественное мнение» в 2010 г. показало, что на получение желаемых должностей в системе государственной службы приходилось 2,5 % от годового объема рынка бытовой коррупции. Средний размер взятки за должность составлял 8000 руб. [162, с. 25].

Серьезно угрожает безопасности людей деловая коррупция, в сфере контроля за соблюдением правил, норм и стандартов, принятых в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан. В результате коррупционной стимуляции представителей проверяющих органов последние закрывают глаза на серьезные нарушения установленных требований во время приемки строительных объектов, оценки уровня экологической опасности предприятий, при проведении пожарных и санитарных инспекций. Следствием подобных практик является возникновение чрезвычайных ситуаций с человеческими жертвами.

Управленческие последствия коррупции проявляются в утрате эффективности органов государственной власти, поскольку коррумпированные чиновники ориентируются на реализацию своекорыстных интересов, в ущерб интересам граждан. Происходит общее падение уровня управленческой культуры. Руководители перестают быть образцом трудовой дисциплины т. к. основное внимание уделяют участию в коррупционных схемах, заботясь лишь о формальных показателях, а не о реальных результатах выполняемой работы. Должности, предполагающие возможность получения рентных доходов продаются, а не распределяются в соответствии с компетенциями кандидатов. Наиболее важной функцией назначенного таким образом чиновника становится сбор взяток с последующей передачей их части на вышестоящий уровень руководства.

Политико-правовые результаты распространения коррупции заключаются в потере легитимности государственных институтов в глазах общества и распространению правового нигилизма. Воровство при распределении бюджетных средств, ис-

пользование должностного положения для покровительства аффилированным коммерческим структурам, предоставление иммунитета представителям криминального мира, вымогательство при оказании государственных услуг населению и прочие коррупционные практики чиновников делают власть неэффективной и несправедливой в глазах общества. Кроме того, регулярное нарушение коррумпированными представителями государства правовых норм приводит к тому, что институт права начинает восприниматься обществом как номинальный, не обязательный для исполнения свод предписаний.

Высокая опасность коррупции сигнализирует о необходимости разработки и применения комплекса мер по эффективному противодействию данному явлению. Основные направления противодействия коррупции, представленные в нормативно-правовых документах федерального и регионального уровней управления и научной литературе, можно разделить на три категории: профилактика, пресечение и устранение последствий преступлений коррупционной направленности [51; 61; 70; 93; 123]. Значительное внимание уделяется профилактическим мерам, которые предполагают регулярное осуществление антикоррупционного мониторинга, проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов, минимизацию возможностей коррупционного поведения государственными и муниципальными служащими (контроль за соблюдением правил служебного поведения, урегулирование конфликта интересов, контроль за своевременным и полным предоставлением сведений о доходах и расходах и т. д.), формирование неприятия коррупционных практик у населения посредством проведения просветительской антикоррупционной работы и пр. Меры способствующие пресечению преступлений коррупционной направленности должны быть направлены на совершенствование законодательства и правоприменительной практики для эффективной работы правоохранительных органов. Устранение негативных последствий коррупции представляется более сложной и весьма длительной в своем выполнении задачей. Сюда можно отнести преодоление в общественном сознании культивируемого коррупцией правового нигилизма посредством фактического обеспечения равенства всех

граждан перед законом и информировании населения о выявленных случаях коррупции. Кроме того, обществу необходимо компенсировать полученные в результате коррупции отрицательные внешние эффекты, что можно успешно осуществить посредством введения в антикоррупционное законодательство нормы о конфискации имущества коррупционеров.

4.3. Состояние экономической безопасности в регионах Российской Федерации в сфере поддержания приемлемого качества и уровня жизни населения

Формированию приемлемого качества и уровня жизни населения уделяется значительное внимание в программных документах федерального и регионального уровней управления. Так стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года в качестве одной из целей государственной политики содержит повышение уровня и улучшение качества жизни населения. Данная цель логически вытекает из необходимости нейтрализации зафиксированных в документе угроз: роста дифференциации населения по уровню доходов, недостаточности трудовых ресурсов, снижения качества и доступности образования и медицинской помощи, что приводит к снижению качества человеческого потенциала.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года содержится тезис о возрастании роли человеческого капитала до основного фактора экономического развития. Благодаря этому улучшение условий жизни россиян и качества социальной среды определяются как необходимые факторы для успешного перехода от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического роста.

Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года главной целью развития формулирует устойчивое повышение благосостояния населения и сокращение различий в условиях жизни во входящих в состав округа субъектах Федерации. Отправной точкой реализации заявленной цели в документе называется

формирование экономической базы, позволяющей увеличивать доходы населения, а также бюджетов субъектов Северо-Западного федерального округа и муниципальных образований. Также в стратегии предполагается софинансирование ряда социальных программ из федерального бюджета.

В программных документах регионального уровня управления определенное внимание уделено механизмам, направленным на улучшение уровня и качества жизни населения. Так в рамках стратегии социально-экономического развития Псковской области до 2020 года такими механизмами являются:

- программный механизм (разработка и реализация ряда областных долгосрочных целевых программ, а также усиление участия области в наиболее значимых для сохранения человеческого потенциала региона федеральных целевых программах);
- институционально-организационный механизм (обеспечение работы трёхсторонних комиссий по урегулированию трудовых отношений и реализация нормативных актов по адресной помощи отдельным категориям населения);
- информационный механизм (мониторинг рынка труда, ситуации на рынке социально-значимых товаров, социальной и миграционной ситуации в области).

Обратимся к содержанию категорий уровень жизни и качество жизни населения. В научной литературе отсутствует единодушное мнение по поводу их толкования [55, с. 33; 125, с. 103; 167, с. 4].

Например, В. А. Свободин полагает, что «более широким понятием является термин «уровень жизни», а термины «качество жизни», «образ жизни» раскрывают, характеризуют определенные его составляющие части» [156, с. 66].

С другой стороны, Е. А. Морозова и В. А. Шабашев отмечают, что для большинства исследователей качество жизни выступает более ёмкой категорией по отношению к уровню жизни и включает в себя не только уровень материального потребления, но и реализацию духовных потребностей, условия среды обитания, морально-психологическое состояние и т. д. [125, с. 104].

Л. А. Беляева также рассматривает качество жизни как более широкую категорию по сравнению с уровнем жизни. Если уровень жизни определяется условиями существования человека в сфере потребления, то качество жизни включает как уровень жизни, так и условия, относящиеся к экологической среде, социальному благополучию, политическому климату и психологическому комфорту [55, с. 33–34].

Схожую позицию занимают С. В. Кузнецов, Ю. И. Растова и М. А. Растов — по их мнению «дефиниция «качество жизни» объединяет цели и ценности как отдельного человека, так и общества целом, чем отличается от понятия «уровень жизни» (благополучие), связанного с объемом реальных доходов на душу населения и соответствующим объемом потребления» [112, с. 138].

В работе А. И. Татаркина, Е. В. Васильевой и В. П. Чичканова под качеством жизни понимается «сочетание ряда условий, характеризующихся физическим, психологическим и социально-экономическим благополучием населения региона и возможностями развития отдельной личности» [167, с. 4]. Уровень жизни трактуется исследователями как одна из составляющих качества жизни населения.

Сравнивая категории уровень жизни и качество жизни Б. Л. Токарский и Н. М. Токарская как более содержательную определяют категорию качество жизни. По их мнению, «качество жизни характеризует не только объективные жизненные условия, но и ценностное отношение людей, их субъективное восприятие» [173, с. 203].

В рамках данной работы будет использоваться преобладающий в научной литературе подход, согласно которому качество жизни является более общей категорией, включающей в себя уровень жизни, демографическую ситуацию, уровень занятости населения и безопасность проживания.

Перейдем к вопросу изучения состояния экономической безопасности в регионах Российской Федерации в сфере поддержания приемлемого качества и уровня жизни населения. Отметим, что в настоящее время оценка качества и уровня жизни в российских регионах приобретает особую актуальность, поскольку запрос на информационную открытость в данном во-

просе исходит как со стороны гражданского общества, так и со стороны органов государственной власти.

В программных документах как федерального, так и регионального уровней присутствуют целевые показатели с установленными значениями. Метод сопоставления заявленных значений с фактическими данными даёт возможность оценить не только качество и уровень жизни населения, но и эффективность выполнения органами управления стоящих перед ними в этой области задач.

Ещё одним методом определения уровня и качества жизни в российских регионах являются рейтинги. Рейтинг представляет собой совокупность объектов, упорядоченных в соответствии с выбранным критерием. Например, эксперты Рейтингового агентства «РИА Рейтинг», входящего в медиагруппу «Россия сегодня» с 2011 года формируют рейтинг российских регионов по качеству жизни на основе данных публикуемой официальной статистики. Данное исследование охватывает все субъекты Российской Федерации и проводится при помощи значительного количества показателей (в рейтинге за 2017 год использовались 72 показателя объединенные в 11 групп) [151]. К сожалению, начиная с 2014 года в публикуемых материалах отсутствуют рейтинговые баллы по каждой группе показателей и в открытом доступе содержатся только интегральные рейтинговые баллы регионов [112, с. 140].

В рамках данного исследования мы будем оценивать уровень и качество жизни населения регионов с точки зрения их соответствия критериям экономической безопасности. Для оценки экономической безопасности используется метод сопоставления фактических и предельно допустимых (пороговых) значений системы показателей (индикаторов). Параметры пороговых значений могут формироваться на основе значений, утвержденных органами государственной власти, использования экспертных оценок, расчётов натуральных нормативов (например, социальных норм потребления), а также сопоставления российских показателей с отечественными показателями прошлых лет или данными развитых стран. К сожалению, в настоящее время многие исследования не содержат должного обоснования представленных авторами пороговых значений. Если мониторинг системы индикаторов показывает отклонение

их фактических значений от предельно допустимых в худшую сторону, следует говорить об активизации угроз и подрыве экономической безопасности региона.

Как отмечает А. А. Кораблева, допустимы два варианта установления связи между угрозами и показателями экономической безопасности региона:

- 1) формируется система индикаторов экономической безопасности, после чего для каждого индикатора определяются соответствующие угрозы;

- 2) первоначально определяются угрозы региональной экономической безопасности, для оценки которых затем подбираются индикаторы [171, с. 30].

Формирование системы индикаторов экономической безопасности региона с их критическими значениями является неотъемлемым условием обеспечения защищенности региональных социально-экономических систем и сохранения политической стабильности в субъектах Федерации. Вместе с тем на данный момент отсутствует система показателей экономической безопасности регионов, утвержденная правительством.

В научной литературе метод предельно допустимых показателей использовался давно, найдя применение в таких областях знания как медицина, экология, методы микроэкономического анализа. В 1994 г. в Институте социально-политических исследований РАН было предложено применить метод пороговых значений для изучения общества и разработана шкала, состоящая из 20 индикаторов [73, с. 23].

Наиболее широкое распространение получили показатели экономической безопасности национальной экономики, сформированные С. Ю. Глазьевым, которые в 1996 году были утверждены Советом безопасности Российской Федерации. Всего система включала 22 показателя, при этом только по одному из них (дефицит бюджета в % к ВВП) российская экономика удовлетворяла требованиям представленных предельно допустимых значений [73, с. 23]. Впоследствии С. Ю. Глазьев увеличил количество показателей, сгруппировав их в следующие блоки: воспроизводство человеческого потенциала, воспроизводство экономического потенциала, внешнеэкономическая зависимость России, конкурентоспособность российской экономики [72, с. 164–165].

Пороговые значения показателей экономической безопасности С. Ю. Глазьева подверг серьезной критике А. Илларионов. Проанализировав данные международной статистики А. Илларионов обнаружил, что в соответствии с предельно допустимыми значениями, предложенными С. Ю. Глазьевым, все страны мира (в том числе имеющие наиболее высокие уровни дохода и жизни) по многим показателям не могут быть отнесены к разряду экономически безопасных [87].

Переходя к рассмотрению вопроса о показателях экономической безопасности субъектов Федерации необходимо отметить, что автоматическое перенесение всех индикаторов экономической безопасности национальной экономики на региональный уровень не представляется возможным, так как управление многими показателями находится под контролем федерального Центра (доля расходов на оборону, уровень монетизации, внешний и внутренний долг, объем золотовалютных резервов) [159, с. 58].

Во второй половине 1990-х годов представители Уральской научной школы А. И. Татаркин, А. А. Куклин, О. А. Романова и др. сформировали индикаторы региональной экономической безопасности, в том числе в сферах, которые непосредственно определяют качество жизни населения: занятость, уровень жизни, демографические процессы, правопорядок и экология. В своих работах указанные авторы рассчитали значения индикаторов двух уровней пороговых ситуаций:

- 1) первый пороговый уровень показателя, который может стать критическим в совокупности с другими показателями;
- 2) второй пороговый уровень показателя, за которым происходит возникновение кризиса экономической безопасности [170].

По мнению Н. В. Дюженковой кроме сравнительного анализа состояния экономической безопасности региона (сопоставление фактических показателей с пороговыми значениями, со значениями показателей прошлых лет, со средними значениями показателя по стране и т. д.) необходимо осуществлять рейтинговую оценку регионов, основанную на использовании интегрального показателя. Для его формирования исследователь предложила систему показателей, состоящую из десяти блоков, каждый из которых характеризует определенную сторону эко-

номической безопасности региона: производственную, научно-техническую, финансовую, социально-демографическую, реструктуризации регионального рынка труда, общественную, продовольственную, экологическую, а также блок макроэкономических показателей [84, с. 7].

В. К. Сенчагов, Ю. М. Максимов, С. Н. Митяков и др. разработали систему индикаторов экономической безопасности региона отражающую влияние инновационных преобразований на региональную экономику. Показатели разделены на две группы. Первая группа включает восемь экономических индикаторов. Вторая группа состоит из восьми индикаторов, характеризующих социальное развитие региона. По последним мы можем судить о качестве жизни населения (доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, децильный коэффициент, отношение среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму, отношение средней пенсии к средней заработной плате, ожидаемая продолжительность жизни, количество рождений на одну женщину, уровень безработицы, размер жилплощади на одного человека) [159]. Приведенные в исследовании пороговые значения индикаторов ориентированы на долгосрочный период, при этом авторы отмечают, что данные величины могут изменяться во времени.

А. В. Калина, И. П. Савельева обращают внимание, что при формировании предельно допустимых показателей регионов необходимо учитывать условия и специфику социально-экономического развития территорий (природно-климатические условия, степень освоенности территорий, агломерационные особенности региона, структуру промышленного производства, степень заселенности территории, возрастной состав населения и др.). Для этого субъекты Российской Федерации предлагается объединять в сходные по характеристикам группы с определением пороговых значений для каждой из них [95, с. 21].

С. Н. Митяков, Е. С. Митяков и Н. А. Романова предложили систему мониторинга экономической безопасности региона, содержащую двадцать индикаторов, структурированных по четырем группам (экономика, социальная сфера, инновации, экология). При помощи сложных нормирующих функций исследователи смогли выявить экономически оправданные зоны риска, соответствующие степени удаления показателей от их предельно допустимых значе-

ний: катастрофического риска, критического риска, значительного риска, умеренного риска и зону стабильности [122].

Н. П. Купрещенко выделил три группы индикаторов с соответствующими пороговыми значениями, которые охватывают производственную и финансовую сферы, а также уровень жизни населения региона. Интересующая нас группа показателей, измеряющих уровень жизни, представлена четырьмя позициями: долей граждан с доходами ниже прожиточного минимума, продолжительностью жизни, разрывом между доходами 10 % самых высокодоходных и 10 % самых низкодоходных групп населения и уровнем безработицы [113, с. 81]. В качестве недостатка данного подхода можно отметить отсутствие в системе индикаторов отношения среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму. По мнению В. К. Сенчагова этот показатель следует считать одним из базовых при оценке уровня и качества жизни населения региона [191, с. 61].

Начиная с 2014 года разработка параметров экономической безопасности региона стала осуществляться в Омском научном центре СО РАН В. В. Карповым, А. А. Кораблевой, К. К. Логиновым и другими исследователями. В рамках данного подхода в систему индикаторов были включены показатели экономической, социальной и финансовой сферы. Специалистами центра отмечается, что в целях межрегионального сопоставления экономической безопасности система индикаторов должна быть универсальной для всех субъектов Федерации и не включать специфические региональные индикаторы. С этой же целью при проведении оценки экономической безопасности различных регионов предлагается использование относительных показателей (например, на душу населения или на объем ВРП) [171, с. 35]. Согласимся с данным подходом. Обеспечение минимально необходимого для воспроизводства и развития человеческого капитала уровня и качества жизни на всей территории страны является базовым условием экономического развития в начале XXI века и должно являться императивом при осуществлении государственной социально-экономической политики.

Перейдем к изучению состояния экономической безопасности в регионах Российской Федерации в сфере поддержания приемлемого качества и уровня жизни населения. Данное исследование состоит из 4-х этапов.

На первом этапе определяются коэффициенты соответствия фактических значений рассматриваемых показателей предельно допустимым нормам. Для прямых показателей (значение которых должно быть не менее установленной границы) коэффициенты будут рассчитываться как отношение фактических значений показателей к пороговым. Коэффициенты обратных показателей (значение которых не должно превышать установленную границу) будут рассчитываться как отношение пороговых значений показателей к фактическим.

Предельно допустимые значения показателей, характеризующих уровень и качество жизни населения приведены в таблице 26.

Таблица 26

Параметры пороговых значений
индикаторов экономической безопасности,
характеризующих уровень и качество жизни населения

№	Название показателя	Пороговое значение
Уровень жизни		
1.	Отношение годового объема ВРП на душу населения к среднему по стране	не менее 1
2.	Отношение реальных доходов населения к среднему по стране	не менее 1
3.	Коэффициент фондов, раз	не более 8
4.	Отношение среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума, раз	не менее 3,5
5.	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (от общей численности населения), %	не более 7
6.	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся на одного жителя, кв. м.	не менее 25
7.	Средства на здравоохранение, образование и социальную политику, % к ВРП	не менее 15
Занятость населения		
8.	Уровень безработицы по методологии МОТ, %	не более 4
Демографическая ситуация		
9.	Динамика среднегодовой численности населения, % (среднегодовая численность населения в текущем году / среднегодовая численность населения в прошлом году)	не менее 100
10.	Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину), единиц	не менее 2,2

Окончание таблицы 26

11.	Коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)	не более 5
12.	Коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте (число умерших на 1000 человек трудоспособного возраста)	не более 3
13.	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	не менее 80
	Безопасность проживания	
14.	Число преступлений на 100 тыс. человек населения, единиц	не более 1600

Показатели, представленные в таблице 26, были разделены на следующие блоки: уровень жизни, демографическая ситуация, занятость населения и безопасности проживания. Предельно допустимые значения индикаторов сформированы на основе анализа современной научной литературы в рассматриваемой области [95; 122; 159; 171; 191].

Второй этап настоящего исследования заключается в определении индексов каждого блока показателей посредством нахождения среднегеометрического значения относящихся к блоку коэффициентов. Если значение индекса (например, уровня жизни) меньше 1, имеет место нарушение экономической безопасности, т. к. наблюдается отклонение фактических значений показателей от их пороговых ориентиров в худшую сторону.

На третьем этапе определяется комплексный индекс качества жизни по регионам страны как среднегеометрическое ранее рассчитанных индексов. Для обеспечения экономической безопасности его значение должно быть больше или равно 1.

Результаты диагностики экономической безопасности регионов страны за 2016 год в сфере обеспечения приемлемого качества и уровня жизни представлены в приложении 9.

По результатам расчётов большинство субъектов Федерации имеют комплексные показатели обеспечения экономической безопасности по качеству жизни и уровню жизни населения ниже предельно допустимых значений, однако позиции регионов сильно отличаются.

Четвертый этап исследования предполагает создание типологии регионов по критериям экономической безопасности каче-

ства и уровня жизни. Для определения степени соответствия того или иного региона обеспечению экономической безопасности в рассматриваемых сферах воспользуемся градацией зон риска, представленной в работе С. Н. Митякова, Е. С. Митякова и Н. А. Романовой [122]. Значение индикатора (индекса уровня жизни, комплексного индекса качества жизни) равное 1 показывает точное соответствие фактических и пороговых значений показателей экономической безопасности региона, следовательно:

- зона стабильности — соответствует значению 1 или превышает его;
- зона умеренного риска — располагается в диапазоне между значениями 0,75 и 1;
- зона значительного риска — находится между значениями 0,5 и 0,75;
- зона критического риска — лежит между значениями 0,25 и 0,5;
- зона катастрофического риска — соответствует значению менее 0,25.

В приложении 10 при помощи данной шкалы уровня отклонения фактических значений от пороговых типологизируем субъекты Российской Федерации по уровню обеспечения экономической безопасности в сфере поддержания приемлемого качества жизни и уровня жизни населения.

Ранжирование данных индекса уровня жизни населения показало, что в зоне стабильности находятся всего три субъекта Федерации: Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ. Это объясняется развитием в данных регионах высокодоходных отраслей нефтегазодобывающей и горнодобывающей промышленности, а также крайне низкой плотностью населения. Подавляющее число регионов расположены в зоне умеренного риска — 43 субъекта Федерации. На втором месте по количеству регионов находится зона значительного риска — 39 субъектов Федерации, в том числе Псковская область. В зонах критического и катастрофического риска за период 2016 года не находился ни один субъект Российской Федерации.

Ранжирование данных комплексного индекса качества жизни показало, что в зоне стабильности находятся следующие

регионы Центрального федерального округа: Белгородская область, Липецкая область, Московская область, Рязанская область, Тульская область, г. Москва; Северо-Западного федерального округа: г. Санкт-Петербург; Приволжского федерального округа: Республика Татарстан; Уральского федерального округа: Ямало-Ненецкий автономный округ.

Подавляющее число регионов расположены в зоне умеренного риска — 54 субъекта Федерации, в том числе Псковская область. На втором месте по количеству регионов находится зона значительного риска — 20 субъектов Федерации.

В зоне критического риска расположены республики Северо-Кавказского федерального округа: Республика Ингушетия; и Сибирского федерального округа: Республика Тыва. В первом случае это связано с крайне низким уровнем занятости населения, во втором — с плохими показателями занятости и безопасности проживания. По результатам исследования, в зоне катастрофического риска на период 2016 года не находился ни один субъект Российской Федерации.

Проведенное исследование выявило отклонение от состояния экономической безопасности в сфере поддержания приемлемого качества и уровня жизни населения в подавляющем большинстве регионов России. Данная ситуация определяет необходимость разработки и внедрения комплекса инструментов и механизмов по обеспечения экономической безопасности регионов в сфере обеспечения приемлемого качества и уровня жизни. Реализация теоретических разработок должна быть ориентирована на формирование крепкой экономической базы регионов посредством предоставления государственных заказов, льготных кредитов, осуществления инвестиционных программ и прочих мероприятий, направленных на развитие и модернизацию региональных экономик. Реализация данного подхода позволит увеличивать доходы жителей и коммерческих организаций, бюджетов субъектов Федерации и муниципальных образований, а следовательно, повысить уровень и качество жизни населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: <http://www.constitution.ru/>
2. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности». [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/902253576>
3. Федеральный закон от 5 марта 1992 г. № 2446-I «О безопасности». [Электронный ресурс]: URL: <http://base.garant.ru/10136200/>
4. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273 ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 декабря. № 4823.
5. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения). [Электронный ресурс]: URL: <http://base.garant.ru/106503/>
6. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/420398070>
7. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/420384257>
8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/902130343>
9. Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/902317621>
10. Стратегия социально-экономического развития Псковской области до 2020 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/924021554>
11. Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга до 2030 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://gov.spb.ru/>
12. Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/456011417>

13. Стратегия социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года. Официальный интернет-портал Республики Карелия. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.gov.karelia.ru/Leader/Document/Strategy2020/4.html>
14. Стратегия социально-экономического развития Новгородской области до 2030 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.novreg.ru/economy/strategy2030/strategy2030.php>
15. Концепция экономической безопасности Волгоградской области. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/441520353>
16. Концепция экономической безопасности Кабардино-Балкарской Республики. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/907000087>
17. Концепция экономической безопасности Республики Коми. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/802003074>
18. Концепция экономической безопасности Республики Бурятия. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/473804750>
19. Концепция комплексной безопасности города Москвы. [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/3717942>
20. О концепции социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года. [Электронный ресурс]: URL: <http://base.garant.ru/22901650/>
21. Протокол № 2 заочного заседания Общественного совета при Министерстве финансов Российской Федерации 08–13 февраля 2017 г.
22. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка в Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]: URL: <http://government.ru/docs/22508/>
23. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 июля 2013 г. № 1293-р «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/499036005>
24. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]: URL: <http://docs.cntd.ru/document/420389221>

25. Baily M. N., Elliott D. J. The Role of Finance in the Economy: Implications for Structural Reform of the Financial Sector. 2013. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.brookings.edu/research/the-role-of-finance-in-the-economy-implications-for-structural-reform-of-the-financial-sector/>
26. Belozеров S. A. Finansy domashnikh khoziaistv kak element finansovoi sistemy [Household finances as an element of financial system]. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.roman.by/r-94482.html>
27. Brodie Z. and Merton, R. C. A conceptual framework for analyzing the financial system. From Chapters 1 to 8 of The Global Financial System: A Functional Perspective, Harvard Business School Press. 1995.
28. Cuhai R., Starițina L., Basistî N. Financial system and modern monetary mechanism/ [Электронный ресурс]: URL: ftp://www.ipe.ro/RePEc/vls/vls_pdf_jfme/vol11i1p85-91.pdf
29. Dan Hough. Here's this year's (flawed) Corruption Perception Index. Those flaws are useful. Available at: [Электронный ресурс]: URL: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/01/27/how-do-you-measure-corruption-transparency-international-does-its-best-and-thats-useful/>
30. De Haan, J., Oosterloo, S., & Schoenmaker, D. Functions of the Financial System. In Financial Markets and Institutions: A European Perspective (pp. 3–38). Cambridge: Cambridge University Press. 2012. doi:10.1017/CBO9781139198943.004
31. King R., Levine R. Finance and Growth: Schumpeter might be right// The Quarterly Journal of Economics. Vol. 108, № 3, pp. 717–737. Aug. 1993.
32. King R., Levine R. Finance, Entrepreneurship, and Growth: Theory and evidence // Journal of Monetary Economics, № 32, pp. 513–542. 1993.
33. Kuznetsov, Nikolai; Iurkova, Marina; Shibaykin, Vladimir; с соавторами. Interaction and influence of investment process stimulating factors in agriculture on the main trends in the development of the agricultural sector in Russia // ECONOMIC ANNALS-XXI Том: 158 Выпуск: 3–4. С. 26–30. Часть: 2.

34. Li Y., Squire L., Zou H. Explaining international and Inter-temporal Variations in Income Inequality// *Economic journal*. 1997. № 108 (Jan.). P. 1–18.
35. Levine R., Zervos S. Stocks Markets, Banks, and Economic Review // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 108, № 3. Pp. 717–737, Aug. 1993. № 88 (3). P. 537–558.
36. Nations in transit. Available at: <https://freedomhouse.org/report-types/nations-transit>
37. Nikolayenko S., Lissovolik Y., and MacFarquar R (1997). Special Report: The Shadow Economy in Russia's Regions. *Russian Economic Trends*, 1997, № 4.
38. Rajan R., Zingales L. Financial dependence and growth // *American Economic Review*, № 88, 1998. Pp. 559–586.
39. Report of the World Commission on Environment and Development. A/RES/42/187. OON, 1987. [Electronic resource]: URL: <http://www.un.org/documents/ga/res/42/a42r187.htm> (accessed 01 November 2017).
40. Sabanti B. M. O finansakh domashnikh khoziaistv [On household finances]. *Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i finansov*, 2002. P. 176–186.
41. Smirnov M., Dudko V. Innovation-investment aspect of import substitution in Russia // *Economic Annals-XXI* (2016), 157 (3–4(1)), 44–46, С. 46.
42. The international property rights index. Available at: [Electronic resource]: URL: <https://www.internationalpropertyrightsindex.org/countries>
43. Worldwide Governance Indicators. Available at: [Electronic resource]: URL: <https://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=worldwide-governance-indicators>
44. Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // *Вопросы экономики*. 1994. № 12. С. 4–13.
45. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России // *Вестник российской академии наук*, 1997, Том 67, № 9. С. 771–776.
46. Аганбегян А. Г. Финансы для модернизации // *Деньги и кредит*. 2010. № 3. С. 3–11.
47. Антикоррупционная политика. М.: РА «СПАС», 2004. 368 с.

48. Артемьев Н. В., Латов Ю. В. Институционально-экономические причины «теневизации» малого бизнеса России // TERRA ECONOMICUS. 2015. Том 13. № 1. С. 61–72.
49. Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 36–44.
50. Бабкин А. В., Трысячный В. И. Стратегические направления совершенствования управления экономической безопасностью региона // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2009. № 4. С. 201–205.
51. Балог М. М. Влияние коррупции на инновационную безопасность территории // Конкурентоспособность регионов: сборник трудов II Международной научно-практической конференции. Псков: Псковский государственный университет, 2016. С. 60–69.
52. Балог М. М. Влияние коррупции на экономическую безопасность // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития (14 декабря 2015 г., г. Пермь). Пермь, 2015. С. 298–303.
53. Балог М. М., Демидова С. Е., Троян В. В. Динамика теневой экономики в контексте угроз финансовой безопасности региона // ЭТАП: Экономическая теория, Анализ, Практика. 2017. № 6. С. 112–133.
54. Балог М. М., Троян В. В. Основные подходы в вопросах определения и измерения коррупции // Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2016. № 2. С. 53–65.
55. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. № 1. 2009. С. 33–42.
56. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 30–31.
57. Бернезинская О., Ведев А. Производственная зависимость российской промышленности от импорта и механизм стратегического импортозамещения // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 103–115.
58. БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015. Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 235 с.

59. Буланов Б. Становление интегральной методологии — теоретической основы стратегического управления социально-экономическими процессами и явлениями // Экономист. 2017. № 2. С. 59–69.
60. Бурцев В. В. Факторы финансовой безопасности // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 1. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cfin.ru/press/management/2001-1/burtsev.shtml> (дата обращения: 01.11.2017).
61. Буркина О. А., Устинов А. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2 (28). С. 119–124.
62. Бухвальд Е., Гловацкая Н., Лазуренко С. Макроаспекты экономической безопасности: факторы, критерии и показатели // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 25–35.
63. Буянова М. Э., Дятлов Д. А. Риски финансовой системы региона: выявление и оценка // Финансы и кредит. 2008. № 37 (325). С. 36–42.
64. Букато В. И. Банки и банковские операции / В. И. Букато. М.: Финансы и статистика. 2008. № 37 (325). С. 36–42.
65. Быков С. С., Киреенко А. П., Невзорова Е. Н. Уголовно-правовая реакция на проявления теневой экономики: границы, характер и направления совершенствования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 591–607.
66. Вечканов Г. С. Экономическая безопасность / Г. С. Вечканов. СПб.: Вектор, 2005. С. 45.
67. Вдовин С. М., Огарева Н. П. Предпосылки формирования стратегии устойчивого развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 16 (247). С. 22–27.
68. Власова К. Б., Барашев М. В. Коррупция: к вопросу о понятии и мерах противодействия // Современное право. 2008. № 2–1. С. 68–73.
69. Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 560 с.
70. Гацко М. Ф. Антикоррупционная политика государства: учебное пособие. Ногинск: Ногинский филиал РАНХиГС. 2015. 118 с.

71. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. [Электронный ресурс]: URL: <http://crimestat.ru/analytics>
72. Глазьев С. Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века. Москва, 1997.
73. Глазьев С. Ю. Локосов В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. 2012. Том 82. № 7.
74. Глазьев С. Фетисов Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономист. 2013. № 1. С. 3–13.
75. Гнидченко А. Импортозамещение в российской промышленности: текущая ситуация и перспективы // Журнал Новой экономической ассоциации, № 4 (32), 2016. С. 154–161.
76. Гранберг А. Г. «Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики», Ч. IV «Россия регионов». М.: Экономика. 1999. С. 567–638.
77. Гранберг А. Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 15–20.
78. Гребник В. В., Павлов А. П. Управление экономической безопасностью региона как элемент обеспечения экономической безопасности государства // Интернет-журнал «Наукovedение». 2012. № 3. [Электронный ресурс]: URL: <http://naukovedenie.ru>
79. Дворядкина Е. Б., Голошейкин Е. В. Регион как элемент территориальной структуры национальной экономики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: Экономические науки. 2010. № 5. С. 37–44.
80. Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy. 1995.
81. Демидова С. Е. Устойчивость финансовой системы региона // Управление социально-экономическими системами: материалы Международной научно-практической конференции: в 2-т. / Министерство образования и науки Российской Федерации; Вологод. гос. уни-т. Вологда: ВоГУ, 2017. Т. 2. С. 52–56.

82. Демидова С. Е. Типология регионов по уровню развития финансовой системы и состоянию финансовой безопасности // Конкурентоспособность регионов: сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Псков: Псковский государственный университет, 2017. С. 142–153.
83. Доценко Д. В. Стратегия повышения экономической безопасности региона // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Московская академия экономики и права. Москва, 2009.
84. Дюженкова Н. В. Управление экономической безопасностью региона в современной России // Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. Тамбов. 2002.
85. Елизарова В. В. Место и роль финансовой безопасности в системе обеспечения экономической безопасности России // Экономика, Статистика и Информатика. № 2, 2015. С. 45–48.
86. Зотова А. И., Кириченко М. В. Устойчивость финансовой системы региона: сущность факторы, индикаторы. [Электронный ресурс]: URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2017/5/economics/zotova-kirichenko.pdf
87. Илларионов А. Н. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 35—57.
88. Илюхина Р. В., Беловицкий К. Б., Купрещенко Н. П. Обеспечение экономической безопасности регионов Российской Федерации / Р. В. Илюхина, К. Б. Беловицкий, Н. П. Купрещенко и (др.). М.: Издательство «Научный консультант», 2017. 120 с.
89. Индекс восприятия коррупции — 2015: Россия поднялась на 119 место [Электронный ресурс]: URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatiia-korruptcii/indeks-vospriiatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto>
90. Илларионов А. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 35–58.
91. Илюхина Р. В., Беловицкий К. Б., Купрещенко Н. П. Обеспечение экономической безопасности регионов Российской Федерации / Р. В. Илюхина, К. Б. Беловицкий, Н. П. Купрещенко и (др.). М.: Издательство «Научный консультант». 2017. 120 с.
92. Ионова А. С. Понятие, условия и факторы обеспечения экономической безопасности региона // Экономика и менеджмент

- инновационных технологий. 2017. № 3. [Электронный ресурс]: URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/03/>
93. Кабанов П. А. Правовые средства обеспечения институционализации государственной политики противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: региональный опыт и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8. С. 1765–1772.
94. Калинина Н. М. Экономическая безопасность региона: сущность, угрозы и меры обеспечения // СТЭЖ. 2010. № 10. [Электронный ресурс]: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-regiona-suschnost-ugrozy-i-mery-obespecheniya>
95. Калина А. В., Савельева И. П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент», 2016, Т. 8, № 4. С. 15–23.
96. Каплун А.А. Финансы домашних хозяйств: сущность и роль в развитии инвестиционного потенциала России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2015. С. 80–91.
97. Константинова Г. А. Обеспечение финансовой безопасности Российской Федерации: монография. М. 2005.
98. Колпакова Г. М. Финансы. Денежное обращение. Кредит: учеб. пособие / Г. М. Колпакова. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 2005.
99. Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований Российской Федерации (вторая редакция). Ч. 1. Методические положения диагностики экономической безопасности территорий регионального уровня / А. И. Татаркин и др. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2001.
100. Комарова Т. В. Теневая экономика в российских регионах: Дипломная работа. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.iep.ru/files/text/diplom/2003/komarova.pdf>
101. Кормишкин Е. Д., Саушева Е. С. Инновационная безопасность как условие эффективного функционирования и развития региональной инновационной системы // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 34 (313). С. 2–8.

102. Кормишкина Л. А. Теневая экономика: учеб. пособие для вузов / Л. А. Кормишкина, О. М. Лизина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. 136 с.
103. Корнилов М. Я. О проблемах теории экономической безопасности // Стратегия экономической безопасности России: новые ориентиры развития: Сборник трудов 1 научно-практической конференции «Сенчаговские чтения» (г. Москва, Институт экономики РАН, 14 марта 2017 г.). М.: Институт экономики РАН, 2017. С. 163–167.
104. Криминология: учебник для вузов. 3-е изд. переработ. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.
105. Кузнецова Е. И. Экономическая безопасность: учебник и практикум для вузов / Е. И. Кузнецова. М.: Издательство Юрайт, 2018. 294 с.
106. Кузнецова Н. Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 21–26.
107. Куклина Е. А., Старикова О. В. Устойчивое развитие регионов России и региональная безопасность в контексте New Normal. Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2016. Том 15. № 3. С. 401–419.
108. Куклин А. А. Экономическая безопасность регионов: теоретико-методологические подходы и сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. № 6, 2014. С. 142–145.
109. Куклин А. А., Агарков Г. А. Теневая экономика региона: особенности проявления и методы диагностики // Экономика региона. № 1. 2005. С. 39–53.
110. Куклин А. А., Найденов А. С., Судакова А. Е., Агарков Г. А. Математическое моделирование отдельных аспектов теневой экономической активности в период экономического кризиса // Вестник ЮУрГУ, № 44, 2012 С. 65–73.
111. Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12. С. 4–36.
112. Кузнецов С. В., Растова Ю. И., Растов М. А. Рейтинг как мера оценки качества жизни в российских регионах // Экономика региона. 2017. Т. 13, Вып. 1. С. 137–146.
113. Купрещенко Н. П. Влияние коррупции на экономические отношения в Российской Федерации // Налоги. 2008. Специальный выпуск. Январь.

114. Лексин В. Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития [Текст] / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов. Москва: ЛИБРОКОМ, 2014. 368 с.
115. Маковецкий М. Ю. Инвестиции как ключевой фактор экономического роста // Финансы и кредит. 2007. № 4 (244). С. 56.
116. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. 2-е изд. переработ. и доп. М.: ЗАО ЮрИнфоР, 2008. 255 с.
117. Мандрица В. М. Финансовое право / В. М. Мандрица, И. В. Рукавишникова, Д. Н. Дружинин. Ростов н/Д.: Феникс, 1999.
118. Мартынов А. С., Артюхов В. В., Виноградов В. Г. Россия как система. [Электронный ресурс]: URL: http://www.sci.aha.ru/RUS/wab__.htm (дата обращения: 01.11.2017).
119. Маханько Г. В. Экономическая безопасность и конкурентоспособность региона как важнейшая составляющая экономической безопасности России // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 105. С. 236–251.
120. Мишина Д. В. Экспортно-сырьевая модель экономического роста как фактор, препятствующий инновационному развитию России // Фундаментальные исследования. № 9, 2014. С. 644–648.
121. Митяков Е. С. Информационная система мониторинга экономической безопасности регионов России // Фундаментальные исследования. 2016. № 9–1. С. 162–167. [Электронный ресурс]: URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=40714> (дата обращения: 17.11.2017).
122. Митяков С. Н., Митяков Е. С., Романова Н. А. Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа // Экономика региона. 2013. № 3. С. 81–91.
123. Михалева И. А. Противодействие коррупции как правовой режим: сравнительно-правовой анализ доктрины // Сибирский юридический вестник. 2017. № 3. С. 100–106.
124. Молчанов А. В. Развитие теории обеспечения финансовой безопасности России в научной школе В. К. Сенчагова // Стратегия экономической безопасности России: новые ориентиры развития: Сборник трудов 1 научно-практической конференции «Сенчаговские чтения» (г. Москва, Институт экономики РАН, 14 марта 2017 г.). М.: Институт экономики РАН, 2017. С. 146–150.

125. Морозова Е. А., Шабашев В. А. Уровень жизни, качество жизни, социальная защищенность — общее и особенное // Вестник Кузбасского государственного технического университета. № 6 (51). С. 103–109.
126. Мохнаткина Л. Б. Сбалансированность бюджета и государственный долг как индикаторы финансово-бюджетной безопасности региона // Финансовый журнал. 2018. № 2. С. 106–119.
127. Нарышкин С. Е. Инвестиционная безопасность как фактор устойчивого экономического развития / С. Е. Нарышкин // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 16–25.
128. Николаев М., Махотаева М. Роль территориального фактора в экономической динамике // Экономист. 2015. № 3. С. 42–49.
129. Николаев М. А. Обеспечение экономической безопасности в реальном секторе экономики регионов. Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (14 декабря 2015 г.): в 2 ч. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. Ч. 1. С. 325–336.
130. Николаев М. А., Малышев Д. П. Механизм управления региональным проектом по формированию высокотехнологичного кластера // Вестник НовГУ. 2012. № 69. С. 27–32.
131. Николаев М. А. Махотаева М. Ю. Анализ стратегий развития промышленного комплекса региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2016. № 4 (246). С. 29–41.
132. Николаев М. А. Махотаева М. Ю. Анализ устойчивости региональных экономик. Прогнозирование инновационного развития национальной экономики в рамках рационального природопользования: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (21 октября 2016 г.): в 3 ч. / Перм. гос. нац. ис-след. ун-т. Пермь, 2016. Ч. 2. 444 с. С. 385–396.
133. Николаев М. А., Махотаева М. Ю. Анализ инвестиционных процессов в российской экономике в посткризисный период: проблемы и пути их решения // Финансы и кредит. 2015. № 42 (666). С. 2–17.
134. Николаев М. А. Условия инвестиционного воспроизводства // Экономист. 2007. № 3. С. 17–25.
135. Николаев М. А., Махотаева М. Ю. Основные составляющие инвестиционной безопасности и их оценка // Научно-

- технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 5. С. 34–45.
136. Николаев М. А. Формирование региональной экономической политики. СПб.: Изд-во СПбГПУ. 2003. 202 с.
137. Никулина Н. Л., Синенко А. И. Диагностика финансовой безопасности региона // Управленец. 2013. № 4/44. С. 54–59.
138. Новикова Г. В. Финансовая безопасность в системе национальной безопасности страны: монография. М. 2005.
139. Ноздрачев А. Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах // Адвокат. 2007. № 10. С. 34–49.
140. Олейников Е. А. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник, 2-е изд. М.: Дело, 2005.
141. Паначев В. Ю. Противоречия как источник угроз финансовой безопасности региона: формы проявления, методы преодоления: монография. Красноярск. 2009.
142. Петрова О. С. Анализ экономического пространства Северо-Западного федерального округа // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12–2 (41–2). С. 347–352.
143. Перов Е. В. Оценка теневой экономики России // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2015. № 3. [Электронный ресурс]: URL: <http://uecs.ru/ekonomicheskaya-bezopasnost/item/3395-2015-03-10-11-16-16> (дата обращения: 01.11.2017).
144. Перфилова Е. Ю. Оценивание динамики теневой экономики в регионах России // Математические и инструментальные методы экономики. 2009. № 11. С. 331–334.
145. Полянская Н. М., Найданова Э. Б. Диагностика и анализ экономической безопасности в системе управления регионом // Экономический анализ: теория и практика № 2. 2016. С. 51–68.
146. Попов А. С. Управление внутренним кредитным риском в российских банках // Финансы и кредит. 2003. № 9. С. 12–16.
147. Потокина С. А., Бочарова О. Н., Ланина О. И. Сущность и механизмы обеспечения экономической безопасности региона // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 3. С. 82–90.
148. Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации. [Электронный ресурс]: URL: <http://crimestat.ru/>

149. Пузов Е. Н., Яшин С. Н. Концептуальные вопросы оценки экономической безопасности регионов // Финансы и кредит. 2006. № 1 (205). С. 15–19.
150. Пятковская Ю. В. Финансовая система России как базовая категория финансовой науки и финансового права: подходы к определению // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 2. [Электронный ресурс]: URL: brj-bguer.ru
151. РИА-рейтинг. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.riarating.ru>
152. Родионова В. М. Круглый стол: «Роль финансовой и банковских систем в инновационном развитии экономики» // Финансы. 2008. № 6.
153. Романова О. А., Чененова Р. И. Промышленная политика как фактор обеспечения экономической безопасности региона // Экономика региона. 2008. № 3. С. 60–69.
154. Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013. 752 с.
155. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 356 с.
156. Свободин В. А. Методические вопросы определения уровня жизни населения // Ученые записки: Научно-теоретический журнал, 2002, № 1 (27). С. 65–77.
157. Сенчагов В. К. Экономическая безопасность: геополитика, глобализация, самосохранение и развитие (книга четвертая) / Институт экономики РАН. Москва. 2002. 128 с.
158. Сенчагов В. К. Иванов Е. А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. Москва: Институт экономики РАН. Центр финансовых исследований, 2015. [Электронный ресурс]: URL: http://inecon.org/docs/Senchagov_Ivanov.pdf (дата обращения: 01.11.2017).
159. Сенчагов В. К., Максимов Ю. М., Митяков С. Н. и др. Инновационные преобразования как императив экономической безопасности региона: система индикаторов // ИННОВАЦИИ № 5 (151), 2011 С. 56–61.
160. Сенчаговские чтения 10–11 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://inecon.org/sajt/arxiv-sobytij/vtorye->

senchagovskie-chteniya-ocenka-riskov-i-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii-20182020-gg.html

161. Смирнов А. А. Государственная политика обеспечения экономической безопасности. СПб., 2002. 183 с.

162. Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации: Доклад Министерства экономического развития Российской Федерации. М., 2011. 56 с.

163. Степашин С. В. Экономическая безопасность Российской Федерации: учеб. Для вузов. Ч. 2. М.: СПб.: Изд-во «Лань», 2001.

164. Судаков А. Е., Синенко А. И. Финансовая безопасность в контексте устойчивого развития региона // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 24. С. 35–42.

165. Суховой А. Ф. Проблемы обеспечения инновационной безопасности в Российской Федерации // ЭКОНОМИКА РЕГИОНА № 4 (2014). С. 141–152.

166. Талапина Э. В. Комментарий к законодательству Российской Федерации о противодействии коррупции (постатейный). М.: Волтерс Клувер, 2010. 178 с.

167. Татаркин А. И., Васильева Е. В., Чичканов В. П. Карта выбора механизма управления качеством жизни населения региона // Региональная экономика. Теория и практика. 2015. № 42. С. 2–14.

168. Татаркин А. И., Куклин А. А. Изменение парадигмы исследования экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. № 2. С. 25–39.

169. Татаркин А. И., Куклин А. А., Васильева Е. В., Никулина Н. Л. Качество жизни как системная доминанта повышения экономической безопасности региона // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 11. С. 38–49.

170. Татаркин А. И., Куклин А. А., Романова О. А., Чуканов В. Н., Яковлев В. И., Косицын А. А. Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практики. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 1997. 240 с.

171. Теория и практика оценки экономической безопасности (на примере регионов Сибирского федерального округа) / Под общ. ред. В. В. Карпова, А. А. Кораблевой. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 146 с.

172. Титов В. Экономическая безопасность субъекта Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (53). 2012. С. 218–221.
173. Токарский Б. Л., Токарская Н. М. Определение взаимосвязи качества жизни с уровнем жизни населения // Известия Байкальского государственного университета. 2011. № 4 (78). С. 200–204.
174. Тохиров Т. И. Управление экономической безопасностью региона // Экономика, предпринимательство и право. 2013. № 2 (19). С. 19–26. [Электронный ресурс]: URL: <https://creativocomu.ru/articles/30929/>
175. Трунин П. В. Анализ уровня развития финансовой систем в Российской Федерации. РАНХиГС. [Электронный ресурс]: URL: <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/ppaper/mn38.pdf>
176. Угрозы и защищённость экономики России: опыт оценки / Отв. ред. С. В. Казанцев, В. В. Карпов. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2016. 280 с.
177. Ускова Т. В., Кондаков И. А. Угрозы экономической безопасности региона и пути их преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 2 (14). С. 37–50.
178. Федорова А. Ю. Финансовая безопасность и факторы, влияющие на нее // Социально экономические системы и процессы. Т. 11. № 6, 2016 С. 86–93.
179. Федотов Д. Ю., Невзорова Е. Н., Орлова Е. Н. Налоговый метод расчета величины теневой экономики российских регионов // Финансы и кредит. 2016. № 15. С. 20–33.
180. Феофилова Т. Ю. Модель управления экономической безопасностью региона // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 6 (25). [Электронный ресурс]: URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/126EVN614.pdf>
181. Финансы, денежное обращение и кредит: учебник / М. В. Романовский и др. М.: Юрайт-Издат, 2006.
182. Фролов Д. П. Маркетинговый подход к управлению пространственным развитием // Пространственная Экономика, 2013. № 2. С. 65–86.
183. Хоминич И. П., Зарецкий С. А. Финансовая безопасность населения // Финансы. 2003. № 1 (1). С. 60–69.

184. Шевелева О. Б. Взаимосвязь категорий «финансовая система региона» и «региональная финансовая безопасность» / О. Б. Шевелева, Е. В. Слесаренко // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 20. С. 35–45.
185. Шевелева О. Б. Слесаренко Е. В. Оценка финансовой безопасности Кемеровской области // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 4. С. 34–45.
186. Шевченко Л. М. Факторы, определяющие устойчивость национальной финансовой системы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 2 (46). С. 101–105.
187. Шевченко Л. М. Функции финансовой системы // Вестник Тверского государственного университета. 2012. № 2 (106). С. 194–198.
188. Шерстюк С. Р. Экономическая безопасность федерального округа // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2005. № 1. С. 5–11.
189. Шульц В. Л. Безопасность предпринимательской деятельности в 2 ч. Часть 1: учебник для академического бакалавриата / В. Л. Шульц, А. В. Юрченко, А. Д. Рудченко; Под ред. В. Л. Шульца. Москва: Издательство Юрайт, 2017. 288 с.
190. Щедрин Н. В. Определение коррупции в федеральном законе // Криминологический журнал БГУЭП. 2009. № 3. С. 31–36.
191. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / Под ред. В. К. Сенчагова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. 815 с.
192. Яковлев А. Е., Соколова Г. Н. Особенности обеспечения экономической безопасности регионов // Журнал научных публикаций «Дискуссия». Выпуск: № 2 (43) февраль 2014. С. 59–63.
193. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. 543 с.
194. Толковый словарь С. Н. Ожегова. [Электронный ресурс]: URL: <http://slovarozhegova.ru>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 Обобщение подходов к определению категории «управление экономической безопасностью региона»

Автор	Элемент определения				
	Предмет	Объект	Субъект	Цель	Условие
Д. В. Дюченко	–	Экономические интересы территории	–	Поддержание устойчивости и потенциала развития экономики региона	–
В. В. Гребенник, А. П. Павлов	–	–	–	Создание безопасной среды проживания; Профилактика, предотвращение и смягчение последствий критической ситуации.	–

Окончание приложения 1

А. В. Вакин, В. И. Трысчяный	На федеральном уровне — территориальные проблемы, отношения Центра с субъектами Федерации, регулирование факторов социально-экономического развития; На субфедеральном уровне — социально-экономическое развитие и отношения субъекта Федерации с муниципальными образованиями	—	—	Повышение благосостояния населения, качества жизни, гармоничное развитие личности	—
Т. Ю. Феопилова	Работодатели и плательщики налогов и сборов в региональный бюджет; хозяйствующие субъекты, выпускающие продукцию; организации, выполняющие гос. задание (бюджетные и автономные учреждения и др.); управляемые негативные воздействия	Органы законодательной и исполнительной власти субъекта Российской Федерации, совещательные и консультативные органы, профессиональные объединения и организации	Противодействие рискам и угрозам экономической безопасности во избежание нанесения ущерба социально-экономической системе региона	Развитие нормативно правового пространства субъекта Федерации	

Приложение 2

Подходы к определению терминов «финансовая безопасность» и «финансовая безопасность региона»

Авторы	Трактовка терминов «финансовая безопасность» и «финансовая безопасность региона»
В. К. Сенчгов	Финансовая безопасность — это обеспечение такого развития финансовой системы и финансовых отношений и процессов в экономике, при котором создаются необходимые финансовые условия для социально-экономической и финансовой стабильности развития страны, сохранения целостности и единства финансовой системы (включая денежную, бюджетную, кредитную, налоговую и валютные системы), успешного преодоления внутренних и внешних угроз России в финансовой сфере
В. Н. Алексеев, В. К. Сенчагов	Финансовая безопасность страны — это система финансовых потоков бюджетной и внебюджетной сферы, банковской сферы фондового и валютного рынков, других денежных потоков, при которой все сегменты финансовой сферы достаточны в своих размерах, в определенных пропорциях сбалансированы и соразмерны между собой, максимально возможно защищены от внешних и внутренних неблагоприятных воздействий и способствуют устойчивому социально-экономическому развитию
В. Н. Алексеев	Финансовая безопасность — это состояние защищенности финансовой инфраструктуры страны от внутренних и внешних деструктивных факторов, позволяющее в условиях глобализации и вызовов международной конкуренции выполнять присущие ей функции, обеспечивать стабильность и устойчивое развитие национальной экономики
М. А. Скворцова	Финансовая безопасность государства — отражает состояние и готовность финансовой системы государства к своевременному и надежному финансовому обеспечению экономических потребностей в размерах, достаточных для поддержания необходимого уровня экономической безопасности страны. Для региона она должна быть наполнена специфическими требованиями, важными именно для этого региона
В. В. Бурцев	Финансовая безопасность — это способность государственных органов выполнять возложенных на них функции, в том числе предотвращать преступления в административные правонарушения в финансовых правоотношениях
Е. Н. Сидорова, Д. А. Татаркин	Финансовая безопасность, сущность которой заключается в формировании устойчивых финансовых потоков, обеспечивающих способность территориальных систем развиваться преимущественно за счет собственных экономических и финансовых ресурсов
И. В. Должикова	Финансовая безопасность региона представляет собой финансовые отношения по защите интересов всех элементов финансовой системы региона с учетом качественно-количественных особенностей угроз финансовой безопасности региона и факторов, ограничивающих способности региона к саморазвитию. При этом региональные интересы должны коррелировать с целями оптимального регионального развития государства
Е. В. Каранина	Финансовая безопасность региона — финансовые отношения по защите интересов всех элементов финансовой системы региона с учетом качественно-количественных особенностей угроз финансовой безопасности региона и факторов, ограничивающих способности региона к саморазвитию

Окончание приложения 2

О. Б. Жалсапова, А. А. Кораблева	Финансовая безопасность региона — такое состояние экономики, при котором обеспечиваются стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики территории
Ш. М. Магомедов, Л. В. Иваницкая, М. В. Каратаев, М. В. Чистякова	Финансовая безопасность региона — состояние региона, при котором обеспечивается стабильность экономики, эффективное использование региональных ресурсов, способность к развитию и прогрессу.
О. Б. Шевелева, Е. В. Слесаренко	Финансовая безопасность региона — это многокритериальная характеристика Состояния финансово-экономической системы региона, соответствующая разработанным параметрам
Е. Д. Кормишкин, О. С. Саушева, О. В. Федонина	Финансовая безопасность региона — комплекс мер, направленных на устойчивое, постоянное развитие и защиту от внутренних и внешних угроз
В. К. Судаков, А. И. Синенко	Финансовая безопасность региона — это состояние защищенности финансовой системы региона от внешних и внутренних угроз, нарушающих ее устойчивость, что выражается в условиях: в способности региона обеспечить приемлемый уровень жизни для населения, что в контексте финансовой системы выражается в снижении уровня теневой экономики, превышении доходной части бюджета над расходной, в снижении долговой нагрузки, в минимальном уровне или отсутствии дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, в снижении уровня инфляции; в способности региона обеспечить конкурентный рынок, что в контексте финансовой системы выражается в снижении административного давления, коррупционных издержек, долговой нагрузки предпринимательских структур, повышении инвестиционной привлекательности региона, приближении платежеспособности и финансовой устойчивости организаций к необходимому допустимому уровню
Ю. Н. Воробьев, Д. В. Порицкий	Финансовая безопасность территории (области, района) есть совокупность условий, обеспечивающих устойчивость и развитие региона
В. Ю. Паначев	Финансовая безопасность региона — способность финансовой системы восстановить свою целостность путем разрешения противоречий между движением финансовых ресурсов и производственным процессом в регионе
Н. Л. Никулина, А. И. Синенко	Финансовая безопасность региона — это состояние защищенности финансовой системы региона, включающий бюджетный, социальный, финансовый и производственный сегменты от внутренних и внешних угроз, нарушающих ее устойчивость, т. е. способность региона обеспечить необходимый уровень доходов бюджета
И. П. Данилов, А. А. Назаров, Е. П. Митрофанов	Финансовая безопасность как возможность и способность улучшения социально-экономических показателей, возможность обеспечить противостояние угрозам
Г. В. Новиков	Финансовая безопасность региона — это характеристика основных финансовых параметров развития экономики региона, при которых обеспечивается выявление и предупреждение возникновения угроз развитию ключевых финансовых сфер экономики, определяющих ход воспроизводственного процесса в регионе и высокую степень вероятности нарастания социальных конфликтов
Г. А. Константинова	Финансовая безопасность региона — это система отношений и процессов, создающих приемлемые условия и необходимые ресурсы для расширенного воспроизводства, экономического роста и роста народного благосостояния, стабильности, сохранения целостности и единства финансовой системы для успешного противостояния внутренним и внешним факторам дестабилизации финансового положения

Приложение 3

Динамика уровня дефицита бюджетов субъектов Российской Федерации за 2013–2017 гг.
и долговой нагрузки на бюджеты субъектов Российской Федерации
по состоянию на 01.01.2014–2018 гг.

Регионы	Уровень дефицита/профицита бюджета субъекта Российской Федерации, млн руб					Долговая нагрузка на бюджеты субъектов Российской Федерации, млрд руб.				
	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	На 1.01. 2014	На 1.01. 2015	На 1.01. 2016	На 1.01. 2017	На 1.01. 2018
Центральный федеральный округ	-117 539	-115 699	-96869,9	106 541	-9 709	525,43	578,47	582,88	517,41	484,65
Белгородская область	-9 901	-1 619	2588,1	-3 059	1 142	42,88	41,85	42,33	41,91	39,76
Брянская область	-3 762	-832	3020,1	780	2 050	9,75	11,50	12,85	12,99	11,75
Владимирская область	-2 959	-1 703	-521,5	1 702	813	3,67	3,78	3,79	3,79	4,16
Воронежская область	-8 710	-13 091	6642,5	1 019	5 791	20,43	29,84	35,16	35,98	33,49
Ивановская область	-3 050	-3 479	3624,9	-1 242	-658	10,35	12,33	15,65	16,83	16,77
Калужская область	-4 258	-5 840	7316,8	-2 031	1 001	20,56	24,39	31,28	30,25	30,18

Продолжение приложения 3

Костромская область	-1 881	-4 066	3425,9	-3 981	-2 709	11,76	15,94	17,69	21,33	21,99
Курская область	-2 173	-5 108	445,2	-2 186	957	5,21	8,03	7,65	9,35	9,26
Липецкая область	-5 093	173	267,7	-463	1 693	13,77	18,42	19,97	17,72	16,40
Московская область	10 361	-2 117	951,9	8 004	-14 688	84,20	103,18	98,75	98,17	97,31
Орловская область	-2 786	-2 324	2804,4	-3 228	-3 187	8,51	12,29	12,82	15,80	18,34
Рязанская область	-6 787	-1 933	1015,6	1 915	4 223	24,91	27,06	26,84	26,36	24,36
Смоленская область	-7 246	-3 767	6959,3	-1 904	227	20,38	25,16	30,39	32,96	29,50
Тамбовская область	-5 015	-2 498	3358,9	-2 423	-2 428	7,93	10,41	12,29	14,42	16,54
Тверская область	-3 814	-2 755	438,2	3 454	1 837	26,05	28,03	28,02	26,38	25,65
Тульская область	-4 799	-2 661	789	-358	-4 727	13,90	15,90	15,90	15,73	18,68
Ярославская область	-7 713	-7 794	4402,1	-5 083	-2 894	22,01	28,62	31,07	35,61	36,17
г. Москва	-47 954	-54 283	-144399	115 626	1 847	179,19	161,74	140,45	61,85	34,35

Продолжение приложения 3

Северо-Западный федеральный округ	-43 565	-43 886	16023,9	-31 553	-49 770	175,05	206,41	222,00	232,22	244,06
Республика Карелия	-5 886	-3 717	3777,4	-2 617	-2 484	13,76	19,04	21,30	22,62	24,99
Республика Коми	-12 428	-10 915	8665,2	-6 274	2 806	17,95	28,74	33,77	41,81	38,55
Архангельская область	-5 759	-7 358	2789,2	-5 440	-945	28,64	32,73	37,48	41,02	40,92
Вологодская область	-4 979	-4 261	1950,1	4 684	6 914	31,88	34,88	34,35	31,17	23,83
Калининградская область	-6 118	876	11093,7	-2 817	-2 862	16,97	18,75	20,37	21,25	22,58
Ленинградская область	-4 752	13 350	-11709,1	2 864	-8 655	10,21	10,88	9,55	6,16	3,91
Мурманская область	-6 883	-9 792	1470,9	2 526	-603	12,57	20,26	20,69	20,66	18,98
Новгородская область	-6 031	-4 530	1334,5	-257	-29	12,83	14,59	15,44	15,37	15,76
Псковская область	-5 184	-2 349	2143	-1 516	-1 656	11,59	11,91	13,31	14,79	16,37
г. Санкт-Петербург	15 154	-14 545	-7676,4	-19 325	-42 966	18,66	14,63	14,74	13,76	34,84
Ненецкий автономный округ	-699	-647	2185,4	-3 381	711	0,00	0,00	1,00	3,60	3,33

Продолжение приложения 3

Южный федеральный округ	-75 560	-54 949	46315,9	-19 406	14 147	190,17	234,59	266,69	284,96	281,28
Республика Адыгея	-485	-817	1152,9	438	-709	1,94	2,92	3,24	3,14	3,82
Республика Калмыкия	-1 565	-627	1106,1	-559	-597	1,51	2,06	3,06	3,36	3,85
Республика Крым			4411,4	-14 572	-1 318	*	0,47*	0,41*	5,30	4,31
Краснодарский край	-50 613	-26 876	17136,5	2 443	17 469	119,19	136,34	145,26	150,00	149,15
Астраханская область	-2 652	-5 709	3525,7	-1 594	1 879	18,85	24,57	26,10	29,50	27,76
Волгоградская область	-11 105	-8 648	7236,1	-6 581	-1 483	33,59	41,65	47,81	53,41	53,36
Ростовская область	-9 140	-12 272	14603,8	4 536	1 464	15,09	27,04	41,22	40,25	39,04
г. Севастополь			-2856,6	-3 516	-2 558	*	0,0	0,0	0,00	0,00
Северо- Кавказский федеральный округ	-17 705	-15 395	-15395	-3 558	1 521	57,69	71,30	82,11	87,79	83,18
Республика Дагестан	-3 455	-2 567	4108,7	1 812	3 696	13,72	15,04	17,04	15,75	12,19

Продолжение приложения 3

Республика Ингушетия	-3 714	169	2156,7	866	117	2,38	2,66	3,24	2,39	2,25
Кабардино-Балкарская Республика	-1 020	-1 998	3087,3	-2 893	-2 697	4,84	6,54	7,34	10,32	12,19
Карачаево-Черкесская Республика	65	-2 180	676,7	-662	47	3,82	4,86	5,26	5,59	5,53
Республика Северная Осетия — Алания	-1 971	-1 776	846,1	94	-386	7,45	8,62	9,06	9,22	9,29
Чеченская Республика	41	-2 067	737,3	824	361	4,54	5,62	5,54	5,57	4,87
Ставропольский край	-7 651	-4 976	10388,4	-3 600	383	20,94	27,95	34,63	38,95	36,86
Приволжский федеральный округ	204836 —	-222220	84380,7	-15 408	8 275	393,47	476,73	523,75	550,83	545,01
Республика Башкортостан	-105 420	-113 303	1878,1	10 102	11 694	19,85	24,63	24,59	23,62	18,15
Республика Марий Эл	-17 466	-13 812	2465,1	-362	145	8,94	10,77	13,13	13,51	13,45
Республика Мордовия	-1 749	-2 262	8843,2	-4 383	-10 062	26,70	28,57	36,04	40,22	49,99

Продолжение приложения 3

Республика Татарстан	-4 112	-5 750	6451,1	472	13 650	85,30	93,18	91,34	93,42	93,32
Удмуртская Республика	-1 219	-17 813	7403,6	-7 945	189	28,84	37,92	41,86	48,97	48,94
Чувашская Республика	-9 049	-13 229	2908,1	1 663	-501	9,83	12,26	14,29	14,26	14,12
Пермский край	-1 378	-3 359	5975,2	-587	519	0,55	12,46	19,54	21,01	17,88
Кировская область	-9 755	-11 369	4080	-2 925	-79	17,27	21,44	23,87	26,23	26,06
Нижегородская область	-6 624	-4 513	10956,2	-3 890	-3 678	56,05	66,14	73,70	78,42	76,03
Оренбургская область	-10 714	-11 671	4453	-686	-942	24,35	29,58	28,99	28,46	27,02
Пензенская область	-10 945	-2 905	2816,1	-74	-404	18,62	21,33	21,26	21,21	20,23
Самарская область	-6 470	-1 962	12931,1	-5 504	-294	39,64	53,29	62,62	67,40	64,39
Саратовская область	-11 882	-15 069	5718,7	-63	735	44,32	47,72	50,40	50,38	50,33
Ульяновская область	-8 053	-5 203	7501,2	-1 227	-2 697	13,22	17,43	22,10	23,71	25,11
Уральский Федеральный округ	-6 005	-4 384	6777,6	-12 100	780	102,94	134,15	162,94	168,98	153,77

Продолжение приложения 3

Курганская область	-129 519	-13 282	4869,5	-2 844	-2 253	4,87	7,73	11,73	15,05	16,59
Свердловская область	-2 112	-3 890	17545,2	-4 613	-1 498	33,89	49,66	66,49	72,19	75,60
Тюменская область	-26 354	-21 945	-11788,4	4 447	-681	0,72	0,32	1,14	2,09	1,60
Челябинская область	-32 707	6 990	2541,7	352	7 273	23,36	26,85	33,45	28,53	15,61
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	-11 779	-4 073	-7267	-9 115	-17 305	12,60	14,49	14,46	17,43	19,10
Ямало-Ненецкий автономный округ	-36 697	7 594	876,6	-327	15 244	27,51	35,09	35,68	33,69	25,27
Сибирский федеральный округ	-110 261	-91 985	78539,5	-30 332	2 713	195,14	269,03	334,81	361,52	364,70
Республика Алтай	901	230	674,9	-55	430	1,93	2,05	1,97	1,60	1,51
Республика Бурятия	-366	-4 192	1219,1	-2 528	-2 701	5,61	8,50	10,12	10,11	11,31
Республика Тыва	-2 498	-1 004	1211,4	936	417	2,19	2,01	2,91	2,70	2,27
Республика Хакасия	-3 916	-2 923	5051,5	-7 187	-2 035	8,38	10,85	16,68	22,88	24,61

Продолжение приложения 3

Алтайский край	-769	-1 164	2647,7	5 173	2 295	1,45	2,04	2,44	2,20	2,01
Забайкальский край	-5 058	-7 138	6585,1	167	-2 038	14,82	19,99	26,46	26,57	28,28
Красноярский край	-33 178	-23 126	21111,1	-15 203	-5 790	47,31	68,74	84,73	95,90	99,63
Иркутская область	-14 094	-13 246	9934,3	1 098	-895	3,15	11,77	21,12	18,79	18,59
Кемеровская область	-16 906	-13 249	8936,2	-5 846	20 860	41,52	50,81	58,38	62,94	55,99
Новосибирская область	-18 280	-14 371	13191,3	-745	57	24,47	35,83	46,73	47,86	47,14
Омская область	-9 264	-5 796	5155,3	-5 562	-1 916	29,66	36,58	40,05	44,32	44,98
Томская область	-6 831	-6 005	2821,6	-581	-5 971	14,64	19,85	23,22	25,66	28,37
Дальневосточный федеральный округ	-41 908	-20 530	4323	-6 631	-19 911	97,58	118,37	142,99	149,49	158,75
Республика Саха (Якутия)	-10 243	-5 034	4323	-7 539	-8 442	24,31	30,31	38,29	44,90	51,82
Камчатский край	145	-1 127	276,6	-585	820	3,57	5,93	5,00	3,32	4,57
Приморский край	-10 638	-3 345	153,7	4 648	4 459	8,82	8,02	7,74	6,24	4,38
Хабаровский край	-3 647	-15 179	11199,3	-4 635	-6 340	15,42	23,20	30,81	36,09	41,11

Окончание приложения 3

Амурская область	-2 813	-11 649	4277,5	3 511	448	22,82	28,23	30,48	30,60	27,67
Магаданская область	-2 616	-4 358	5453	-836	-1 556	2,52	6,38	12,08	12,08	13,30
Сахалинская область	-2 080	23 106	-10706,5	-3 258	-7 149	4,45	0,00	0,00	0,00	0,00
Еврейская автономная область	-435	-1 994	1445,1	-738	-762	2,31	3,17	4,47	4,92	5,21
Чукотский автономный округ	-9 582	-949	-2115,1	2 802	-1 388	13,36	13,14	14,10	11,34	10,69
Российская Федерация	-641 477	-469 029	171,6	-12 448	-51 954	1 737,46	2089,51	2318,59	2 353,19	2315,40

Показатели, характеризующие социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации за 2016 год

Субъект Российской Федерации	ВРП на душу населения в тыс. руб. в 2015 г., тыс. руб.	Инвестиции в основной капитал на душу населения в 2016 г., тыс. руб.	Среднедушевые денежные доходы к прожиточному минимуму в 2016, раз	Основные фонды на душу населения в 2016 г., тыс. руб.	Сальдированный результат деятельности предприятий на душу населения, 2016 г., тыс. руб.	Удельный вес убыточных предприятий, за 2016 г, %
Белгородская область	442,0	92,7	408,2	902,1	139,1	27,3
Брянская область	221,2	55,9	319,0	600,6	13,2	35,9
Владимирская область	257,6	56,3	286,7	566,7	26,3	30,3
Воронежская область	352,5	116,1	407,4	657,1	15,9	25,4
Ивановская область	167,1	22,0	279,0	540,7	-0,2	40,5
Калужская область	330,0	79,1	338,7	899,6	23,8	31,4
Костромская область	243,3	40,7	296,2	647,2	21,0	31,8
Курская область	298,6	80,0	352,7	716,9	44,3	27,5

Продолжение приложения 4

Липецкая область	395,7	110,7	386,5	1019,7	37,4	25,6
Московская область	432,9	86,1	415,4	975,0	78,1	25,4
Орловская область	272,6	63,2	292,9	625,6	20,1	30,0
Рязанская область	280,5	45,3	336,4	822,9	29,7	28,0
Смоленская область	269,7	62,7	271,4	870,1	17,8	32,5
Тамбовская область	331,5	102,2	371,7	767,3	19,7	25,1
Тверская область	263,1	68,9	277,9	935,1	7,0	36,7
Тульская область	317,9	74,9	341,2	689,0	44,6	31,4
Ярославская область	340,0	64,4	330,1	965,0	17,3	32,8
г. Москва	1093,0	137,8	469,4	2935,1	375,5	29,5
Республика Карелия	336,7	56,2	237,4	1077,9	39,0	42,6
Республика Коми	615,2	234,8	283,9	3588,1	68,0	39,4
Архангельская область без АО	356,1	80,6	305,6	1071,6	30,8	28,8
Ненецкий автономный округ	4956,8	1939,4	371,9	17203,4	473,2	52,7

Продолжение приложения 4

Вологодская область	395,9	101,7	285,2	1308,7	130,7	31,5
Калининградская область	333,3	79,6	299,3	766,6	56,0	35,5
Ленинградская область	476,4	146,8	318,7	1631,7	110,9	25,8
Мурманская область	515,3	133,0	318,5	2496,5	143,5	43,5
Новгородская область	392,4	126,5	291,6	993,5	42,7	34,3
Псковская область	206,9	42,3	234,7	576,1	12,5	37,4
г. Санкт-Петербург	572,5	110,8	467,6	1239,4	171,9	25,1
Республика Адыгея	182,1	34,0	316,4	404,5	5,7	17,5
Республика Калмыкия	170,2	48,5	195,6	705,0	2,8	50,0
Республика Крым	129,8	27,7	210,1	1074,8	20,2	40,0
Краснодарский край	349,5	77,4	384,9	984,0	80,2	27,4
Астраханская область	314,8	116,4	284,3	1332,1	-5,9	41,5

Продолжение приложения 4

Волгоградская область	290,0	71,4	263,3	816,3	16,4	34,3
Ростовская область	276,9	67,9	325,6	610,6	20,3	26,6
г. Севастополь	88,3	28,6	279,0	640,6	9,4	34,1
Республика Дагестан	184,0	69,3	444,3	516,3	-3,1	26,9
Республика Ингушетия	113,1	41,9	190,6	212,0	-1,7	37,3
Кабардино-Балкарская респ	145,1	40,7	234,6	293,2	-1,4	42,5
Карачаево-Черкесская респ	144,4	42,6	216,8	426,0	5,0	25,0
Республика Северная Осетия	181,4	39,0	291,0	352,5	-2,5	37,4
Чеченская Республика	113,4	44,1	311,0	330,9	-5,7	31,3
Ставропольский край	217,3	39,5	320,5	597,4	17,2	22,8
Республика Башкортостан	323,9	88,7	404,2	705,2	42,5	27,7
Республика Марий Эл	241,8	39,7	244,3	590,8	4,8	33,6

Продолжение приложения 4

Республика Мордовия	231,8	65,4	252,5	741,8	8,1	31,0
Республика Татарстан	471,8	165,7	466,8	1095,5	92,2	24,6
Удмуртская Республика	328,1	56,3	306,0	771,1	67,0	29,8
Чувашская Республика	202,6	40,1	248,1	615,5	-9,3	30,5
Пермский край	398,2	90,0	320,3	1217,5	73,5	30,5
Кировская область	214,1	41,0	253,8	608,0	9,9	28,6
Нижегородская область	329,2	67,5	383,5	859,4	44,4	31,1
Оренбургская область	389,5	82,8	285,7	1025,3	47,5	33,6
Пензенская область	250,8	48,3	285,0	693,3	11,6	38,3
Самарская область	387,2	80,1	309,9	940,2	62,9	26,8
Саратовская область	249,1	58,5	268,8	717,9	14,7	27,5
Ульяновская область	240,6	54,9	289,3	581,0	10,1	43,2

Продолжение приложения 4

Курганская область	210,4	33,3	243,4	812,0	5,4	34,3
Свердловская область	411,0	79,9	376,7	1405,9	56,3	29,5
Тюменская область без АО	609,5	178,4	335,9	1403,8	271,4	29,3
Ханты-Мансийский АО	1905,6	491,4	321,4	7079,9	95,9	29,0
Ямало-Ненецкий АО	3383,2	2050,4	473,1	19065,6	1127,8	38,6
Челябинская область	334,2	55,4	285,9	834,4	51,0	31,0
Республика Алтай	192,5	57,1	213,8	589,5	20,1	33,9
Республика Бурятия	207,5	31,3	294,9	619,0	16,0	33,7
Республика Тыва	148,4	27,0	174,8	288,4	30,6	33,1
Республика Хакасия	319,3	49,8	247,2	777,1	30,7	33,0
Алтайский край	208,0	31,7	305,2	368,4	11,6	30,9
Забайкальский край	230,6	77,7	257,4	856,0	13,3	42,2
Красноярский край	562,8	146,0	294,9	1122,4	235,8	30,5

Окончание приложения 4

Иркутская область	420,7	107,2	250,9	1049,8	80,5	25,6
Кемеровская область	311,1	57,8	272,2	887,8	49,4	36,5
Новосибирская область	352,9	51,8	300,6	699,5	15,2	32,1
Омская область	312,9	44,6	314,2	516,5	133,5	27,2
Томская область	439,1	94,2	260,4	1086,1	53,7	24,1
Республика Саха (Якутия)	779,0	286,4	300,8	2103,3	259,3	33,2
Камчатский край	546,2	105,7	241,3	1590,7	101,1	26,6
Приморский край	372,7	64,1	289,9	1625,4	25,7	30,8
Хабаровский край	428,7	86,3	330,7	1191,8	49,4	33,5
Амурская область	345,3	159,9	294,7	23,9	24,2	34,1
Магаданская область	855,7	266,4	326,1	1777,9	250,2	34,5
Сахалинская область	1701,5	508,9	415,2	5668,8	140,2	27,6
Еврейская автономная обл	273,3	77,9	213,5	1364,4	11,5	41,5
Чукотский автономный округ	1283,3	195,0	482,2	2839,2	713,9	45,2

Приложение 5

Показатели, характеризующие состояние финансовой системы субъектов Российской Федерации, в 2017 году

	Количество кредитных организаций, филиалов и структурных подразделений на тыс. населения на 01.01.2018, шт.	Задолженность по кредитам юридическим лицам на душу населения, тыс. руб.	Задолженность по кредитам юридическим лицам в рубрах на душу населения, тыс. руб.	Депозиты юридическим лицам на душу населения, тыс. руб.	Депозиты физическим лицам на душу населения, тыс. руб.	Доходы консолидированного бюджета на душу населения, Г., тыс. руб.	Налоговые и неналоговые доходы бюджета в объеме доходов консолидированного бюджета, %	Дефицит/профицит бюджета к налоговым и неналоговым доходам бюджета, %
Белгородская область	0,28	58,4	154,7	28,8	127,5	52,9	81,8	1,4
Брянская область	0,17	51,4	106,5	20,5	76,8	47,6	53,0	6,2
Владимирская область	0,25	55,5	62,2	11,5	121,5	44,7	79,0	1,6
Воронежская область	0,29	56,1	116,0	23,4	128,4	45,2	77,7	6,5
Ивановская область	0,22	52,0	35,6	6,7	109,1	36,4	65,8	-2,6
Калужская область	0,23	76,1	136,2	23,2	128,0	60,1	80,3	1,8
Костромская область	0,25	55,4	56,9	19,9	101,3	41,6	75,5	-12,4
Курская область	0,24	60,3	167,7	11,0	84,6	46,9	74,4	2,1
Липецкая область	0,26	53,4	102,1	33,6	102,9	53,4	83,2	3,1

Продолжение приложения 5

Московская область	2,20	106,2	228,7	18,5	172,1	74,3	93,9	-2,6
Орловская область	0,25	56,3	88,0	7,7	94,1	43,3	67,8	-13,8
Рязанская область	0,21	62,7	76,0	16,6	112,0	48,2	79,2	9,0
Смоленская область	0,18	62,9	66,2	14,0	90,3	45,4	80,9	0,6
Тамбовская область	0,26	51,0	85,3	6,9	77,8	49,5	60,3	-8,2
Тверская область	0,18	62,2	58,3	11,3	100,9	49,3	80,0	3,4
Тульская область	0,21	65,7	131,7	22,1	109,1	53,3	83,2	-6,9
Ярославская область	0,24	58,8	120,6	16,1	139,5	51,6	89,4	-4,6
г. Москва	0,29	100,6	887,4	682,8	698,3	150,4	97,8	0,1
Республика Карелия	0,26	86,1	59,1	9,2	107,3	62,7	65,3	-9,3
Республика Коми	0,30	106,9	30,8	9,9	135,9	84,5	91,8	3,7
Архангельская область	0,23	84,4	60,6	7,7	124,8	65,4	78,3	-1,4
Ненецкий автономный округ	0,34	124,9	5,8	19,7	166,0	331,2	92,3	3,9
Вологодская область	0,27	75,8	61,6	45,0	109,2	56,8	86,7	11,1
Калининградская область	0,23	69,7	168,1	19,9	150,9	86,7	39,8	-6,5
Ленинградская область	0,20	80,7	149,7	17,4	78,4	76,3	94,3	-6,9

Продолжение приложения 5

Мурманская область	0,28	102,6	95,9	19,7	191,5	95,9	89,9	-0,9
Новгородская область	0,27	66,4	77,5	11,2	89,0	54,0	76,2	-0,1
Псковская область	0,25	56,9	44,1	12,5	79,9	47,0	65,9	-8,1
г. Санкт-Петербург	0,25	95,7	349,3	110,4	341,6	92,0	96,0	-8,6
Республика Адыгея	0,22	57,8	46,7	1,3	45,0	40,0	64,5	-5,8
Республика Калмыкия	0,14	74,3	25,1	1,3	31,8	41,9	54,1	-8,5
Республика Крым	0,17	5,8	11,1	2,3	33,5	61,1	37,2	7,2
Краснодарский край	0,26	61,7	164,5	12,5	116,5	47,3	85,1	6,9
Астраханская область	0,21	66,5	44,5	3,0	73,9	38,1	84,2	5,1
Волгоградская область	0,22	54,8	52,9	7,9	86,9	40,0	76,4	-1,8
Ростовская область	0,25	63,6	103,0	13,0	104,2	45,1	81,5	0,9
г. Севастополь	0,23	7,7	6,9	2,9	48,0	50,9	40,2	-20,5
Республика Дагестан	0,05	11,9	11,2	0,6	17,7	32,2	30,3	11,4
Республика Ингушетия	0,02	8,3	11,6	0,5	9,4	59,6	18,7	2,7
Кабардино-Балкарская респ	0,13	35,4	50,3	2,3	36,9	36,1	47,8	-19,2

Продолжение приложения 5

Карачаево-Черкесская респ	0,09	40,8	61,9	1,9	30,9	45,5	34,5	0,6
Республика Северная Осетия	0,10	47,7	20,5	1,0	50,1	37,4	51,2	-2,7
Чеченская Республика	0,03	12,8	16,4	5,3	7,3	50,9	19,6	2,4
Ставропольский край	0,19	55,3	61,9	9,8	78,8	35,7	69,7	0,5
Республика Башкортостан	0,26	68,9	87,8	20,1	82,9	48,0	82,3	7,1
Республика Марий Эл	0,22	56,9	85,8	13,9	69,0	39,8	66,7	0,7
Республика Мордовия	0,31	53,4	124,7	9,3	71,8	52,0	68,3	-37,0
Республика Татарстан	0,33	69,9	207,2	63,5	139,5	67,4	89,7	5,3
Удмуртская Республика	0,24	74,8	162,4	22,9	84,7	48,5	80,4	0,3
Чувашская Республика	0,27	65,7	53,3	12,1	87,5	39,5	67,0	-1,5
Пермский край	0,29	79,1	157,8	22,1	115,6	50,6	87,1	0,4
Кировская область	0,28	61,2	37,6	11,8	82,9	42,5	69,3	-0,2
Нижегородская область	0,27	64,0	101,6	19,3	134,6	50,8	86,7	-2,4
Оренбургская область	0,30	72,1	83,5	7,3	80,3	45,7	82,3	-1,2

Продолжение приложения 5

Пензенская область	0,25	54,6	61,8	7,5	80,7	41,2	72,7	-1,0
Самарская область	0,23	69,3	128,1	34,9	163,4	54,1	87,4	-0,2
Саратовская область	0,23	55,0	57,4	8,2	91,9	37,6	76,8	1,0
Ульяновская область	0,21	66,3	75,3	8,0	87,7	44,5	80,8	-5,7
Курганская область	0,35	63,9	26,2	4,3	56,5	44,4	58,4	-9,7
Свердловская область	0,25	81,7	196,6	26,6	143,6	56,1	93,2	-0,6
Тюменская область без АО	0,24	108,7	406,2	56,4	134,3	96,4	95,5	-0,4
Ханты-Мансийский АО	0,30	174,7	152,3	90,9	237,4	149,3	95,1	-7,9
Ямало-Ненецкий АО	0,30	188,9	611,9	43,0	185,3	289,5	98,0	8,4
Челябинская область	0,24	70,8	126,0	16,6	102,5	46,5	84,9	4,8
Республика Алтай	0,26	54,0	68,2	1,9	35,8	78,7	30,8	7,9
Республика Бурятия	0,20	73,3	27,5	7,5	48,7	52,4	65,0	-9,1
Республика Тыва	0,20	64,2	6,2	1,1	24,3	76,8	25,8	6,5
Республика Хакасия	0,17	65,5	52,5	2,2	61,1	49,3	79,6	-8,8
Алтайский край	0,25	58,3	51,8	14,7	67,4	42,0	65,0	3,5

Окончание приложения 5

Забайкальский край	0,29	75,9	40,7	3,4	56,7	51,5	69,1	-5,0
Красноярский край	0,22	92,3	289,4	10,8	95,2	77,8	85,9	-2,7
Иркутская область	0,23	89,5	120,3	32,2	97,3	63,6	86,4	-0,6
Кемеровская область	0,23	69,0	204,0	9,9	87,4	50,1	85,8	14,6
Новосибирская область	0,24	85,2	92,9	21,4	151,4	52,5	88,2	0,0
Омская область	0,21	66,9	56,6	9,4	89,2	42,4	81,7	-2,7
Томская область	0,27	76,7	80,7	20,4	108,4	62,2	80,5	-11,4
Республика Саха (Якутия)	0,32	126,9	271,5	23,4	96,6	74,8	67,6	-6,1
Камчатский край	0,35	97,9	107,5	20,1	211,7	358,7	39,9	2,7
Приморский край	0,24	69,9	91,9	14,6	145,1	52,9	80,6	4,5
Хабаровский край	0,24	84,2	188,8	78,3	162,0	43,4	81,3	-7,1
Амурская область	0,27	83,8	39,1	8,8	95,6	41,1	82,3	0,9
Магаданская область	0,38	129,1	139,5	85,3	253,4	1071,5	63,0	-7,1
Сахалинская область	0,29	101,8	64,5	168,0	219,1	23,3	96,3	-5,7
Еврейская автономная обл	0,28	65,2	16,2	3,0	71,0	69,1	67,9	-10,6
Чукотский автономный округ	0,42	93,3	164,2	30,3	198,2	661,9	43,1	-10,7

Приложение 6

Расчетные значения показателей для оценки финансовой безопасности в бюджетно-налоговой сфере в разрезе субъектов Российской Федерации

Субъект Российской Федерации	Индекс показателя*				
	доходы бюджета субъекта Российской Федерации в расчете на душу населения к среднему по России (67,6)	расходы бюджета субъекта Российской Федерации в расчете на душу населения к среднему по России (67,68)	дефицит бюджета субъекта Российской Федерации к собственным доходам	доля собственных средств в доходах бюджета субъекта Российской Федерации	отношение государственного долга к собственным доходам бюджета субъекта Российской Федерации
Пороговое значение	Не менее 1	Не менее 1	Не более 0,1	Не менее 0,75	Не более 0,5 (убывающая функция)
Белгородская область	0,78	0,81	-0,05	0,77	0,66
Брянская область	0,70	0,69	0,03	0,53	0,42
Владимирская область	0,66	0,64	0,03	0,80	0,08
Воронежская область	0,67	0,66	0,01	0,79	0,43

Ивановская область	0,54			-0,05	0,69	0,66
Калужская область	0,89			-0,04	0,79	0,63
Костромская область	0,62			-0,20	0,75	1,05
Курская область	0,69			-0,06	0,75	0,24
Липецкая область	0,79			-0,01	0,83	0,35
Московская область	1,10			0,02	0,95	0,19
Орловская область	0,64			-0,15	0,68	0,71
Рязанская область	0,71			0,05	0,78	0,63
Смоленская область	0,67			-0,05	0,82	0,92
Тамбовская область	0,73			-0,08	0,62	0,45
Тверская область	0,73			0,07	0,82	0,50
Тульская область	0,79			-0,01	0,84	0,23
Ярославская область	0,76			-0,09	0,90	0,60
г. Москва	2,22			0,06	0,96	0,03
Республика Карелия	0,93			-0,10	0,67	0,86
Республика Коми	1,25			-0,10	0,90	0,64
Архангельская область	0,97			-0,09	0,77	0,70
Ненецкий автономный округ	4,90			-0,26	0,89	0,28
Вологодская область	0,84			0,08	0,82	0,56

Продолжение приложения 6

Калининградская область	1,28	1,32	-0,07	0,49	0,51
Ленинградская область	1,13	1,10	0,02	0,93	0,05
Мурманская область	1,42	1,37	0,00	0,91	0,31
Новгородская область	0,80	0,80	-0,01	0,84	0,55
Псковская область	0,70	0,73	-0,08	0,64	0,76
г. Санкт-Петербург	1,36	1,41	-0,04	0,95	0,03
Республика Адыгея	0,59	0,58	0,04	0,64	0,27
Республика Калмыкия	0,62	0,65	-0,10	0,46	0,62
Республика Крым	0,90	1,01	-0,36	0,35	0,13
Краснодарский край	0,70	0,69	0,01	0,87	0,65
Астраханская область	0,56	0,59	-0,05	0,77	0,99
Волгоградская область	0,59	0,63	-0,08	0,80	0,65
Ростовская область	0,67	0,65	0,03	0,81	0,26
г. Севастополь	0,75	0,87	-0,34	0,47	0,00
Республика Дагестан	0,48	0,47	0,05	0,34	0,47
Республика Ингушетия	0,88	0,85	0,22	0,14	0,59

Продолжение приложения 6

Кабардино-Балкарская республика	0,53	0,58	-0,18	0,53	0,63
Карачаево-Черкесская республика	0,67	0,69	-0,08	0,41	0,65
Республика Северная Осетия	0,55	0,55	0,01	0,52	0,67
Чеченская Республика	0,75	0,74	0,05	0,22	0,36
Ставропольский край	0,53	0,55	-0,05	0,72	0,54
Республика Башкортостан	0,71	0,67	0,06	0,82	0,15
Республика Марий Эл	0,59	0,60	-0,02	0,63	0,79
Республика Мордовия	0,77	0,85	-0,16	0,66	1,44
Республика Татарстан	1,00	0,99	0,00	0,89	0,40
Удмуртская Республика	0,72	0,79	-0,13	0,84	0,79
Чувашская Республика	0,58	0,56	0,05	0,68	0,43

Продолжение приложения 6

Пермский край	0,75	0,75	0,00	0,88	0,18
Кировская область	0,63	0,66	-0,07	0,71	0,67
Нижегородская область	0,75	0,77	-0,03	0,87	0,55
Оренбургская область	0,68	0,68	-0,01	0,81	0,38
Пензенская область	0,61	0,61	0,00	0,70	0,55
Самарская область	0,80	0,82	-0,03	1,00	0,39
Саратовская область	0,56	0,56	0,00	0,77	0,71
Ульяновская область	0,66	0,67	-0,03	0,81	0,52
Курганская область	0,66	0,70	-0,13	0,59	0,67
Свердловская область	0,83	0,84	-0,02	0,91	0,33
Тюменская область	0,58	0,56	0,03	0,94	0,02
Ханты-Мансийский АО	2,21	2,29	-0,04	0,96	0,12
Ямало-Ненецкий АО	4,28	4,28	0,00	0,98	0,11
Челябинская область	0,69	0,69	0,03	0,85	0,24
Республика Алтай	1,16	1,17	0,00	0,30	0,31
Республика Бурятия	0,77	0,81	0,00	0,58	0,34
Республика Тыва	1,14	1,09	-0,42	0,24	0,45

Республика Хакасия	0,73	0,93	0,05	0,77	1,12
Алтайский край	0,62	0,59	-0,11	0,67	0,03
Забайкальский край	0,76	0,76	0,14	0,68	0,70
Красноярский край	1,15	1,23	0,00	0,89	0,48
Иркутская область	0,94	0,93	-0,12	0,86	0,14
Кемеровская область	0,74	0,77	0,01	0,84	0,56
Новосибирская область	0,78	0,78	-0,05	0,89	0,37
Омская область	0,63	0,67	-0,01	0,82	0,65
Томская область	0,92	0,93	-0,10	0,85	0,45
Республика Саха (Якутия)	3,01	3,13	0,00	0,67	0,34
Камчатский край	3,39	3,41	-0,26	0,40	0,12
Приморский край	0,87	0,83	-0,01	0,85	0,07
Хабаровский край	1,13	1,18	0,05	0,83	0,43
Амурская область	1,07	1,00	-0,10	0,77	0,69
Магаданская область	3,34	3,42	0,15	0,71	0,52
Сахалинская область	4,74	4,83	-0,01	0,97	0,00
Еврейская автономная область	1,02	1,09	-0,50	0,57	0,75
Чукотский автономный округ	9,79	8,95	-0,04	0,51	0,68

*Жирным шрифтом в таблице выделены показатели, превышающие пороговые значения.

Приложение 7

Рейтинг субъектов Российской Федерации по результатам оценки уровня финансовой безопасности в бюджетно-налоговой сфере

Субъект Российской Федерации	Место субъекта Российской Федерации					Итоговое место
	доходы бюджета субъекта Российской Федерации в расчете на душу населения к среднему по России	расходы бюджета субъекта Российской Федерации в расчете на душу населения к среднему по России	дефицит бюджета субъекта Российской Федерации к собственным доходам	доля собственных средств в доходах бюджета субъекта Российской Федерации	отношение государственного долга к собственным доходам бюджета субъекта Российской Федерации	
Белгородская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Брянская область	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2
Владимирская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Воронежская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Ивановская область	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2
Калужская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Костромская область	4,0	4,0	6,0	2,0	3,0	3,6
Курская область	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2
Липецкая область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Московская область	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Орловская область	4,0	4,0	4,0	3,0	1,0	2,9
Рязанская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Смоленская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Тамбовская область	4,0	3,0	1,0	3,0	1,0	2,0
Тверская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Тульская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Ярославская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
г. Москва	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Республика Карелия	3,0	2,0	2,0	3,0	1,0	2,0
Республика Коми	1,0	4,0	2,0	1,0	1,0	1,5
Архангельская область	3,0	1,0	3,0	1,0	1,0	1,6
Ненецкий автономный округ	1,0	1,0	6,0	1,0	1,0	1,4
Вологодская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Калининградская область	1,0	1,0	1,0	4,0	1,0	1,3
Ленинградская область	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Мурманская область	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Новгородская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Псковская область	4,0	3,0	1,0	3,0	1,0	2,0
г. Санкт-Петербург	1,0	1,0	6,0	1,0	1,0	1,4
Республика Адыгея	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2

Продолжение приложения 7

Республика Калмыкия	4,0	4,0	3,0	4,0	1,0	2,9
Республика Крым	3,0	1,0	6,0	4,0	1,0	2,4
Краснодарский край	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Астраханская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Волгоградская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Ростовская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
г. Севастополь	3,0	3,0	6,0	4,0	1,0	2,9
Республика Дагестан	5,0	5,0	1,0	4,0	1,0	2,5
Республика Ингушетия	3,0	3,0	1,0	5,0	1,0	2,1
Кабардино-Балкарская республика	4,0	4,0	5,0	3,0	1,0	3,0
Карачаево-Черкесская республика	4,0	4,0	1,0	4,0	1,0	2,3
Республика Северная Осетия	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2
Чеченская Республика	3,0	4,0	1,0	5,0	1,0	2,3
Ставропольский край	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2
Республика Башкортостан	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Республика Марий Эл	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2
Республика Мордовия	3,0	3,0	5,0	3,0	4,0	3,5
Республика Татарстан	1,0	2,0	1,0	1,0	1,0	1,1
Удмуртская Республика	4,0	3,0	4,0	1,0	1,0	2,2
Чувашская Республика	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2
Пермский край	4,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Кировская область	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2
Нижегородская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Оренбургская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Пензенская область	4,0	4,0	1,0	3,0	1,0	2,2
Самарская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Саратовская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Ульяновская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Курганская область	4,0	3,0	4,0	3,0	1,0	2,7
Свердловская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Тюменская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Ханты-Мансийский АО	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Ямало-Ненецкий АО	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Челябинская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Республика Алтай	1,0	1,0	1,0	4,0	1,0	1,3
Республика Бурятия	3,0	3,0	1,0	3,0	1,0	1,9
Республика Тыва	1,0	1,0	6,0	5,0	1,0	2,0
Республика Хакасия	4,0	3,0	1,0	1,0	3,0	2,0
Алтайский край	4,0	4,0	3,0	3,0	1,0	2,7
Забайкальский край	3,0	3,0	1,0	3,0	1,0	1,9
Красноярский край	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Иркутская область	3,0	3,0	3,0	1,0	1,0	1,9

Окончание приложения 7

Кемеровская область	4,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Новосибирская область	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Омская область	4,0	4,0	1,0	1,0	1,0	1,7
Томская область	3,0	3,0	2,0	1,0	1,0	1,8
Республика Саха (Якутия)	1,0	1,0	1,0	3,0	1,0	1,2
Камчатский край	1,0	1,0	6,0	4,0	1,0	1,9
Приморский край	3,0	3,0	1,0	1,0	1,0	1,6
Хабаровский край	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Амурская область	1,0	2,0	3,0	1,0	1,0	1,4
Магаданская область	1,0	1,0	1,0	3,0	1,0	1,2
Сахалинская область	1,0	1,0	1,0	1,0	2,0	1,1
Еврейская автономная область	1,0	1,0	6,0	3,0	1,0	1,8
Чукотский автономный округ	1,0	1,0	1,0	3,0	1,0	1,2

Приложение 8

Динамика теневой экономики в регионах
Российской Федерации за 2013–2015 годы, рассчитанная
на основе отклонения налоговой отчетности от статистической,
% от ВРП

№	РЕГИОН	2013	2014	2015
Центральный федеральный округ		29	34,1	33,9
1.	Белгородская область	55,3	60,0	60,5
2.	Брянская область	47,7	48,4	52
3.	Владимирская область	33,2	36,7	36,6
4.	Воронежская область	45,9	50,0	50,8
5.	Ивановская область	36,2	31,5	35,7
6.	Калужская область	36,8	39,7	39,8
7.	Костромская область	38,4	40,1	43,2
8.	Курская область	36,5	40,0	42,5
9.	Липецкая область	43,7	38,4	40,1
10.	Московская область	33,2	30,6	36
11.	Орловская область	44,7	45,2	50
12.	Рязанская область	42,2	42,6	44,4
13.	Смоленская область	42,5	43,3	39,6
14.	Тамбовская область	54,1	59,9	60,4
15.	Тверская область	38,6	39,8	43,6
16.	Тульская область	40,6	41,5	46,1
17.	Ярославская область	40,2	41,3	43,7
18.	г. Москва	32,5	31,3	26,3
Северо-Западный федеральный округ		31,6	33,6	32,6
19.	Республика Карелия	43,8	38,9	41,4
20.	Республика Коми	48,4	46,5	47,8
21.	Архангельская область	52,3	52,5	52,7
22.	Вологодская область	42,8	47,4	51,7

Продолжение приложения 8

23.	Калининградская область	44,4	47,5	50,6
24.	Ленинградская область	42,9	29,3	28,9
25.	Мурманская область	22,8	25,7	20,9
26.	Новгородская область	36,4	46,3	50,7
27.	Псковская область	36,3	37,7	38,9
28.	г. Санкт-Петербург	24,2	23,8	21,4
Южный федеральный округ		50,2	50,9	50,5
29.	Республика Адыгея	52,3	52,2	54,3
30.	Республика Калмыкия	52,6	55,8	56,2
31.	Краснодарский край	52,8	50,7	50,6
32.	Астраханская область	50,5	56,0	56,8
33.	Волгоградская область	53,2	56,6	53,6
34.	Ростовская область	43,1	45,2	47,2
35.	Республика Крым	-	52,2	43,5
36.	г. Севастополь	-	32,6	22,8
Северо-Кавказский федеральный округ		56,7	58,7	59,5
37.	Республика Дагестан	75,3	76,6	76,6
38.	Республика Ингушетия	48,9	53,0	51,4
39.	Кабардино-Балкарская Республика	59,1	59,4	59,8
40.	Карачаево-Черкесская Республика	53,0	50,8	51,4
41.	Республика Северная Осетия-Алания	54,6	56,3	54,4
42.	Чеченская Республика	47,5	51,5	52,2
43.	Ставропольский край	42,6	45,1	48,3
Приволжский федеральный округ		43,8	45,0	43,8
44.	Республика Башкортостан	48,2	48,4	47,4
45.	Республика Марий Эл	42,1	41,9	44,9
46.	Республика Мордовия	22	46,4	48
47.	Республика Татарстан	44	43,7	40,2
48.	Удмуртская Республика	36,9	40,9	40,7
49.	Чувашская Республика	43	42,9	44,2
50.	Пермский край	41,6	48,7	45,5
51.	Кировская область	33,3	36,4	38,2
52.	Нижегородская область	40,4	42,1	39,2
53.	Оренбургская область	54,1	47,1	46,8
54.	Пензенская область	47,6	48,4	51,6
55.	Самарская область	42,8	43,8	43,5
56.	Саратовская область	44,9	46,8	49,8
57.	Ульяновская область	44,5	43,5	41
Уральский федеральный округ		50,8	40,1	44
58.	Курганская область	47,6	45,5	45
59.	Свердловская область	38,1	37,0	40,8
60.	Тюменская область	39,1	35,9	38,8
61.	Челябинская область	37,9	39,4	41,3
Сибирский федеральный округ		38,8	40,2	43,3
62.	Республика Алтай	32,6	37,9	34,8
63.	Республика Бурятия	36,1	33,7	29,9
64.	Республика Тыва	27,1	28,5	28,9
65.	Республика Хакасия	47,8	50,3	54,1
66.	Алтайский край	43,3	47,4	49
67.	Забайкальский край	29,3	29,0	29,8
68.	Красноярский край	36,1	36,3	47,2

Окончание приложения 8

69.	Иркутская область	33,6	37,9	37,6
70.	Кемеровская область	33,7	38,1	42,6
71.	Новосибирская область	37,6	37,8	37,9
72.	Омская область	54,2	53,3	53,4
73.	Томская область	48,3	47,3	46,4
Дальневосточный федеральный округ		44,4	46,8	46,7
74.	Республика Саха (Якутия)	39,1	45,4	48,9
75.	Камчатский край	22,7	21,4	24,6
76.	Приморский край	42	42,9	44,9
77.	Хабаровский край	32,9	33,8	33,3
78.	Амурская область	31,6	34,4	39,3
79.	Магаданская область	13,6	12,6	14,3
80.	Сахалинская область	74,8	75,4	72
81.	Еврейская авт. область	44,4	43,5	46,2

Источники данных: Электронное приложение к сборнику «Национальные счета России в 2011–2016 годах». [Электронный ресурс]: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087050375 (дата обращения: 01.11.2017); Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций (Форма № 5-П). [Электронный ресурс]: URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/ (дата обращения: 01.11.2017); Приложение к сборнику Финансы в России. 2016. [Электронный ресурс]: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138717651859 (дата обращения: 01.11.2017).

Приложение 9

Оценка экономической безопасности в регионах Российской Федерации в сфере поддержания приемлемого качества и уровня жизни населения

Регионы	Индексы групп показателей				Комплексный индекс качества жизни
	Уровня жизни населения	Демографической ситуации	Занятости населения	Безопасности проживания	
Российская Федерация	0,77	0,82	0,73	1,09	0,84
Центральный федеральный округ					
Белгородская область	0,87	0,83	1	1,81	1,07
Брянская область	0,74	0,78	0,87	1,24	0,89
Владимирская область	0,76	0,78	0,71	1,17	0,84
Воронежская область	0,80	0,79	0,89	1,09	0,88
Ивановская область	0,73	0,78	0,71	1,14	0,82
Калужская область	0,85	0,80	0,95	1	0,90

Продолжение приложения 9

Костромская область	0,75	0,81	0,73	1,18	0,85
Курская область	0,81	0,78	0,93	1,47	0,96
Липецкая область	0,84	0,81	1	1,5	1,01
Московская область	0,94	0,83	1,21	1,34	1,06
Орловская область	0,75	0,78	0,63	1,3	0,83
Рязанская область	0,81	0,80	0,91	1,9	1,03
Смоленская область	0,73	0,76	0,66	1,12	0,80
Тамбовская область	0,81	0,79	0,89	1,37	0,94
Тверская область	0,80	0,76	0,69	0,99	0,80
Тульская область	0,83	0,76	0,98	2	1,05
Ярославская область	0,80	0,80	0,6	1,11	0,81
г. Москва	0,99	0,89	2,22	1,14	1,22
Северо-Западный федеральный округ					
Республика Карелия	0,78	0,77	0,43	0,75	0,66
Республика Коми	0,78	0,78	0,46	0,72	0,67
Архангельская область	0,82	0,79	0,56	0,9	0,76
в том числе:					
Ненецкий автономный округ	1,05	0,88	0,47	0,92	0,80
Архангельская область без автономного округа	0,80	0,79	0,56	0,9	0,75
Вологодская область	0,78	0,79	0,61	0,74	0,73
Калининградская область	0,78	0,82	0,67	1,19	0,85
Ленинградская область	0,85	0,76	0,87	1,63	0,98
Мурманская область	0,83	0,79	0,52	0,81	0,72
Новгородская область	0,77	0,76	0,82	0,82	0,79
Псковская область	0,73	0,77	0,6	1,09	0,78
г. Санкт-Петербург	0,89	0,87	2,5	1,61	1,33
Южный федеральный округ					
Республика Адыгея	0,76	0,83	0,44	1,56	0,81
Республика Калмыкия	0,63	0,86	0,38	1,51	0,75
Республика Крым	0,66	0,79	0,59	1,29	0,79
Краснодарский край	0,77	0,85	0,69	1,24	0,87
Астраханская область	0,69	0,84	0,53	1,17	0,77
Волгоградская область	0,74	0,81	0,59	1,05	0,78
Ростовская область	0,74	0,82	0,69	1,17	0,84
г. Севастополь	0,74	0,81	0,65	1,19	0,83
Северо-Кавказский федеральный округ					
Республика Дагестан	0,74	1,06	0,37	–	0,66
Республика Ингушетия	0,59	1,10	0,13	–	0,44

Продолжение приложения 9

Кабардино-Балкарская Республика	0,65	0,92	0,39	1,8	0,80
Карачаево-Черкесская Республика	0,66	0,88	0,28	2,12	0,77
Республика Северная Осетия — Алания	0,74	0,91	0,4	1,6	0,81
Чеченская Республика	0,72	1,09	0,25	—	0,58
Ставропольский край	0,72	0,86	0,7	1,31	0,87
Приволжский федеральный округ					
Республика Башкортостан	0,77	0,80	0,69	1	0,81
Республика Марий Эл	0,67	0,81	0,67	1,52	0,86
Республика Мордовия	0,72	0,79	0,95	1,52	0,95
Республика Татарстан	0,86	0,87	1,05	1,29	1,00
Удмуртская Республика	0,78	0,81	0,77	0,93	0,82
Чувашская Республика	0,71	0,81	0,75	1,43	0,89
Пермский край	0,72	0,79	0,69	0,84	0,76
Кировская область	0,72	0,82	0,74	0,95	0,80
Нижегородская область	0,79	0,78	0,93	1,29	0,93
Оренбургская область	0,75	0,80	0,82	1,17	0,87
Пензенская область	0,74	0,80	0,87	1,75	0,97
Самарская область	0,75	0,79	0,98	1,16	0,91
Саратовская область	0,72	0,81	0,78	1,59	0,92
Ульяновская область	0,75	0,79	0,87	1,31	0,91
Уральский федеральный округ					
Курганская область	0,71	0,78	0,48	0,71	0,66
Свердловская область	0,81	0,79	0,65	1,09	0,82
Тюменская область	0,98	0,87	0,87	1	0,93
в том числе:					
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,99	0,89	0,89	1,16	0,98
Ямало-Ненецкий автономный округ	1,26	0,89	1,54	1,07	1,17
Тюменская область без автономных округов	0,87	0,83	0,71	0,85	0,81
Челябинская область	0,75	0,79	0,56	0,87	0,73

Окончание таблицы 9

Сибирский федеральный округ					
Республика Алтай	0,71	0,88	0,33	0,72	0,62
Республика Бурятия	0,69	0,82	0,42	0,67	0,63
Республика Тыва	0,61	0,81	0,24	0,46	0,48
Республика Хакасия	0,73	0,79	0,63	0,78	0,73
Алтайский край	0,72	0,80	0,47	0,85	0,69
Забайкальский край	0,68	0,79	0,37	0,58	0,58
Красноярский край	0,77	0,79	0,66	0,8	0,75
Иркутская область	0,70	0,77	0,45	0,82	0,67
Кемеровская область	0,73	0,75	0,51	0,74	0,67
Новосибирская область	0,76	0,81	0,54	0,98	0,76
Омская область	0,72	0,81	0,56	1,08	0,77
Томская область	0,74	0,80	0,56	0,84	0,73
Дальневосточный федеральный округ					
Республика Саха (Якутия)	0,86	0,84	0,56	1,24	0,84
Камчатский край	0,87	0,78	0,98	0,86	0,87
Приморский край	0,73	0,78	0,67	0,79	0,74
Хабаровский край	0,81	0,78	0,8	0,79	0,79
Амурская область	0,73	0,76	0,68	0,69	0,71
Магаданская область	0,92	0,75	0,91	0,78	0,84
Сахалинская область	0,97	0,79	0,63	0,64	0,75
Еврейская автоном- ная область	0,70	0,74	0,49	0,77	0,66
Чукотский автоном- ный округ	1,10	0,74	1,14	1	0,98

Типология регионов по критериям экономической
безопасности качества и уровня жизни населения

Зоны отклонения фактического значения показателей от порогового	Индекс уровня жизни населения	Индекс качества жизни населения
Зона стабильности	Северо-Западный федеральный округ: Ненецкий автономный округ; Уральский федеральный округ: Ямало-Ненецкий автономный округ; Дальневосточный федеральный округ: Чукотский автономный округ	Центральный федеральный округ: Белгородская область, Липецкая область, Московская область, Рязанская область, Тульская область, г. Москва; Северо-Западный федеральный округ: г. Санкт-Петербург; Приволжский федеральный округ: Республика Татарстан; Уральский федеральный округ: Ямало-Ненецкий автономный округ
Зона умеренного риска	Центральный федеральный округ: Белгородская область, Владимирская область, Воронежская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Московская область, Орловская область, Рязанская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, г. Москва; Северо-Западный федеральный округ: Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Вологодская область, Калининградская область, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, г. Санкт-Петербург; Южный федеральный округ: Республика Адыгея, Краснодарский край; Приволжский федеральный округ: Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Нижегородская область, Оренбургская область, Самарская область, Ульяновская область;	Центральный федеральный округ: Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Орловская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Ярославская область; Северо-Западный федеральный округ: Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Калининградская область, Ленинградская область, Новгородская область Псковская область; Южный федеральный округ: Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым, Краснодарский край, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, г. Севастополь; Северо-Кавказский федеральный округ: Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Ставропольский край;

	Уральский федеральный округ: Свердловская область, Тюменская область, Челябинская область; Сибирский федеральный округ: Красноярский край, Новосибирская область; Дальневосточный федеральный округ: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская область, Сахалинская область	Приволжский федеральный округ: Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская область, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область; Уральский федеральный округ: Свердловская область, Тюменская область; Сибирский федеральный округ: Красноярский край, Новосибирская область, Омская область; Дальневосточный федеральный округ: Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский автономный округ
Зона значительно-го риска	Центральный федеральный округ: Брянская область, Ивановская область, Смоленская область; Северо-Западный федеральный округ: Псковская область; Южный федеральный округ: Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Крым, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область, г. Севастополь; Северо-Кавказский федеральный округ: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика, Северная Осетия — Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край; Приволжский федеральный округ: Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская область,	Северо-Западный федеральный округ: Республика Карелия, Республика Коми, Вологодская область, Мурманская область; Северо-Кавказский федеральный округ: Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика; Уральский федеральный округ: Курганская область, Челябинская область; Сибирский федеральный округ: Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Алтайский край, Забайкальский край, Иркутская область, Кемеровская область, Томская область; Дальневосточный федеральный округ: Приморский край, Амурская область, Еврейская автономная область

Окончание приложения 10

	Пензенская область, Саратовская область; Уральский федеральный округ: Курганская область; Сибирский федеральный округ: Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва, Республика Хакасия, Алтайский край, Забайкальский край, Иркутская область, Кемеровская область, Омская область, Томская область; Дальневосточный федеральный округ: Приморский край, Амурская область, Еврейская автономная область	
Зона критического риска	—	Северо-Кавказский федеральный округ: Республика Ингушетия; Сибирский федеральный округ: Республика Тыва
Зона катастрофического риска	—	—

Научное издание

Николаев Михаил Алексеевич
Демидова Светлана Евгеньевна
Балог Михаил Михайлович

МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Часть I

Коллективная монография

Технический редактор: С. Е. Демидова
Компьютерная вёрстка: С. Е. Демидова
Корректор: С. Н. Емельянова

Подписано в печать: 19.12.2018. Формат 60х90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 13,75.
Тираж 100 экз. Заказ № 5631.

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:
Россия, 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.
Издательство Псковского государственного университета